

ЗАГАДКИ ИСТОРИИ

ФАКТЫ · ОТКРЫТИЯ · ЛЮДИ



CF FOLIO

Коллектив авторов

**Загадки истории.
Факты. Открытия. Люди**

«ОМІКО»

2013

Коллектив авторов

Загадки истории. Факты. Открытия. Люди / Коллектив авторов — «ОМКО», 2013

Люди всегда с интересом относились ко всякого рода загадкам прошлого, которыми полна многовековая история человечества. Некоторые из этих загадок живут не одно тысячелетие и при этом постоянно обрастают новыми фактами, порой кардинально меняющими наше представление о многих событиях. И случается, что мифы и легенды, существующие в исторической памяти многих народов, после глубокого и всестороннего изучения становятся основой для выработки научных гипотез и версий при решении загадок далекого прошлого. Так, в конце XIX века образованные люди со снисходительной улыбкой смотрели на тех, кто всерьез воспринимал ненаучные бредни, как они считали, повествующие о Всемирном потопе. А сегодня ученые уверенно говорят о том, что подобный катаклизм имел место в прошлом нашей планеты. Еще более скептический XX век посчитал мифом рассказы китайских хронистов о Шихуанди, первом императоре Поднебесной, и его грандиозном захоронении, а во второй половине этого же столетия человечество убедилось в их существовании. Что же, миф иногда становится былью, а быль оказывается мифом. Так уже было, и так еще будет...

© Коллектив авторов, 2013

© ОМКО, 2013

Содержание

Был ли всемирный потоп всемирным?	5
Древнейшая цивилизация	55
Как же появилась хараппская цивилизация?	57
Когда существовала хараппская цивилизация?	65
Хараппские города	67
Быт и занятия хараппцев	73
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Загадки истории. Факты. Открытия. Люди

Был ли всемирный потоп всемирным?

© А. Э. Ермановская, 2007

Одна из самых известных историй и одновременно самых любопытных тайн древности – это, конечно, история всемирного потопа. «Спустя семь дней воды потопа пришли на землю. В шестисотый год жизни Ноевой, во второй месяц, в семнадцатый день месяца, в сей день разверзлись все источники великой бездны, и окна небесные отворились; И лился на землю дождь сорок дней и сорок ночей. И продолжалось на земле наводнение сорок дней, и умножилась вода, и подняла ковчег, и он возвысился над землею. И усилилась вода... и весьма умножалась на земле, и ковчег плавал по поверхности вод. И вода усилилась на земле чрезвычайно, так что покрылись все высокие горы, какие есть под всем небом. На пятнадцать локтей¹ поднялась над ними вода, и покрылись горы. И лишилась жизни всякая плоть, движущаяся по земле; и птицы, и скоты, и звери, и все гады, ползающие по земле, и все люди. Все, что имело дыхание духа жизни в ноздрях своих на суше, умерло. Истребилось всякое существо, которое было на поверхности земли; от человека до скота, и гадов, и птиц небесных, – все истребилось с земли, остался только Ной и что *было* с ним в ковчеге, вода же усиливалась на земле сто пятьдесят дней. И вспомнил Бог о Ное, и о всех зверях, и о всех скотах, бывших с ним в ковчеге; и навел Бог ветер на землю, и воды остановились.

И закрылись источники бездны и окна небесные, и перестал дождь с неба, вода же возвращалась с земли постепенно, и стала убывать вода по окончании ста пятидесяти дней. И остановился ковчег в седьмом месяце, в семнадцатый день месяца, на горах Араратских. Вода постоянно убывала до десятого месяца; в первый день десятого месяца показались верхи гор». (Бытие, 7, 10–24; 8, 1–5).

Так рассказывает о Всемирном потопе священная книга христиан и иудеев. Согласно Библии, причиной катастрофы был гнев божий, обрушившийся на окончательно развратившееся человечество. История религии, мифоведение, фольклористика дают нам множество примеров того, как стихийные бедствия, вроде засухи, извержения вулкана, землетрясения, наводнения, трактовались как «кара божья». Стало быть, речь идет о природном явлении, истолкованном создателями Библии в полном соответствии с их мировоззрением.

Причиной потопов были различные явления природы. Это и землетрясения, порождающие гигантские волны цунами, и весенние паводки, и ураганы, и штормы, нагоняющие воды моря в устья рек и на низменные берега, и проливные дожди, и прорывы плотин. Библейские «отворенные небесные окна», очевидно, ливневые дожди. Как понимать разверзшиеся «источники великой “бездны”» – вопрос спорный. Это могут быть и волны цунами, и нагнанные ураганом воды, и штормовая волна.

Об уровне воды при потопе Библия сообщает следующее: водой «покрылись все высокие горы, какие есть под всем небом», причем вода над ними поднялась «на пятнадцать локтей», то есть 7,5–8 метров.

Масштаб этого бедствия поистине вселенский. Затоплению подверглась вся земля. Суша осталась только «на горах Араратских», где и остановился со своим ковчегом благочестивый Ной. Все известные катастрофы – сущий пустяк по сравнению с тем ужасным потопом, который обрушил разгневавшийся Бог на род человеческий. Ведь «истребилось всякое существо, которое было на поверхности земли; от человека до скота, и гадов и птиц небесных»! Погибли

¹ Локоть – 45 см.

все, «остался только Ной и что с ним в ковчеге». А в ковчеге, помимо Ноя, были «сыновья его, и жена его, и жены сынов его... и из скотов чистых и из скотов нечистых, и из птиц, и из всех пресмыкающихся по земле» по одной паре.

Когда же случилась эта катастрофа? В Библии говорится, что потоп начался «в шестисотом году жизни Ноевой, во втором месяце, в семнадцатый день месяца». Как соотносить эту дату с той хронологией, которой пользуемся мы? Из Библии известна дата «сотворения мира», там приведена генеалогия различных персонажей и названы сроки их жизни. И в средние века, и в Новое время, и по сей день верующие христиане и иудеи, так же как и неверующие ученые, спорят о «точке отсчета», благодаря которой можно было бы сопоставить библейскую шкалу времени с современной. Поэтому мы имеем несколько разных датировок всемирного потопа, о котором повествует Библия.

Некоторые авторы называют 2501 год до н. э. Другие, опираясь на хронологическую систему, разработанную английским архиепископом Ушером, датируют потоп 2349 годом до н. э. 3553 год до н. э. называет православный богослов, скрывшийся под псевдонимом Ф. Р. Согласно же выкладкам, опирающимся на хронологические данные греческого перевода Библии – Септуагинты («Семьдесят толковников»), всемирный потоп имел место в 3213 году до н. э. Таким образом, разброс датировок, несмотря на то, что он довольно велик (от 3553 до 2349 года до н. э.), ограничивает время катастрофы IV–III тысячелетиями до н. э.

В позднейшие времена еврейская фантазия украсила легенду о потопе многими новыми деталями. В этих ярких и порой вычурных дополнениях к древней легенде мы читаем о том, как легко жилось человеку в допотопные времена, когда урожаем от одного посева люди кормились сорок лет подряд и когда они могли колдовскими средствами заставить служить себе солнце и луну. Вместо девяти месяцев младенцы находились в утробе матери всего несколько дней и тотчас же после рождения начинали ходить и говорить, не боясь даже самого дьявола. Но вот эта-то привольная и роскошная жизнь и сбивала людей с пути истинного, и вовлекла в грехи, более всего в грех алчности и распутства. Этим они вызвали гнев Бога, решившего истребить грешников посредством великого потопа. Однако в милосердии своем он сделал им своевременное предупреждение. Ной по велению Бога поучал их и взывал к исправлению, угрожая им потопом в наказание за бесчестие, причем делал он это в течение целых ста двадцати лет. Но и по прошествии этого времени Бог дал человечеству еще недельный срок, в продолжение которого солнце каждое утро восходило на западе и заходило каждый вечер на востоке. Но ничто не могло привести к раскаянию нечестивцев. Они не переставали издеваться над праведным Ноем, видя, что он строит себе ковчег. Как надо строить ковчег, его научила одна священная книга, которую некогда дал Адаму ангел Разнел и которая содержала в себе всё знание человеческое и божественное. Она была сделана из сапфиров, и Ной, положив ее в золотой ларец, взял с собой в ковчег.

Потоп же якобы произошел от встречи мужских вод, падавших с неба, с женскими водами, поднимавшимися от земли. Для стока верхних вод Бог сделал в небе два отверстия, сдвинув с места две звезды из созвездия Плеяды; а впоследствии, для того чтобы приостановить потоки дождя, Бог заткнул отверстия парой звезд из созвездия Большой Медведицы. Вот почему Медведица до сих пор гонится за Плеядами: она требует обратно своих детей, но не получит их до скончания веков.

Когда ковчег был уже готов, Ной стал собирать животных. Они подходили к нему в таком большом количестве, что он не мог забрать всех и сел у порога ковчега, чтобы сделать выбор между ними. Животных, которые ложились у порога, он брал с собой, а те, которые стояли на ногах, отвергались. Даже после такого строго проведенного отбора число видов пресмыкающихся, принятых на борт судна, оказалось не менее трехсот шестидесяти пяти, а видов птиц – тридцать два. Подсчет количества взятых в ковчег млекопитающих не был сделан, но во всяком случае оно было велико, как о том можно судить в настоящее время.

До потопа нечистых животных было гораздо больше, чем чистых, а после потопа соотношение стало обратным, потому что (согласно апокрифическим легендам, а не книге Бытия) от каждого вида чистых животных было взято в ковчег по семи пар, а от каждого вида нечистых – только по две пары. Одно существо, носившее название «реем», оказалось столь громадных размеров, что для него не нашлось места внутри, а потому оно было привязано Ноем к ковчегу снаружи. Великан Ог, царь Башанский, также не мог поместиться внутри судна и сел на крышу, спасшись таким образом от потопа. Вместе с Ноем расположились в ковчеге его жена Наама, дочь Эноша и три его сына со своими женами. Одна странная пара, Ложь и Злосчастье, также нашла себе убежище в ковчеге. Сначала Ложь подошла одна, но ее не пустили в ковчег на том основании, что вход туда был разрешен только супружеским парам. Тогда она ушла и, встретившись со Злосчастьем, уговорила его присоединиться к ней, после чего их пустили обоих. Когда все были уже на борту и потоп начался, грешники – около семисот тысяч человек – собрались и окружили ковчег, умоляя взять их с собой. Ной наотрез отказался впустить их. Тогда они принялись напирать на дверь, стараясь взломать ее, но дикие звери, охранявшие судно, напали на них и многих сожрали; остальные, спасшиеся от их когтей, потонули в поднявшейся воде.

Целый год плыл ковчег; огромные волны бросали его из стороны в сторону; все находившиеся внутри тряслись, как чечевица в горшке. Львы рычали, быки ревели, волки выли и все прочие животные вопили, каждое на свой манер. Больше всего хлопот доставлял Ною вопрос о съестных припасах. Спустя много времени после потопа его сын Сим рассказывал Елиезеру, слуге Авраама, как трудно было его отцу прокормить весь зверинец. Несчастный все время был на ногах, бегал взад и вперед днем и ночью. Ибо дневных животных надо было кормить днем, а ночных – ночью; великану же Огу пища подавалась через отверстие на крышу. Лев был угрюм и мог вспылить при малейшем раздражении. Однажды, когда Ной задержался с обедом, благородное животное с такой силой ударило лапой патриарха, что он остался с тех пор хромым на всю оставшуюся жизнь и даже не был в состоянии исполнять обязанности жреца.

В десятый день месяца таммуз Ной выпустил ворона посмотреть, не прекратился ли потоп. Но ворон нашел плавающий в воде труп и принялся его пожирать; увлекшись этим делом, он забыл вернуться к Ною с докладом. Спустя неделю Ной начал посылать на разведку голубя, который после третьего полета наконец вернулся, держа в клюве оливковый лист, сорванный им на Масличной горе в Иерусалиме, ибо святая земля была пощажена Богом. Вышедший из ковчеге на берег Ной заплакал при виде всеобщего опустошения, причиненного потопом. Сим принес Богу благодарственную жертву за спасение.

Из другого рассказа можно почерпнуть некоторые интересные сведения о внутреннем устройстве ковчеге и распределении пассажиров. Домашний скот и дикие звери помещались отдельно в трюме; средняя палуба была занята птицами, а на верхней палубе расположился Ной с семейством. Мужчины были отделены от женщин. Патриарх и его сыновья заняли восточную часть ковчеге, а жена Ноя и его невестки – западную часть; между теми и другими в виде барьера лежало мертвое тело Адама, которое таким образом избежало гибели в водной стихии. Этот рассказ, в котором сообщаются еще и сведения о точных размерах ковчеге в локтях, а также точный день недели и месяца, когда спасшиеся вышли на берег, взят из арабского манускрипта, найденного в библиотеке монастыря св. Екатерины на горе Синай.

То, что библейское предание о Всемирном потопе не единственное в своем роде, было известно давно. Вавилонская легенда о великом потопе дошла до нас благодаря вавилонскому историку Беросу, который в первой половине III века до н. э. написал историю своей страны. Берос писал по-гречески, и хотя его труд до нас не дошел, некоторые фрагменты сохранились благодаря позднейшим греческим историкам. Среди этих фрагментов оказался рассказ о потопе. Долгое время он считался пересказом Библии.

Великий потоп произошел в царствование Ксисутруса, десятого царя Вавилонии. Бог Кронос явился к нему во сне и предупредил его о том, что все люди будут уничтожены потопом в пятнадцатый день месяца, который был восьмым месяцем по македонскому календарю. Учитывая грядущее бедствие, бог велел царю написать историю мира и закопать ее в Сиппаре, городе солнца. Кроме того, он велел ему построить корабль и сесть туда вместе со своими родственниками и друзьями, взять с собой запас пищи и питья, а также домашних птиц и четвероногих животных и, когда все будет готово, отплыть. На вопрос царя: «Куда же мне отплыть?» – бог ответил: «Ты поплывешь к богам, но до отплытия ты должен молиться о ниспослании добра людям». Царь послушался бога и построил корабль; длина корабля была пять стадий², а ширина – два стадия. Собрав все, что было нужно, и сложив в корабль, он посадил туда своих родственников и друзей. Когда вода стала убывать, Ксисутрус выпустил на волю несколько птиц. Но, не найдя себе нигде пищи и приюта, птицы вернулись на корабль. Через несколько дней Ксисутрус снова выпустил птиц, и они вернулись на корабль со следами глины на ногах. Выпущенные в третий раз, они не вернулись на корабль. Тогда Ксисутрус понял, что земля показалась из воды, раздвинул несколько досок в борту корабля, выглянул наружу и увидел берег. Он направил судно к суше и высадился на горе вместе со своей женой, дочерью и кормчим. Царь воздал почести земле, построил алтарь и принес жертву богам, а потом исчез вместе с теми, кто высадился с ним из корабля. Оставшиеся на корабле, увидев, что ни он, ни сопровождающие его люди не возвращаются, тоже высадились на берег и стали искать его, выкликая его имя, но нигде не могли найти Ксисутруса. Тогда раздался голос с неба, который приказал им чтить богов, призвавших к себе Ксисутруса за его благочестие и оказавших такую же милость его жене, дочери и кормчому. И еще велел им тот голос отправиться в Вавилон, разыскать спрятанное писание и распространить его среди людей. Голос также возвестил им, что страна, в которой они находятся, – Армения. Услышав все это, они принесли жертву богам и отправились пешком в Вавилон. Обломки же корабля, приставшего к горам Армении, существуют до сих пор, и многие люди снимают с них смолу для талисманов. Вернувшись в Вавилон, люди откопали в Сиппаре писание, построили много городов, восстановили святилища и вновь населили Вавилонию.

Таким образом, Берос первым упоминает о местонахождении ковчега после потопа. По словам греческого историка Николая Дамасского, современника и друга Августа и Ирода Великого, «в Армении находится большая гора, называемая Барис, на которой, как гласит предание, спаслось много людей, бежавших от потопа; говорят также, что какой-то человек, плывший в ковчеге, высадился на вершине этой горы и что деревянные остатки того судна сохранялись еще долгое время. Человек этот, вероятно, был тот самый, о котором упоминается у Моисея, законодателя иудеев». Еврейский историк Иосиф Флавий в своем труде «Иудейские древности» пишет, что многие приносили с Аарата частицы Ноева ковчега.

В средние века свидетельствам Библии верили беспрекословно. Да и кто посмел бы усомниться в священном писании? Только еретик или язычник. Стало быть, сомнение в реальности всемирного потопа есть ересь – со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Эпоху Средневековья иногда необоснованно называют «темными веками». Наука в ту пору существовала, однако философы, математики, логики создавали свои труды в виде комментариев к священному писанию, пытаясь доказать его правоту с помощью своих исследований. Зачатки же многих наук о Земле – средневековые гидрография, геология, океанология – возникли как своеобразные «комментарии» к библейскому рассказу о Всемирном потопе.

На вершинах высоких гор находят морские раковины: разве это не доказательство того, что, как утверждает Библия, водой были покрыты «все высокие горы, какие есть под всем небом»? На долины Ломбардии, на поля Нидерландов, на города, стоящие в нижнем течении

² Стадий – 176,6 м.

Рейна, налетают страшные шквалы, наводнения, гигантские волны, уносящие сотни и тысячи жизней, разрушающие здания... Разве это не прямое доказательство тому, что гнев божий может обрушиться на всю земную твердь? Если океан – это бездна и никому не удастся достичь его дна, значит, в этой бездне достаточно воды, чтобы покрыть ею всю землю вплоть до вершин высочайших гор.

В Новое время зачатки наук превращаются в настоящие науки о живой и неживой природе. Но библейские догматы довлеют над многими талантливыми и даже гениальными учеными (включая Ньютона и Кеплера). И Всемирный потоп, принятый как аксиома, не требующая доказательств, стал одним из краеугольных камней складывающихся наук о Земле: не факты должны были доказывать его реальность, а наоборот, «факт потоп» объяснял те или иные факты геологии, гидрологии, океанологии.

Даже в XVIII столетии, «веке просвещения», первые геологи, закладывая фундамент этой увлекательной области естествознания, находились под сильнейшим влиянием «аксиомы потоп». Характерной фигурой являлся швейцарский ученый А. Шейхцер. Развивая мысли Леонардо да Винчи и других ученых о том, что окаменелости являются не «продуктом творчества природы» (как считали крупнейший ученый античности Аристотель, великий мудрец и ученый Средневековья Абу Али ибн Сина и многие другие авторитеты), а остатками живых организмов, Шейхцер трактовал их как вещественные доказательства Всемирного потоп.

Причем, по мысли Шейхцера, погибли не только сухопутные животные и люди, но и пресноводные рыбы. В Швейцарии, в Еннингенских каменоломнях, была найдена огромная окаменелая щука. Ей-то не лишенный поэтического дарования Шейхцер и дает слово в качестве представителя всего рыбьего царства в сочинении, названном «Жалобы и претензии рыб». Щука жалуется на несправедливость: рыбы тихи и молчаливы – и тем не менее «...мы были уничтожены за грехи людей во время потоп, а теперь нас даже не хотят считать тем, чем мы раньше были, а рассматривают как минеральные образования».

В тех же каменоломнях Шейхцер сделал сенсационное открытие: обнаружил «одного из тех нечестивцев-грешников, который был свидетелем потоп». Находку свою Шейхцер воспел в торжественной оде, посвященной «редкому памятнику проклятого Богом допотопного человека». Памятник сей «содержит несомненно половину или немного менее скелета человека», чья плоть и кости «вошли в камень». Тут «можно хорошо видеть очертания лобной кости, края глазничных впадин, отверстия, через которые проходил большой нерв пятой пары, остатки мозга, скуловую кость, следы носа, кусок жевательной мышцы, шестнадцать спинных позвонков и обрывки кожи». Шейхцер заключал свою оду моралью:

Истлевший прах бедняги-нечестивца,
Смягчи злодейства нынешних времен!

Вскоре крупнейший палеонтолог того времени француз Ж. Кювье, изучив находку Шейхцера, безошибочно определил ее как окаменелые останки гигантской саламандры, родственницы тех, что и по сей день обитают в Японии, и окрестил ее в честь первооткрывателя саламандру Андриас Шейхцери.

Впрочем, и сам Кювье отдал дань библейской «аксиоме потоп». По мнению этого ученого, справедливо называемого «отцом палеонтологии», земной шар периодически подвергается катастрофам, резко изменяющим его облик: меняется рельеф, меняются моря и горы, меняется животный и растительный мир. Последней такой катастрофой и был Всемирный потоп, о котором повествует Библия. «Поверхность земного шара была жертвой великого и внезапного переворота, давность которого не может быть значительно позже, чем пять-шесть тысяч лет; в результате этого переворота опустились и исчезли страны, населенные до того времени людьми и наиболее известными ныне видами животных; тот же переворот осушил дно

последнего моря и образовал страны, ныне обитаемые», – писал Кювье в своем «Рассуждении о переворотах на поверхности земного шара».

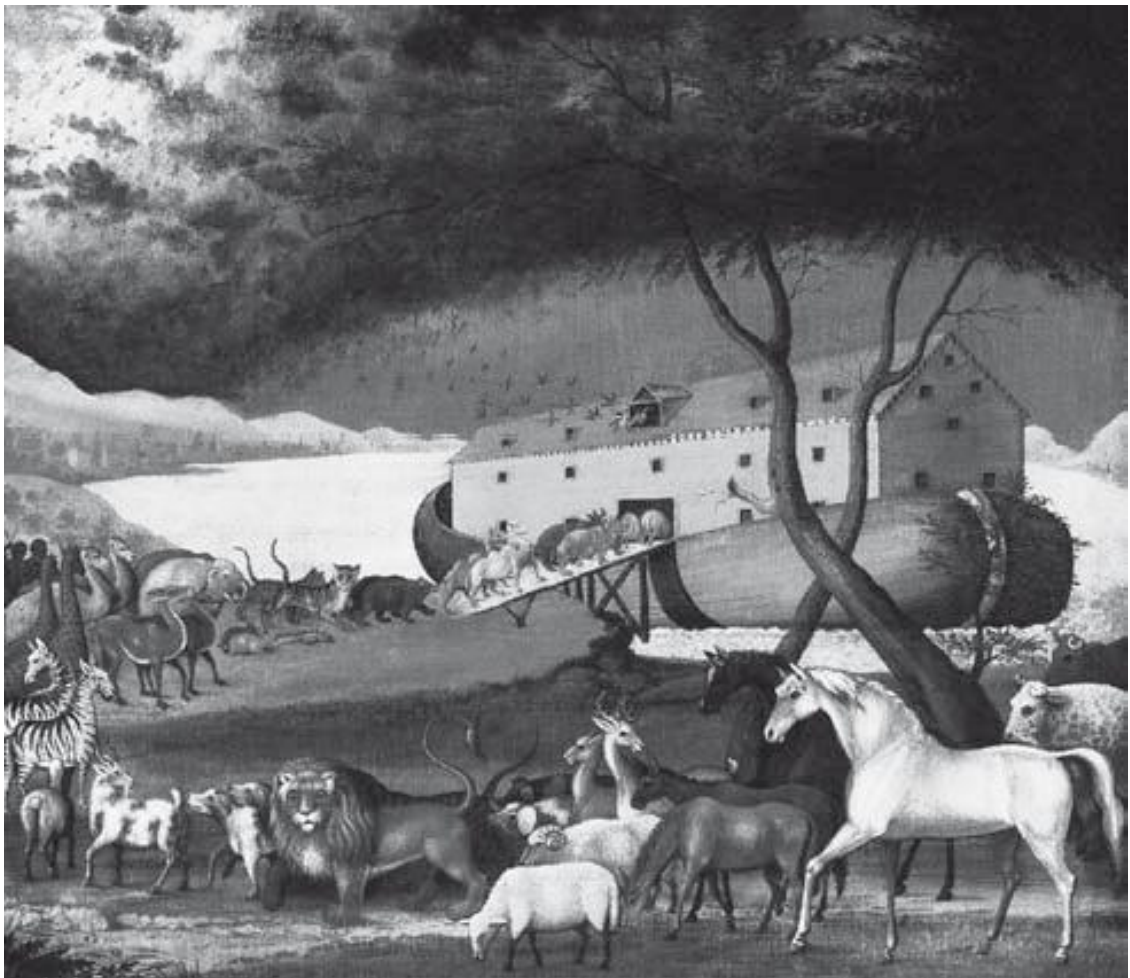
Другой великий земляк и современник Кювье натуралист Ж. Бюффон, прекрасно понимая, что масштабы потопа, описанного в Библии, не соответствуют данным науки, тактично разрешил противоречие между знанием и верой, заявив: «Всемирный потоп надо рассматривать как сверхъестественное средство, которым воспользовалось божественное всемогущество для кары людей, а не как естественное явление, в котором все произошло бы согласно законам физики».

В течение многих лет делались попытки доказать правоту Библии, повествующей о Всемирном потопе, с помощью фактов.

В 1800 году американец К. Рич опубликовал сообщение некоего Ага-Хусейна, который утверждал, что добрался до вершины Арарата и видел там остатки ковчега.

Экспедиции на Арарат начались с 1829 года. Первым из ученых здесь побывал Ф. Пэррот, профессор Дерптского университета. Две из его экспедиций так и не добрались до вершины, но в третий раз его усилия увенчались успехом. По возвращении он уверял, что сделал отметку на стенке ковчега. Тем не менее ему не удалось привести доказательства, свидетельствующие о находке.

В 1840 году один журналист из Константинополя объявил о том, что Ноев ковчег найден. Турецкая экспедиция, целью которой было изучение снежных покровов на горе Арарат, обнаружила выступавший из-под льда огромный деревянный остов некой конструкции, почти полностью почерневший.



Ноев ковчег. Худ. З. Хикс

Жители селений в окрестностях Арарата в ответ на расспросы участников экспедиции говорили, что всегда знали о существовании этого деревянного остова, но не осмеливались подходить близко, так как в проеме верхней части конструкции якобы видели злого духа. Турецкая экспедиция, несмотря на значительные трудности, все-таки добралась до ковчега и убедилась, что он сохранился в хорошем состоянии, был поврежден только один борт.

Один из участников экспедиции рассказывал, что борта ковчега были сделаны из дерева, упомянутого в Священном Писании, которое растет, насколько известно, в долине реки Евфрат. Войдя в ковчег, участники экспедиции убедились, что это судно было предназначено для перевозки животных, так как внутри оно было разделено на отсеки высотой 15 футов (4,5 м). Турецкой экспедиции удалось проникнуть только в три из этих помещений, так как остальные были заполнены льдом.

В 1893 году архидиакон несторианской церкви доктор Нурри опубликовал заметку о том, что «лишь носовая часть ковчега и его корма могут быть доступны, а центральная часть скрыта подо льдом». Ковчег был выстроен из тяжелых брусьев темного красновато-каштанового оттенка. Нурри, обмерив ковчег, обнаружил, что его результаты полностью совпадают с размерами, которые указаны в Священном Писании. Позже было создано общество, которое должно было финансировать вторую экспедицию доктора Нурри, имевшую целью доставить ковчег на Всемирную выставку в Чикаго. Этим планам, однако, не суждено было сбыться, так как правительство Турции не позволило вывезти ковчег за границу.

В августе 1916 года русский летчик Владимир Росковицкий, совершая разведывательный полет вдоль турецкой границы, оказался над Араратом и заметил замерзшее озеро на восточной стороне снежной вершины. Близ кромки озера можно было различить остов большого корабля. Хотя судно частично вмерзло в лед, его борта, в одном из которых были пробоины, оставались снаружи. Видна была, кроме того, половина одной из створок двустворчатой двери. Когда Росковицкий доложил о своей находке, его начальство захотело получить более точное подтверждение этих сведений. После многократных полетов над горой оно убедилось в наличии упомянутого предмета и послало сообщения в Москву и Петроград. Император Николай II повелел послать на Арарат экспедицию. Эта экспедиция обмерила и сфотографировала ковчег, взяла образцы древесины, результаты исследований были отосланы в Петроград. Но собранные документы, по-видимому, были уничтожены во время революций.

История с Росковицким стала известна во время Второй мировой войны. Руководитель советских спецслужб якобы сообщил, что один из его подчиненных совершил полет над Араратом, движимый любопытством и желанием увидеть, есть ли хоть какая-то доля правды в утверждениях его предшественника и коллеги. Советский пилот тоже обратил внимание на некое сооружение, часть которого вмерзла в ледяное озеро.

6 июля 1955 года альпинист Фернан Наварра вместе со своим одиннадцатилетним сыном Рафаэлем обнаружил объект, который он посчитал Ноевым ковчегом. На подготовку экспедиции у Наварра ушло семнадцать лет. То обстоятельство, что гора Арарат находится на границе трех стран – Ирана, Турции и Советского Союза – и что между ними подписано соглашение, запрещавшее подъем на эту гору, оказалось серьезным препятствием для исследователя. Наварра втайне осуществил три попытки, пересекая опасную зону по ночам. Вот как проходила последняя из экспедиций, увенчавшаяся успехом: Наварра к ночи добрался до кромки ледников, следуя указаниям своего проводника-армянина, и поставил там палатку для ночевки, рассчитывая утром продолжить путь, пролежавший по совершенно обледенелым неприступным скалам. Ночью разразился страшный ураган, в результате чего все вокруг покрылось плотной ледяной коркой, и Фернан с Рафаэлем едва не замерзли, так как оказались под глубоким слоем снега при температуре 30 градусов ниже нуля. Утром, как рассказывал Наварра, ему удалось двинуться в путь к тому месту, которое он издали приметил во время одной из первых своих экспедиций. Однако время он выбрал неподходящее, все было занесено снегом и

покрыто льдом. Несмотря на это, ему удалось добраться до цели. С превеликими трудностями, подвергаясь смертельной опасности, он добыл из-под льда кусок бруса длиной в 1 метр и толщиной 8 сантиметров, из которого были сделаны борта ковчега. В этом месте не было тесаных досок. Когда настало время возвращаться, Наварра был арестован пограничниками. В конце концов его все же отпустили на свободу, оставив ему все фотопленки и образец дерева. Проведенный в лабораториях Каира и Мадрида радиоуглеродный анализ древесины показал, что ее возраст составляет пять тысяч лет. Книга Наварра, вышедшая в свет на французском языке, проиллюстрирована снимками, на которых видно, как автор откалывает кусок древесины от борта ковчега, и на которых запечатлено место, где под льдом скрыт ковчег; в ней также представлены результаты лабораторных анализов, рисунки, схемы и тому подобное.

Было еще несколько попыток разыскать Ноев ковчег, предпринимавшихся историком-миссионером доктором А. Смитом из Гринборо (в 1951 году), специалистом по Всемирному потопу, и французским исследователем Ж. де Рике, который совершил восхождение на вулканическую вершину в 1952 году. Эти попытки были безрезультатными.

В августе 1982 года появилось сообщение о том, что на поиски Ноева ковчега отправилась, пройдя через Турцию, американская экспедиция, в составе которой было одиннадцать человек. Членом этой научной экспедиции, на которую было израсходовано около 60 тысяч долларов, был даже бывший астронавт – американец Д. Эрвин, который в 1971 году совершил высадку на Луну в ходе космической экспедиции «Аполлон-12». В своем интервью Эрвин сказал, что наблюдения предыдущих экспедиций не оставляют никаких сомнений в том, что на вершине Арарата действительно есть некое таинственное судно. К этому американский астронавт добавил, что верит в то, что это судно – Ноев ковчег. И по сей день все еще предпринимаются попытки (одна из них была повторена, например, американцами в 1994 году) разыскать ковчег.

Впрочем, есть мнение, что для того, чтобы узнать правду о великом потопе, совсем не обязательно отправляться в далекие и опасные экспедиции. Ее можно найти на страницах самой Книги.

Библия говорит, что потоп продолжался «сорок дней», а вслед за тем утверждает, что «сто пятьдесят дней». Что это – описка или ошибка? Имеются разночтения и в сроках спада воды – то ли три недели, то ли около полугода. Есть и еще одно разночтение в рассказе о потопе: взял ли праведный Ной в свой ковчег по паре всех живых существ или нечистых взял по одной паре, а чистых – по семь? Естественно, что эти расхождения не могли быть не замечены.

Придворный хирург Людовика XIV Ж. Астрок, произведший, говоря словами Гете, хирургическую операцию над Библией, резонно предположил, что в священной книге содержатся две различные версии, два противоположных варианта. Один из них может быть истинен, другой – ложен. Могут быть ложны оба варианта, но возможно и другое: речь идет о различных потопах, о событиях, происходивших в разное время, но затем слившихся в одно, – и тогда, стало быть, истинны обе версии.

Критики библейского текста единодушно признают, что в древнееврейской легенде о великом потопе, в том виде, как она изложена в книге Бытия, надо различать два первоначально самостоятельных рассказа; впоследствии эти два рассказа были искусственно объединены с целью придать им подобие некой единой и однородной легенды. Но работа по слиянию двух текстов в один сделана так небрежно, что встречающиеся там повторения и противоречия бросаются в глаза даже невнимательному читателю.

Из двух первоначальных версий легенды одна берет начало в Жреческом кодексе (Элохисте), а другая в так называемом Яхвисте. Каждому из источников свойствен особый характер и стиль, и оба относятся к различным историческим эпохам: яхвистский рассказ является, вероятно, более древним, тогда как Жреческий кодекс более поздний по времени. Яхвист был, по-видимому, написан в Иудее в начальный период существования еврейского государства, по

всей вероятности, в IX или VIII веке до н. э. Жреческий кодекс появился в период, последовавший за 586 годом до н. э., когда Иерусалим завоевал вавилонский царь Навуходоносор, и евреи были уведены в плен. Но если автор Яхвиста обнаруживает живой, неподдельный интерес к личности и судьбе описываемых им людей, то автор Кодекса, наоборот, интересуется ими лишь постольку, поскольку видит в них орудие божественного промысла, предназначенное для сообщения Израилю знаний о Боге и всех тех религиозных и социальных установлениях, которые по милости Бога должны были регулировать жизнь «избранного народа». Он пишет историю не столько светскую и гражданскую, сколько священную и церковную. История Израиля в Элохисте – скорее история церкви, нежели народа. Поэтому его авторы подробно останавливаются на жизнеописании патриархов и пророков, которых Бог удостоил своим откровением, и торопится пройти мимо ряда обыкновенных смертных, упоминая только их имена, точно они служат лишь звеньями, соединяющими одну религиозную эпоху с другой, или ниткой, на которую с редкими промежутками нанизаны драгоценные жемчужины откровения. Отношение Кодекса к историческому прошлому предопределяется современной его авторам политической обстановкой. Наивысший расцвет Израиля был уже в прошлом, его независимость утрачена, а с нею исчезли и надежды на мирское благоденствие и славу. Мечты о могуществе, вызванные в душе народа воспоминаниями о блестящих царствованиях Давида и Соломона, мечты, которые могли еще на время сохраниться даже после падения монархии, давно померкли в темных тучах наступившего заката нации под влиянием суровой действительности чужеземного владычества. И вот когда не нашлось выхода для светских амбиций, неугаемый идеализм народа нашел для себя выход в другом направлении. Мечты народа устремились в другую сторону. Если они не могли найти себе места на земле, то небо оставалось еще открыто для них. Вожди Израиля стремились утешить свой народ, вознаградить его за все унижения, выпавшие на его долю в жизни материальной, и поднять его на высшую ступень жизни духовной. Для этой цели они создали сложный религиозный ритуал, чтобы с его помощью присвоить себе всю божественную благодать и сделать Сион святым городом, красой и центром Царства Божия на земле. Подобные стремления и идеалы придавали общественной жизни все более религиозный характер, выдвигая на первый план интересы храма и увеличивая жреческое влияние. Царь был заменен первосвященником, унаследовавшим от монарха даже пурпурные одежды и золотую корону.



Всемирный потоп. Худ. Г. Доре

Яхвист и Элохист, образовавшие вместе рассказ о Великом потопе в книге Бытия, отличаются друг от друга как по форме, так и по содержанию. Из формальных отличительных признаков, состоящих в разном наборе слов того и другого источника, важнейшим является различное наименование божества в еврейском тексте: в Яхвисте оно неизменно называется Яхве, а в Жреческом кодексе – Элохим. В русском синодальном переводе Библии названия эти передаются соответственно словами «господь» и «бог». Замена еврейского Яхве словом «господь» основана на подражании евреям, которые при чтении писания вслух всегда заменяют священное слово «Яхве», где бы оно ни встречалось в тексте, словом «адонай», что значит «господин». Но в рассказе о потопе, да и вообще во всей книге Бытия автор Кодекса избегает называть бога Яхве, заменяя его словом «элохим», которое в еврейском языке служит для обозначения бога, на том основании, что божественное имя Яхве было впервые открыто Богом Моисею, а потому

не может быть применимо к Богу до появления этого героя. Автор же Яхвиста не разделяет этого взгляда на происхождение имени Яхве и поэтому свободно применяет по отношению к божеству начиная с самого сотворения мира.

Еще более, чем словесные различия, бросаются в глаза различия в содержании яхвистского и жреческого рассказов, доходящие иногда до прямого противоречия, что является лучшим доказательством наличия разных источников легенды о потопе. Так, у автора Яхвиста различаются чистые и нечистые животные, причем первые вводятся в ковчег в количестве семи от каждого вида животных, а последние – лишь в количестве двух. Между тем, автор Кодекса не делает никакого различия между животными, но зато ограничивает число спасаемых в ковчеге животных одной парой от каждого вида. Объяснить это противоречие можно тем, что, по его представлению, различие между чистыми и нечистыми животными было впервые открыто Богом Моисею, так что Ной ничего об этом не мог знать; автор же Яхвиста наивно полагал, что человеческому роду уже в самые ранние времена было свойственно отличать чистых животных от нечистых, считая, что такое различие основано на очевидном для каждого естественном законе природы.

Другое серьезное разногласие между авторами относится к вопросу о продолжительности потопа. По яхвистскому рассказу, ливень продолжался сорок дней и сорок ночей, после этого Ной оставался в ковчеге еще три недели, пока не спала вода и не показалась земля. Таким образом, потоп продолжался всего шестьдесят один день. Из жреческого же источника явствует, что до спада воды прошло сто пятьдесят дней, а собственно потоп длился двенадцать месяцев и десять дней. Принимая во внимание, что у евреев был принят лунный календарь, двенадцать месяцев составляют триста пятьдесят четыре дня; прибавляя сюда еще десять дней, получаем солнечный год в триста шестьдесят четыре дня. Так как автор Кодекса определяет, таким образом, продолжительность потопа приблизительно в один солнечный год, то можно безошибочно утверждать, что он жил в то время, когда евреи уже научились исправлять ошибку лунного календаря, наблюдая за солнцем.

Источники обнаруживают расхождение в указании «механизма осуществления» потопа: по Яхвисту, единственной причиной катастрофы был ливень, а в Кодексе говорится, что вода хлынула одновременно с неба и из-под земли.

Наконец, автор Яхвиста заставляет Ноя строить алтарь, на котором он принес Богу жертву в благодарность за спасение от гибели во время потопа. В Кодексе же ничего не говорится об алтаре и жертвоприношении, без сомнения, потому, что по закону, которому автор остается верен, не может быть и речи о каком-либо алтаре вне Иерусалимского храма, и еще потому, что для Ноя, как для простого мирянина, было бы неслыханной дерзостью совершить самому жертвоприношение и таким образом присвоить себе функции духовенства. А этого автор Жреческого кодекса никак не мог допустить со стороны столь уважаемого патриарха.

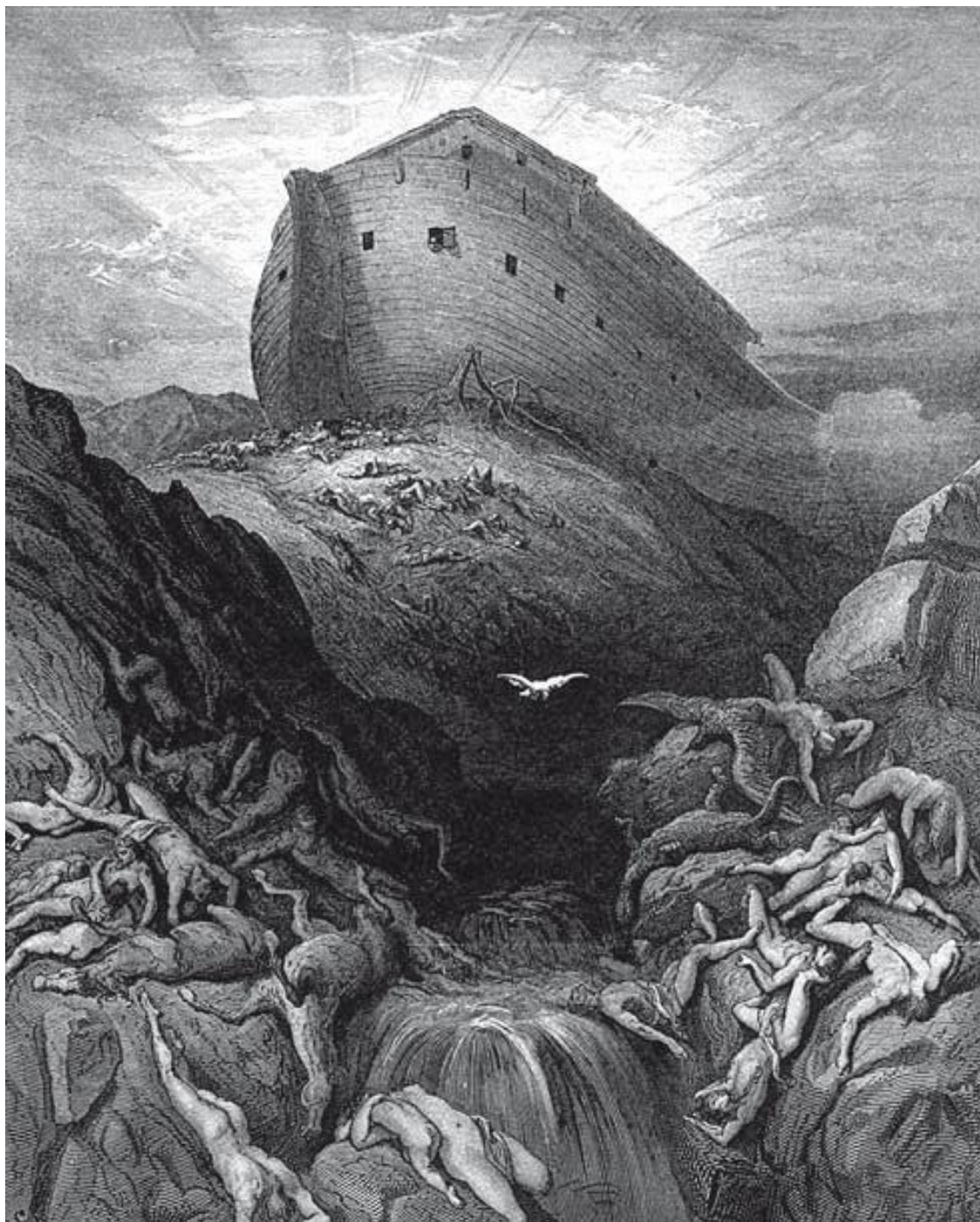
Итак, сравнение обоих рассказов дает основание утверждать, что первоначально тот и другой имели самостоятельное существование и что яхвистский рассказ был значительно старше жреческого. Автору его, очевидно, не был известен закон о едином святилище, запрещавший жертвоприношение везде, кроме Иерусалима, – этот закон был впервые ясно сформулирован и претворен в жизнь при царе Иосии в 621 году до н. э., следовательно, яхвистский текст был составлен раньше и, быть может, намного раньше этой даты. Жреческий текст появился спустя некоторое, вероятно, довольно долгое время после этой даты, так как его автор знает закон о едином святилище и не допускает мысли о нарушении его Ноем.

Библия сообщает точные размеры ковчега, в котором поместились Ной с семейством и «чистые и нечистые» пары животных: «длина ковчега 300 локтей, ширина его 50 локтей, а высота его 30 локтей». Ковчег имел три этажа. Так как величина древневосточного «локтя» хорошо известна – она составляет 45 сантиметров, совсем нетрудно вычислить «жилую площадь» судна Ноя. Помножьте 300 на 0,45 метра – и вы получите длину ковчега, равную 135

метрам. Ширина будет равна произведению 50 на 0,45 метра, то есть 22,5 метра, а площадь палубы – произведению 135 и 22,5, то есть около 3040 квадратных метров. Так как ковчег был трехпалубный, то 3040 нужно еще умножить на 3, и в итоге получаем «полезную площадь» ковчега – 9120 квадратных метров. Здесь разместился Ной, его супруга, сыновья и невестки. На борт было взято «по паре» всех живых существ, которые, так же, как и Ной с семейством, требовали места и запасов пищи минимум на сорок дней.

Сейчас количество видов млекопитающих на земном шаре считается равным около трем с половиной тысячам, а так как взято было по паре, получаем семь тысяч особей: львов и слонов, кроликов и волков, лисиц и гиен, бегемотов и горилл, буйволов и землероек и т. д. и т. п. На 9120 квадратных метрах им бы пришлось тесновато.

А ведь есть еще около двадцати тысяч видов птиц (и это число надо умножить на два, ибо взято было «всякой твари по паре»), около пяти тысяч видов пресмыкающихся и земноводных (вновь умножьте на два) и более миллиона видов насекомых! Очевидно, вся эта прыгающая, квакающая, рычащая, чирикающая, мяукающая, хрюкающая, мычащая, визжащая орава не могла бы разместиться в Ноевом ковчеге. Что уж тут говорить о запасах пищи для всех этих живых существ, среди которых были и травоядные, и хищные, и насекомоядные, и всеядные звери, птицы, гады, букашки...



Ноев ковчег. Худ. Г. Доре

Столь же неправдоподобным выглядит свидетельство Библии о том, что под водой скрылись вершины самых высоких гор, за исключением «гор Араратских». Во-первых, потому, что на земном шаре есть горы, в два раза превосходящие высоту красавца Арарата. Как они могли уйти под воду, если «горы Араратские» стали прибежищем для Ноя и его семейства? Во-вторых, никаких имеющихся запасов воды не хватило бы на то, чтобы покрыть нашу планету слоем воды высотой хотя бы в 200 метров – даже в том случае, если бы растаяли все льды Антарктики и Арктики, все ледники в горах и вся влага, содержащаяся в атмосфере, выпала бы в виде проливного дождя.

Сторонники достоверности библейской легенды о потопе приводят в доказательство своей правоты тот факт, что сказания о катастрофических потопах встречаются у разных наро-

дов. Можно перечислить страны, в которых они имеют или имели место. В Азии: в Вавилонии, Палестине, Сирии, Фригии, в древней и современной Индии, в Бирме, на Малайском полуострове и на Камчатке. Интересно, что предания о потопе сосредоточены преимущественно в Южной Азии и практически отсутствуют в Восточной, Центральной и Северной Азии. В особенности замечательно то, что ни китайцы, ни японцы не сохранили в своей обширной и древней литературе ни одной народной легенды о таком всеобщем наводнении, от которого погибло все человечество или его значительная часть.

В Европе предания о потопе местного происхождения встречаются гораздо реже, чем в Азии; они были известны в Древней Греции. В Африке, включая Египет, легенды о Великом потопе, видимо, отсутствуют.

Легенды о Великом потопе ходят на островах Малайского архипелага, у туземных племен Филиппинских островов, у изолированно живших обитателей Андаманских островов в Бенгальском заливе. В Новой Гвинее и Австралии также существуют сказания о Великом потопе; встречаются они также и на небольших островах Меланезии, образующих большую дугу, которая охватывает Новую Гвинею и Австралию с севера и востока. Еще далее к востоку предания о потопе широко распространены среди полинезийцев, составляющих население разбросанных в океане большей частью маленьких островов, от Гавайских на севере до Новой Зеландии на юге. В Микронезии легенда о потопе популярна на островах Палау.

Много преданий о потопе имеется в Южной, Центральной и Северной Америке, от Огненной Земли на юге до Аляски на севере, на обоих континентах от востока до запада; притом они существуют не только среди индейских племен, но и среди эскимосов, от Аляски на западе до Гренландии на востоке.

Такова в общих чертах география распространения подобных легенд. Находятся ли они все в связи между собой или же возникли самостоятельно в различных частях земного шара? Раньше исследователи под влиянием библейской традиции склонны были отождествлять легенды о Великом потопе, где бы таковые ни были обнаружены, с библейским преданием о Ноевом потопе, полагая, что все такие легенды являются более или менее испорченными версиями того единственного, достоверного и подлинного рассказа о великой катастрофе, который изложен в книге Бытия. Приведем в качестве примера древнеиндийскую легенду о потопе.

Никакого рассказа о великом наводнении мы не находим в Ведах, этом древнейшем литературном памятнике Индии, составленном, по-видимому, в конце II – начале I тысячелетия до н. э. Но в позднейшей санскритской литературе неоднократно встречаются различные версии сказания о потопе, причем каждая из них при общем сходстве сохраняет свои особенности. Древнейшее из известных нам преданий содержится в так называемом Саталатха Брахмана, прозаическом сочинении, посвященном вопросам священного ритуала и написанном, как полагают, незадолго до появления буддизма, то есть не позднее VI века до н. э.

«Утром принесли Ману воду для умывания, совершенно так же, как теперь ему всегда приносят воду для омовения рук. Когда он умывался, ему попала в руки рыба. Она сказала ему такое слово: «Взрасти меня, и я спасу тебя!» – «От чего ты спасешь меня?» – «Потоп снесет все земные создания; я спасу тебя от потоп!» – «Как же мне взрастить тебя?» Рыба ответила: «Пока мы малы, нам не миновать гибели: одна рыба пожирает другую. Сперва ты будешь держать меня в кувшине; когда я перерасту кувшин, ты выроешь колодец и там будешь держать меня. Когда я перерасту колодец, тыпустишь меня в море, ибо тогда мне уже нечего бояться гибели». Скоро рыба стала гхашей, а эта порода – самая крупная среди рыб. После этого она сказала: «В таком-то и таком-то году произойдет потоп. Ты должен тогда вспомнить обо мне и построить судно, а когда начнется потоп, взойди на него, и я спасу тебя от потоп». Взрастив рыбу так, как она просила, Ману пустил ее в море. И в том самом году, который предсказала рыба, он вспомнил ее совет и построил судно, а когда начался потоп, он взошел на него. Тогда рыба подплыла к нему, и он привязал канат от своего судна к ее плавнику и

таким образом скоро приплыл к той далекой горе, что на севере. Тут рыба сказала ему: «Я спасла тебя; привяжи теперь судно к дереву, но смотри, чтобы вода не снесла тебя, пока ты будешь оставаться на горе; когда же вода спадет, ты можешь понемногу спуститься вниз». И он понемногу спустился с горы. Вот почему тот склон северной горы называется «спуск Ману». Потопом были уничтожены все создания; один лишь Ману уцелел...

Желая иметь потомство, он стал вести благочестивую и строгую жизнь. Он также совершил жертвоприношение «па-ка»: стоя в воде, принес жертву из осветленного масла, кислого молока, сыворотки и творога. От этого через год произошла женщина. Когда она стала совсем плотной, то поднялась на ноги, и, где она ни ступала, следы ее оставляли чистое масло. Митра и Варуна, повстречавшись с ней, спросили: «Кто ты такая?» – «Я дочь Ману», – отвечала она. «Скажи, что ты наша дочь», – сказали они. «Нет, – настаивала она, – я дочь того, кто произвел меня». Тогда они пожелали иметь в ней долю, но она, не сказав ни «да» ни «нет», прошла мимо. Она пришла к Ману, и он спросил ее: «Кто ты такая?» – «Твоя дочь», – отвечала она. «Как, ты, слава творения, ты – моя дочь?» – спросил он. «Да! – сказала она. – Теми жертвами из чистого масла, кислого молока, сыворотки и творога, которые ты принес в воде, ты произвел меня. Я – благодать; используй меня, когда будешь приносить жертвы. И если ты используешь меня, когда будешь приносить жертвы, то станешь богат потомством и скотом. Всякое благо, какое ты вздумаешь просить через меня, будет дано тебе». И вот он стал пользоваться ею во славу бога в середине жертвоприношения, а середина жертвоприношения – это все, происходящее между вступительной и заключительной жертвой. Вместе с ней он продолжал вести благочестивую и строгую жизнь, желая иметь потомство. Через нее он произвел человеческий род, род Ману, и всякое благо, которое он просил через нее, было дано ему».

Очевидно, что эта легенда имеет мало общего с библейской. Утверждать, что подобные сказания являются переделками божественного оригинала, данного людям в Библии, тем более невозможно в настоящее время, когда доказано, что библейский оригинал на самом деле вовсе не оригинал, а сравнительно поздний пересказ гораздо более древней вавилонской или, правильнее, шумерской легенды.



Ной. Неизвестный художник

Археологам суждено было извлечь из давно утерянных архивов Ассирии подлинную вавилонскую версию легенды. При раскопках Ниневии, составляющих славу и гордость XIX

века и имеющих чрезвычайное значение для изучения истории древнего мира, английским исследователям удалось обнаружить значительную часть библиотеки царя Ашшурбанипала, царствовавшего в 668–627 годах до н. э. Этот царь, наводивший ужас на многие народы вплоть до берегов Нила, украсил свою столицу великолепными сооружениями и собрал в ее стенах из ближних и дальних стран многочисленные тексты по истории, естествознанию, грамматике и религии для просвещения своего народа. Тексты эти, в значительной части заимствованные из вавилонских источников, представляют собой клинописные таблицы из мягкой глины, впоследствии обожженные и сложенные в библиотеке. Библиотека была, по-видимому, расположена в верхнем этаже дворца, который во время последнего разграбления города рухнул от пожара, причем большинство таблиц разбилось вдребезги. Сохранившиеся потрескались и опалены огнем пылавших развалин. Ситуацию усугубили кладоискатели, которые искали здесь для себя не научные сокровища, а настоящий золотой клад, чем немало содействовали еще большей разрозненности этих драгоценных памятников. В довершение всех бед богатая солями вода, каждую весну проникающая в почву, пропитывала таблицы. Соли кристаллизовались по линиям трещин, и по мере роста кристаллы расщепляли и без того разбитые таблицы на более мелкие фрагменты. Все же благодаря кропотливому труду Д. Смита, хранителя Британского музея, множество фрагментов было восстановлено.

Подростком Джордж Смит, выходец из семьи рабочего, был принят учеником в фирму, исполнявшую заказы на гравировку по меди. Прошло несколько лет, и фирма приняла заказ, резко отличавшийся от обычных: необходимо было выгравировать таблицы, прилагавшиеся к монографии известного английского востоковеда Генри Роулинсона, добившегося успеха в расшифровке клинописных знаков, оставленных жителями Двуречья, ассирийцами и вавилонянами. Смит, гравировавший значки, хранившие молчание на протяжении двадцати пяти столетий и понятные лишь считанным единицам ученых, заинтересовался причудливыми клиньями. Любознательный юноша стал с увлечением заниматься этой письменностью и вскоре достиг больших успехов в чтении «глиняных книг» Ассирии и Вавилонии.

В возрасте 21 года Смит стал реставратором в Британском музее. Основной его задачей было составлять из отдельных фрагментов, которые находят археологи в земле Междуречья, целые таблички, «страницы» глиняных книг. Естественно, что для этого надо уметь читать эти книги. И в этом деле Джорджу Смицу нет равных в мире.

Осенью 1872 года Смит был занят разбором табличек, обнаруженных при раскопках столицы Ассирии, «логова львов»– Ниневии. Впрочем, табличками назвать их было трудно. Это были груды обломков, перемешанные с землей и мусором, – все, что осталось от библиотеки могущественного царя Ассирии Ашшурбанипала, сожженной вместе с дворцом и всем городом Ниневией.

Разбирая очередной фрагмент, обломок таблички, покрытой клинописными знаками, Смит обнаружил на нем, к своему полному изумлению, такой текст:

У горы Ницир корабль остановился,
Гора Ницир корабль удержала, не дает качаться.
Один день, два дня гора Ницир держит корабль,
не дает качаться,
Пять и шесть гора Ницир держит корабль,
не дает качаться.
При наступлении дня седьмого
Вынес голубя и отпустил я;
Отправившись, голубь назад вернулся:
Места не нашел, прилетел обратно.

Древний текст, начертанный на странице глиняной книги, на табличке, возраст которой намного превосходил время создания Библии, говорил о потопе! Джордж Смит стал искать продолжение рассказа среди фрагментов, присланных ему с раскопок в Ниневии. Оказалось, что этот рассказ входит в поэму, повествующую о героических делах Гильгамеша.

В поисках бессмертия герой отправляется к старцу Утнапиштиму, единственному из рода человеческого, кто спасся во время Всемирного потопа. Утнапиштим говорит Гильгамешу:

Я открою, Гильгамеш, сокровенное слово,
И тайну богов расскажу тебе я.
Шуруппак – город, который ты знаешь,
Что лежит на берегу Евфрата;
Этот город древен, близки к нему боги.
Задумало сердце богов великих потоп устроить...

Но тщетно искал Смит среди обломков табличек подробный рассказ старца Утнапиштима о потопе. Кроме приведенного выше фрагмента, в ящиках, присланных археологами, табличек с его продолжением не содержалось.

Между тем древние писцы утверждали, что повествование о делах Гильгамеша записано на двенадцати таблицах по триста строк в каждой – на одну таблицу по песне. Рассказ о потопе был на одиннадцатой таблице – но Смит держал в руках лишь ее обломки.

Тогда молодой ученый решился на рискованный шаг: он организовал экспедицию (ее финансировала газета «Дейли телеграф») на место раскопок, чтобы найти недостающие части одиннадцатой таблицы «Эпоса о Гильгамеше» (так стали называть ученые и литературоведы это древнейшее эпическое повествование о человеке, «все видавшем до края мира, познавшем моря, перешедшем горы», – этими словами начинается первая таблица-песня о деяниях Гильгамеша). Чтобы осуществить свой план, ему надо было совершить поездку в Месопотамию, отделенную от Лондона несколькими тысячами километров, и там, в многослойной толще гигантского холма, едва потревоженной предыдущими раскопками, отыскать несколько глиняных табличек, причем именно тех, которых ему не доставало. Это была задача, которую можно сравнить с поисками иголки в стоге сена. И снова произошло невероятное: ему действительно удалось найти недостающие фрагменты сказания. Он привез домой 384 таблички, в том числе и недостающую часть истории Утнапиштима, так взволновавшей его при первом чтении. Это была история потопа – не обычного наводнения, упоминание о котором можно найти в ранней мифологии чуть ли не всех народов, а совершенно определенного потопа, о котором впоследствии было рассказано в Библии, ведь судьба Утнапиштима была так похожа на судьбу Ноя!

Джорджу Смиту удалось реставрировать знаменитую эпическую поэму о Гильгамеше в двенадцати песнях, вернее, таблицах. Это великое открытие было обнародовано Смитом на собрании Общества библейской археологии 3 декабря 1872 года.

По остроумной догадке Генри Роулинсона, двенадцать песен поэмы о Гильгамеше соответствуют двенадцати знакам зодиака, так что движение рассказа в поэме как бы следует за движением солнца в течение всех двенадцати месяцев года. Эта теория до некоторой степени оправдывается местом, какое занимает в поэме легенда о потопе, изложенная в одиннадцатой песне, потому что вавилонский одиннадцатый месяц приходился как раз на дождливый сезон, был посвящен богу ветров Рамману и назывался «проклятый месяц дождей».

Герой поэмы Гильгамеш потерял своего дорогого друга Энкиду, похищенного смертью, и сам тяжело заболел. Опечаленный происшедшим и в страхе перед грядущим, он решил разыскать своего предка Утнапиштима, сына Убара-Туту, и узнать от него, как смертный человек может обрести вечную жизнь.

Утнапиштим, думал он, наверное, знает этот секрет, так как сам стал подобен богам и живет теперь где-то далеко в блаженном бессмертии. Тяжелый и опасный путь пришлось совершить Гильгамешу, чтобы дойти до него. Он должен был перейти через гору, охраняемую двуполым скорпионом, там, где заходит солнце; он шел по темной и страшной дороге, где ни разу не ступала нога смертного; он переправился на лодке через обширное море, перебрался по узкому мосту через реку смерти и наконец предстал перед лицом Утнапиштима. Но когда Гильгамеш задал своему великому предку вопрос, как человеку достигнуть бессмертия, то получил неутешительный ответ: мудрец сказал ему, что для человека не существует бессмертия. Удивленный таким ответом со стороны того, кто некогда сам был человеком, а теперь сделался бессмертным, Гильгамеш, естественно, спросил своего высокочтимого родственника, каким образом ему удалось избежать общей участи. На этот вопрос Утнапиштим поведал следующий рассказ о великом потопе.

Утнапиштим сказал Гильгамешу: «Я хочу открыть тебе, о Гильгамеш, сокровенное слово; умысел богов я хочу поведать тебе. Ты знаешь город Шуруппак, что лежит на берегу Евфрата; это город старинный, и боги его внушили великим богам мысль послать на землю потоп. Там был отец богов Ану, их советник и воитель Энлиль, их вестник Ниниб, их властитель Эннуги. Бог мудрости Эа также сидел вместе с ними; он передал их слова тростниковой хижине, говоря: «О, тростниковая хижина, тростниковая хижина! О, стена, стена! О, слушай, тростниковая хижина! О, внимай, стена! О, человек из Шуруппака, сын Убара-Туту, ломай свой дом, построй корабль, оставь свои богатства, бойся своей гибели! Бросай своих богов, спасай свою жизнь, возьми с собою в корабль всякие семена жизни! А корабль, который ты соорудишь, должен быть хорошо соразмерен; его ширина и длина должны соответствовать друг другу, и ты его спустишь в открытое море». – «О, господин мой, я преклоняюсь пред твоим велением и исполню его. Но что я отвечу городу и народу и его старейшинам?» Эа открыл свои уста и так сказал мне, слуге своему: «Вот что ты ответишь им: так как Энлиль возненавидел меня, то я не могу больше оставаться в вашем городе и не могу преклонить голову на земле Энлиля; я должен спуститься в глубокое море и буду жить у господина моего Эа».

Утнапиштим послушался бога Эа, собрал лес и все, что было нужно для постройки судна, и на пятый день остов был готов. Он построил его в форме баржи, на которую поставил дом в сто двадцать локтей высотой, и разделил дом на шесть ярусов, а в каждом ярусе сделал девять комнат. Он сделал в нем отверстия для спуска воды, обмазал снаружи горной смолой и древесной смолой изнутри. Затем Утнапиштим велел принести масло, зарезал волов и ягнят, наполнил кувшины кунжутным вином, маслом и виноградным вином. Он созвал народ на пир, как в новогодний день; вино лилось рекой. Когда корабль был готов —

«Нагрузил его всем, что имел я,
Нагрузил его всем, что имел серебра я,
Нагрузил его всем, что имел я злата,
Нагрузил его всем, что имел живой я твари,
Поднял на корабль всю семью и род мой,
Скот степной и зверье, всех мастеров я поднял».

Бог-солнце Шамаш назначил время, объявив: «С наступлением вечера властитель тьмы пошлет разрушительный ливень; тогда войди в ковчег и запри за собой дверь». Пришел урочный час, и с наступлением вечера властитель тьмы послал разрушительный ливень. «Я видел начало бури, но дальше смотреть на нее побоялся. Я вошел в ковчег и запер за собою дверь. Кормчему корабля, а также Пузур-Амурри, мореходу, поручил я (плавучий) дворец и все, что в нем было. Когда стало рассветать, появилось на горизонте черное облако. Рамман гремел среди небес, а боги Мужати и Лугаль предшествовали ему. Подобно гонцам, шли они по горам

и равнинам; Иррагал сорвал с корабля мачту. Явился Ниниб и разразился бурей. Боги Ануннаки вздымали кверху пылающие факелы, бросавшие яркий свет на землю. Смерч бога Раммана поднимался к небесам, и дневной свет потух во мраке». Весь день бушевала гроза, и воды вздулись до горных вершин. «Один не видел другого, люди не узнавали друг друга. Боги в небесах испугались потопа и пятились назад, карабкались по небосклону к обители Ану. Боги припадали к земле, как собаки, жались у стен. Иштар надрывалась от крика, как женщина в родовых муках; царица богов обливалась слезами и восклицала своим дивным голосом: «Да обратится в прах тот день, когда я в собрании богов накликала горе! Увы, это я накликала горе в собрании богов! Это я накликала смерть для уничтожения моих людей! Где они теперь – те, которых я призвала к жизни? Как рыбьей икрой, кишит ими море». Шесть дней и шесть ночей свирепствовал ветер; потоп и гроза опустошили землю. На седьмой день стихла гроза, и ливень, и буря, бушевавшая подобно вражескому войску. Море успокоилось, вода пошла на убыль; ураган и потоп прекратились. Посмотрел я на море: на нем лежала тишина, весь род человеческий превратился снова в глину. Там, где были поля, простиралось болото...»

Утнапиштим открыл окно, и дневной свет упал на его лицо. У него подкашивались ноги, он сел и заплакал; слезы катились по его щекам. Он смотрел на мир: везде было море. По прошествии двенадцати дней показался остров. Корабль приплыл к земле Низир; он сел на гору Низир, и гора не отпускала корабль. Прошел день, другой – гора Низир все не отпускала корабль. Прошел третий день, четвертый – гора Низир все не отпускала корабль. Прошел пятый день, шестой – гора Низир все не отпускала корабль. На седьмой день Утнапиштим выпустил голубя и дал ему улететь. Но голубь полетал немного и, не найдя нигде приюта, вернулся назад. Тогда Утнапиштим выпустил ласточку и дал ей улететь. Ласточка покружилась немного, но, не найдя нигде приюта, вернулась назад. Затем Утнапиштим выпустил ворона и дал ему улететь. Ворон улетел и увидел, что вода спала; он клевал пищу, пробирался по лужам, каркал, но назад не вернулся. Тогда Утнапиштим вывел всех из корабля и отпустил их на все четыре стороны. Он принес жертву и совершил возлияние на вершине горы. По семи в ряд он выставил жертвенные сосуды и собрал под ними в кучу тростник, кедровое и миртовое дерево. «Боги вдыхали запах, боги вдыхали благоухания. Боги, как мухи, собирались вокруг того, кто принес им жертву. Тут выступила вперед мать богов: «О вы, боги, собравшиеся здесь! Как верно то, что я не забуду этих лазоревых самоцветов, которые я ношу на шее, так же верно и то, что я буду помнить всегда эти дни и никогда их не забуду. Пусть все боги присутствуют при этом жертвоприношении, но пусть Энлиль не приходит, потому что он не размыслил, наслал потоп и обрек на гибель моих людей». Тогда подошел Энлиль и, увидев корабль, рассвирепел. Полный гнева против богов, он воскликнул: «Кто-то, я вижу, спас свою жизнь. Нет, ни один человек не останется в живых после всеобщего истребления». Тут Ниниб, вестник богов, открыл свои уста и сказал, обращаясь к воителю Энлилю: «Кто, как не Эа, мог сделать подобное дело? Ведь Эа знает все, что происходит на свете». Тогда Эа открыл свои уста и сказал, обращаясь к воителю Энлилю: «Ты, о воитель, – владыка богов, но ты не размыслил и наслал на землю потоп. На грешнике должен быть отомщен его грех, и на преступнике – его преступление. Не давай же воли своей руке, дабы не все люди погибли; пощади, дабы не все они исчезли с лица земли. Вместо потопа пусть бы лучше пришел лев и сократил род людской! Вместо потопа пусть бы лучше пришел леопард и сократил род людской! Вместо потопа пусть бы лучше пришел Голод и опустошил землю! Вместо потопа пусть бы лучше пришла богиня-чума и поразила человечество!» После этого Энлиль принял свое решение и вошел в ковчег. Он взял Утнапиштима за руку, вывел из корабля его вместе с женой и велел им стать на колени, а сам подошел к ним и благословил их: «До сих пор Утнапиштим был человеком, но отныне пусть Утнапиштим и жена его уподобятся богам и станут равными нам, пусть Утнапиштим живет далеко от земли, у устья рек». И тогда спасшегося предка Гильгамеша взяли и унесли далеко от земли, оставив жить «у устья рек».

Эта версия легенды о потопе написана на семитском языке Вавилонии и Ассирии. Но есть другая версия, отрывки которой найдены американцами при раскопках в Ниппуре. Она написана на шумерском языке, то есть на несемитском языке древнего народа, который, по-видимому, предшествовал семитам в Вавилонии и основал в нижней долине Евфрата свою собственную замечательную культуру. Город Ниппур, где была найдена эта шумерская легенда о потопе, был священным и, возможно, наиболее древним религиозным центром страны, и местный бог этого города Энлиль стоял во главе вавилонского пантеона. Судя по начертанию письма, текст таблички, на которой записана легенда, относится, вероятно, к 2100 году до н. э. Но сама легенда, надо полагать, гораздо древнее, потому что в конце третьего тысячелетия, когда был написан текст таблички, шумеры как отдельный народ уже перестали существовать, растворившись в семитском населении страны, и их язык уже стал мертвым языком, хотя древняя литература и содержащиеся в ней священные тексты служили еще предметом изучения и переписывались жрецами и писцами. В результате открытия шумерской версии легенды о потопе возникло предположение о том, что сама легенда ведет свое происхождение от времени, предшествовавшего занятию долины Евфрата семитами, которые, поселившись в новой стране, заимствовали легенду о потопе от своих предшественников – шумеров. Интересно отметить, что шумерская версия легенды о потопе служит продолжением рассказа, к сожалению, весьма отрывочного, о сотворении человека. Согласно этому рассказу, люди были созданы богами раньше животных. Таким образом, шумерская легенда сходится с библейским рассказом в книге Бытия, поскольку и здесь и там сотворение человека и великий потоп трактуются как два тесно связанных между собой события первоначальной истории мира. При этом шумерское сказание совпадает не с жреческим, а с яхвистским источником, изображая такую последовательность событий, при которой сотворение человека предшествовало сотворению животных.

Героем этой легенды был Зиусудра – царь и жрец бога Энки – шумерского божества, соответствующего семитскому Эа. Изо дня в день он служил богу, смиренно поворачиваясь ниц перед ним и исполняя у алтаря установленные обряды. В награду за такое благочестие Энки сообщает ему, что по требованию Энлиля на совете богов решено истребить человеческий род посредством ливня и бури. Прежде чем сделать святому человеку это своевременное предупреждение, божественный друг просит его отойти к стене, говоря: «Стань у стены слева от меня, и у стены я скажу тебе слово». Эти слова находятся в очевидной связи с тем странным местом в семитской версии легенды, где Эа начинает свое предупреждение Утнапиштиму в таких выражениях: «О, тростниковая хижина, тростниковая хижина! О, стена, стена! О, слушай, тростниковая хижина! О, внимай, стена!» Два похожих места в обеих версиях легенды заставляют предположить, что доброжелательный бог, не желая прямо сообщить смертному человеку тайное решение богов, прибегает к уловке и шепотом доверяет тайну стене, по другую сторону которой он предварительно поставил Зиусудру. Таким образом праведный человек подслушал чужой разговор и узнал роковую тайну, тогда как его божественный покровитель имел возможность впоследствии утверждать, что он не открыл человеку умысла богов. Эта уловка приводит на память известную древнегреческую легенду о том, как слуга царя Мидаса открыл, что у его господина ослиные уши, и, не будучи в состоянии удержаться, чтобы не выболтать кому-нибудь этой тайны, шепотом рассказал ее пещере и засыпал пещеру землей, но на этом месте вырос тростник, и шелест его листьев, волнуемых ветром, разнес по всему свету секрет об уродстве царя. Та часть таблицы, в которой, вероятно, содержалось описание того, как строился ковчег и как сел в него Зиусудра, потеряна, а сохранившаяся часть сразу захлестывает нас волнами потопа:

Все бури с небывалой силой разбушевались
одновременно.

И в тот же миг потоп залил главные святилища.
Семь дней и семь ночей потоп заливал землю,
И огромный корабль ветры носили по бурным
водам.
Потом вышел Уту, тот, кто дает свет небесам
и земле.
Тогда Зиусудра открыл окно на своем огромном
корабле,
И Уту, герой, проник своими лучами в огромный
корабль.

Когда свет солнца засиял над ковчегом, Зиусудра пал ниц перед богом-солнцем и принес в жертву вола и овцу. Здесь опять пробел в тексте, а вслед за тем мы читаем, что царь Зиусудра пал ниц перед богами Ану и Энлилем. Гнев Энлиля против людей теперь как будто смягчился, как можно понять из его слов, относящихся к Зиусудре: «Жизнь, подобную жизни бога, я дарую ему». И дальше: «Вечную душу, подобную душе бога, я сотворю для него». Это значит, что герой легенды о потопе обрел дар бессмертия или даже превратился в бога. Дальше ему преподносится титул «Хранителя семени человеческого рода» и отводится обитель на горе. Конец легенды нам неизвестен.

После открытия «Эпоса о Гильгамеше» стало ясно, что история потопы, изложенная в Библии, является лишь пересказом более древней легенды, созданной в Междуречье. Джордж Смит извлек одиннадцатую песню эпоса из 20 тысяч табличек, составлявших библиотеку повелителя Ассирии Ашшурбанипала. Ассирийцы заимствовали рассказ о Гильгамеше у более древних жителей долины Тигра и Евфрата – вавилонян. В XX столетии в земле Двуречья были открыты памятники еще более древнего народа – шумеров. Чем больше изучали ученые шумерскую культуру, мифологию, литературу, тем яснее им становилось, что Библия обязана шумерам целым рядом своих сюжетов.

Библия говорит о первозданном океане. По древнейшим представлениям шумеров, такой океан также существовал перед сотворением мира. И по Библии, и по шумерской космогонии, этот океан разделился на небесный свод и плоскую землю, отделенные друг от друга воздухом – вечно движущейся, всепроникающей «атмосферой», из которой были созданы небесные светила: солнце, луна, планеты, звезды. Потом – последовательность изложения событий в шумерских мифах и в Библии одна и та же – появились растения, животные и человек. И по Библии, и по шумерским преданиям, материалом для создания первого человека послужила глина.

Ева, как утверждает Библия, сотворена из «ребра Адамова»... Почему из ребра? Над этим вопросом долго бились и теологи, и историки религий. Но когда стал известен шумерский миф о боге Энки и богине Нинхурсаг, стало ясно, что здесь мы имеем дело, говоря словами одного из востоковедов, с «одной из первых в истории литературных ошибок». В шумерском языке слово «ти» означает и «ребро», и «давать жизнь». Поэтому богиня, созданная для того, чтобы исцелить боль в ребре повелителя вод шумерского бога Энки, носила имя Нинти, что означало и «госпожа ребра», и «госпожа, дающая жизнь». Согласно же Библии имя Ева означает «Та, что дает жизнь», а создана Ева из ребра Адама (хотя по-древнееврейски слова «дающая жизнь» и «ребро» звучат по-разному).

Разумеется, шумеры не могли оказать прямого влияния на древнееврейскую литературу, потому что сами исчезли задолго до того, как появились евреи. Однако нет никаких сомнений в том, что шумеры многое дали хананеям, непосредственным предшественникам евреев в стране, которая позже стала называться Палестиной, а также соседним народам – ассирийцам, вавилонянам, хеттам, хурритам и арамеям.

Очевидно, что богобоязненный царь Зиусудра, бессмертный старец Утнапиштим и благочестивый патриарх Ной – одно и то же лицо, лишь по-разному названное шумерами, вавилонянами и авторами Библии. И столь же очевидно, что библейская история потопа восходит к шумерской мифологии, создававшейся за несколько тысяч лет до того, как была написана священная книга иудеев и христиан. Творцы Библии жили в стране, не знавшей ни губительных ураганов, ни грандиозных наводнений, ни мощных разливов рек. Всем этим стихийным бедствиям подвергалась земля Месопотамии, страна шумеров. Быть может, рассказ о потопе – не библейский, а шумерский – отражает реальное событие, произошедшее за много тысяч лет до нашей эры? Тем более что потоп упоминается не только в поэтическо-религиозных произведениях шумеров, но и в их хронологических таблицах, в списках легендарных царей. Причем история Шумера делилась на два периода: период правления царей «до потопа» и правления царей «после потопа».

В конце III тысячелетия до н. э. шумерские жрецы составили список, подобный нашим хронологическим таблицам из учебников истории. Список начинался именами восьми царей, правивших Шумером. Два первых царя правили в городе Эриду, следующие три – в городе Бадтибира, затем правили в городах Ларак и Сиппар, последним перед потопом правил царь города Шурупак. «Всего 8 царей, 5 городов... – говорит список. – Затем был потоп. После него была вновь ниспослана свыше царская власть». В этом списке приведены имена царей, правивших невероятно длительное время: Энмелуанн из Бадтибиры, который сидел на троне 432 000 лет, Алалгар, царствовавший 36 000 лет, и другие. Восемь царей правили в общей сложности 241 200 лет! Далее идет перечень «царей после потопа», начинающийся с «первой династии Киша», после нее приводятся имена и годы правления многочисленных династий различных городов-государств Шумера – Урука, Ура, Лагаша и т. д. После потопа, как видно, богоподобные шумерские цари умирали более молодыми, но все же Этана, царь города Киш, первым объединивший страну, правил 1560 лет, Агга – 625, Гильгамеш – 126 лет.

Первоначально достоверность списка царей, особенно его начала, вызывала у историков большое сомнение. По мере того как шли раскопки в земле Двуречья, археологам и шумерологам удавалось отождествить того или иного царя из списка с реальной личностью правителя какого-либо города Шумера. Разумеется, фантастически длинные сроки правления первых царей Шумера не соответствуют действительности, так же как и годы жизни библейских патриархов, включая праведного Ноя, «на шестисотом году жизни» которого произошел всемирный потоп. Но столь же несомненно, что деление истории Шумера на эпоху «до потопа» и эпоху «после потопа» далеко не случайно.

Это подтверждает не только «список царей», но и другие шумерские источники. В одном из них говорится о том, что потоп все уничтожил. «После потопа, который уничтожил все, царская власть вновь спустилась с небес и город Киш стал местом правления царей» («до потопа» царская власть впервые «спустилась с небес» в город Эриду).

В другой табличке, найденной в городе Лагаш и посвященной истории Шумера от «начальных времен» до правления царя Гудеа (личности реальной, чей скульптурный портрет относится к одному из лучших образцов шумерского искусства), говорится о потопе, который «все смыл», «разрушил земли» и причинил человечеству беды, хотя «семя человеческое было спасено». Вероятно, в сознании людей той далекой эпохи в сказание о «всемирном потопе» трансформировалось какое-то реальное событие.

Доказательство того факта, что землю Междуречья 5000–6000 лет назад действительно постигло стихийное бедствие, что оно носило характер катастрофы и его можно назвать «потопом», хотя и не всемирным, снова предоставила археология.

Английский археолог Леонард Вулли на протяжении двенадцати зимних сезонов, с 1922 по 1934 год, вел систематические раскопки на юге Ирака в Уре – одном из древнейших городов мира. В 1929 году он завершил раскопки царского кладбища. Сокровища, найденные в

могилах, убедили Вулли в том, что следует копать еще глубже, чтобы найти истоки шумерской культуры. Для начала стали работать в маленькой квадратной шахте площадью полтора на полтора метра.

«Мы углубились в нижний слой, состоявший из обычной, столь характерной для населенных пунктов смеси мусора, распавшихся необожженных кирпичей, золы и черепков. Примерно в таком же мусоре располагались и гробницы, – рассказывает Вулли в своей книге «Ур халдеев», – на глубине около метра внезапно все исчезло: не было больше ни черепков, ни золы, а одни только чистые речные отложения. Араб-землекоп со дна шахты сказал мне, что добрался до чистого слоя почвы, где уже ничего не найдено, и хотел перейти на другой участок. Я спустился вниз, осмотрел дно шахты и убедился в его правоте, но затем сделал замеры и обнаружил, что «чистая почва» находится совсем не на той глубине, где ей полагалось бы быть... Поэтому я приказал землекопу спуститься вниз и продолжать работу. Араб неохотно начал углублять шахту, выбрасывая на поверхность чистую землю, в которой не было никаких следов человеческой деятельности. Так он прошел еще два с половиной метра, и вдруг появились кремневые осколки и черепки расписной посуды».

Вулли вновь спустился в шахту, осмотрел ее, а затем вызвал других участников экспедиции, изложив им суть дела. Они были озадачены: почему вслед за «чистым» слоем, не сохранившим никаких следов деятельности человека, вдруг вновь появляется культурный слой, свидетельствующий, что здесь жили люди?

«Подошла моя жена, и я обратился к ней с тем же вопросом. «Ну, конечно, здесь был потоп!» – ответила она, не задумываясь. И это был правильный ответ, – пишет Вулли, – однако вряд ли уместно говорить о Всемирном потопе, ссылаясь на единственную шахту площадью в какой-то квадратный метр. Поэтому в следующий сезон площадь раскопа была увеличена. В конечном итоге котлован площадью двадцать три метра на восемнадцать достиг глубины девятнадцати метров».

Вулли пришел к выводу, что «потоп действительно был, и нет никакой нужды доказывать, что именно об этом потопе идет речь в списке царей, в шумерской легенде, а следовательно, и в Ветхом Завете. Разумеется, это отнюдь не означает, что все подробности легенды достоверны. В основе ее лежит исторический факт, однако поэты и моралисты излагают историю потопа каждый на свой лад. Вариаций много, но суть остается неизменной. В Библии говорится, что вода поднялась на восемь метров. По-видимому, так оно и было. Шумерская легенда рассказывает, что люди до потопа жили в тростниковых хижинах. Мы нашли эти хижины в Уре и в Эль-Обейде. Ной построил свой ковчег из легкого дерева, а затем просмолил его битумом. Как раз в самом верхнем слое наносов мы нашли большой ком битума со следами корзины, в которой он хранился. Я сам видел, как природный битум из месторождений Хита в среднем течении Евфрата грузят в такие корзины и отправляют вниз по реке».

Разумеется, говорит Вулли, это был не Всемирный потоп, а всего лишь наводнение, затопившее населенные районы между горами и пустыней в долине Тигра и Евфрата. Но для тех, кто в этой долине жил, она была целым миром. «Большая часть обитателей долины, вероятно, погибла, и лишь немногие пораженные ужасом жители городов дожили до того дня, когда бушующие воды начали наконец отступать от городских стен. Поэтому нет ничего удивительного в том, что они увидели в этом бедствии божью кару согрешившему поколению и так описали его в религиозной поэме. И если при этом какому-то семейству удалось на лодке спастись от наводнившего низменность потопа, его главу, естественно, начали воспевать как легендарного героя».

Кем же были люди, пережившие потоп? Были ли они шумерами? Леонард Вулли, проводя раскопки Ура, обнаружил, что классической культуре шумеров предшествовала другая, более древняя.

Эта культура была обнаружена экспедицией Британского музея 1918–1919 годов под руководством молодого ассириолога Р. Холла. По холму, где впервые были найдены ее следы, эта культура стала именоваться «Эль-Обейдской», или «Эль-Убейдской». Холл раскопал здесь часть древнейшего в Месопотамии храма, относящегося к середине III тысячелетия до н. э. Святилище стояло на искусственно сооруженной террасе, которая, в свою очередь, покоилась на стенах из обожженного кирпича. Наверх вела лестница из известняка. По обеим ее сторонам стояли изваяния львиных голов в натуральную величину, сделанные из битума и покрытые медью. Широко открытые глаза из красной яшмы, белого ракушечника, зеленого стеатита и красный высунутый язык производили жуткое впечатление. Над входом в храм некогда помещался большой рельеф, изображавший орла с головой льва, держащего в когтях двух оленей. На внешней поверхности алтаря находился знак планеты Венеры – символ богини Инанны, «владычицы небесных высот». Несмотря на поразительные находки, раскопки были остановлены – средств на их дальнейшее проведение не хватило. К Эль-Убейдской культуре через несколько лет вернулся Леонард Вулли.

«До сих пор неясно, можно ли называть людей периода Эль-Убейда шумерами. Но одно совершенно очевидно: созданная ими культура не была бесплодной, она пережила потоп и сыграла немалую роль в развитии шумерской цивилизации, позднее достигшей пышного расцвета. Среди прочих ценностей они передали шумерам и легенду о Всемирном потопе. Это не вызывает сомнений, так как именно они пережили это бедствие и никто другой не мог бы создать подобной легенды», – так писал Вулли, подводя итоги своим раскопкам в Уре. В настоящее время можно с большой долей уверенности сказать, что люди, пережившие потоп, создатели культуры Убейда, шумерами не были.

Шумеры были в долине Тигра и Евфрата пришельцами, хотя и очень древними. А до шумеров в Междуречье жил народ, создавший цивилизацию Убейда. По отношению к нему шумеры были такими же кочевниками-варварами, пришедшими извне, а затем усвоившими достижения культуры оседлого народа, какими были по отношению к шумерам вавилоняне. Еще четверть века назад считалось, что убейдцы были примитивными обитателями болот, жили в тростниковых хижинах, охотились, ловили рыбу и лишь иногда занимались земледелием, подобно современным обитателям юга Ирака («болотным арабам»). Однако археологические исследования представили культуру Эль-Убейда в новом свете. Именно тогда был совершен стремительный скачок от «дикости» к цивилизации. Именно тогда был одомашнен крупный рогатый скот, изобретены колесо и плуг. Именно тогда начали возводиться первые дворцы и храмы. Именно тогда возникли древнейшие города Двуречья – Эриду, Ур, Урук. Именно тогда орудия из камня начинают заменяться орудиями из металла... Словом, у истоков культуры шумеров, которые были учителями вавилонян, стоит культура Убейда. Но кто такие сами убейдцы? Сопоставив все известные данные, исследователи пришли к выводу, что земледельческий народ, владевший искусством тонкой обработки камня, возделывавший землю каменными мотыгами и размалывавший зерно в каменных ступках и ручными жерновами, пришел в плодородную долину Евфрата из области на юго-западе современного Ирана около шести тысяч лет назад. Именно там была обнаружена керамика, похожая на керамику убейдцев.

С. Крамер, знаток шумерского языка и литературы, проанализировав названия древнейших шумерских городов, таких как Эриду, Ур, Ларса, Урук, Лагаш, Ниппур, Киш и др., пришел к выводу, что они не являются шумерскими. А это говорит о том, что язык создателей городов, бывших в эпоху Убейда еще поселками, не шумерский, а иной. Точно так же нельзя объяснить, исходя из законов шумерского языка, названия двух великих рек Месопотамии – Тигра и Евфрата (в клинописных текстах они читаются как «Идиглат» и «Буранун»). Названия рекам также дали первые поселенцы на их берегах – убейдцы. Убейдскими, а не шумерскими оказываются слова, обозначающие различные профессии в древнем Шумере: крестьянин, плотник,

купец и т. д. Это опять-таки говорит о том, что профессии крестьянина, плотника, купца и многие другие возникли до появления шумеров в Двуречье, и «изобретателями» этих профессий были люди, говорящие на другом языке. На каком? Список убейдских слов, дошедших до нас, невелик. Это имена богов, названия рек, городов, профессий. Анализ же их показывает, что в убейдском языке есть ряд черт, сближающих его с языками дравидов, населяющих Южную Индию.

Какое же реальное событие дало толчок к созданию мифа о потопе? Многие исследователи полагали, что легендарный потоп происходил не в одном месте, а был связан с катастрофой, имевшей большие масштабы. Другие исследователи предлагали объяснить вавилонское и еврейское предания о великом потопе теми наводнениями, которым ежегодно подвергается нижняя долина Евфрата и Тигра вследствие местных проливных дождей и таяния снегов в горах Армении. Основанием для этой легенды послужили ежегодные наводнения во время дождливого и ветреного сезона, продолжавшиеся в Вавилонии несколько месяцев, в течение которых целые округа в долине Евфрата затапливались водой. Дожди и ветры причиняли огромные опустошения до тех пор, пока усовершенствованная система каналов не урегулировала разлив Евфрата и Тигра; с тех пор то, что раньше было проклятием для страны, превратилось в благо и повлекло за собой то изумительное плодородие, которым так славилась Вавилония.

По этой гипотезе, великий потоп был вызван необычайным ливнем, который, впрочем, был лишь на удивление сильным проявлением традиционного сезонного ненастья. Огромные опустошения, вызванные им на большом пространстве долины, произвели неизгладимое впечатление на переживших катастрофу людей и их потомство. В пользу такого взгляда говорит тот факт, что как вавилонское предание, так и древнейшая форма еврейского предания указывают на проливной дождь как на единственную непосредственную причину наводнения.

Подобные бедствия случались в этих краях и сравнительно недавно. Когда английский археолог Лофтус, впервые произведший раскопки на месте древнего города Эрех, 5 мая 1849 года прибыл в Багдад, он застал местное население в паническом страхе. Вследствие быстрого таяния снегов в Курдских горах и необычайно большого переброса воды из Евфрата через канал Сеглавия вода в Тигре поднялась в ту весну на 5 футов выше максимального уровня в обычные годы. Подъем воды превзошел даже уровень 1831 года, когда река опрокинула городские стены и в одну ночь разрушила не менее

7 тысяч домов, в то время как свирепствовавшая кругом чума производила страшное опустошение среди населения. За несколько дней до прибытия английского отряда турецкий паша Багдада собрал все население и велел ему для предотвращения опасности построить вокруг городских стен прочную и высокую насыпь; чтобы земля не осыпалась, она была снаружи укреплена щитами из плетеного камыша. Внутренняя часть города была таким образом защищена от воды, которая все же просачивалась через рыхлую наносную почву и проникала в погреба. За стенами города вода поднялась на 2 фута выше берега. Со стороны реки преградой для наводнения служили только дома, частью очень старые и ветхие. Момент был критический. Люди днем и ночью сторожили ограждения. Если бы где-нибудь плотина или укрепление не выдержали, то Багдад был бы целиком снесен водой.

К счастью, укрепления устояли перед напором воды, наводнение постепенно пошло на убыль. Страна на многие мили вокруг лежала под водой, и за пределами плотины не было никакой возможности сообщаться иначе как на лодках, из которых были сооружены паромы. Город на время превратился в остров среди обширного моря. Прошел целый месяц, прежде чем жители смогли верхом выезжать из Багдада. Испарения от застоявшейся воды послужили причиной вспышки малярии, из населения в 70 тысяч человек не менее 12 тысяч погибло от болезни.

Если наводнения, вызываемые таянием снегов в горах Армении, еще в XIX веке являлись угрозой существованию городов в речной долине, то следует допустить, что такую же угрозу они представляли и в древности. В таком случае вавилонское предание о гибели города Шуруппак от наводнения, пожалуй, имеет под собой фактическое основание. Правда, город этот был уничтожен окончательно, по-видимому, пожаром, а не водой; но ничто не мешает предположить, что он еще раньше погиб от наводнения, а потом был вновь отстроен.

Леонард Вулли был твердо убежден в том, что обнаружил следы того потопа, который нашел свое отражение в Библии. Однако далеко не все исследователи разделяют уверенность английского археолога. В начале 30-х годов XX века соотечественник и коллега Вулли профессор С. Лэнгдон раскапывал другой, не менее древний, чем Ур, город Междуречья – Киш. И здесь культурные слои были разделены слоем ила. Тот же потоп, что пережил Ур? Но почему тогда «потопный» пласт в Уре имеет толщину три с половиной метра, а в Кише – всего лишь полметра? Киш находится от Персидского залива на значительно большем расстоянии, чем Ур, до него могли дойти менее мощные валы наводнения, принесшие соответственно меньший слой ила. Более тонкий слой наноса в районе Киша может объясняться не только тем, что здесь наводнение было уже на излете, но и особенностями рельефа местности. Там, где вода свободно растекалась по равнине, она равномерно распределяла приносимый ею ил, а встретив возвышение или скалу, она накапливала у ее подножия большую массу ила и создавала более толстый пласт отложений. Так как рельеф местности, каким он был 4–5 тысяч лет назад, установить практически невозможно, то открывается широкое поле для всевозможных догадок относительно того, почему в одной местности слой отложений толще, а в другой – тоньше.

Раскопки, проведенные в самых разных городах Двуречья – Уре и Кише, Уруке и родине Утнапиштира Шуруппаке, в столице царей Ассирии Ниневии, показали, что все эти города подвергались катастрофическим наводнениям (так, в Ниневии на глубине порядка 18 метров был обнаружен «потопный» слой толщиной от полутора до двух метров). И все же, что стало основанием для создания легенды о самой кошмарной катастрофе в истории человечества: грандиозное наводнение, единовременно затопившее всю Месопотамию, или ряд таких наводнений, происходивших в различное время?

Чем больше мы узнаем об истории Междуречья, тем более правдоподобной представляется нам вторая версия: потоков было несколько. «Потопный» слой, обнаруженный Лэнгдоном в Кише, датируется примерно 3100 годом до н. э. Вулли обнаружил следы всемирного потопа в слое, относящемся к 3500 году до н. э. Слои потопа в Шуруппаке, так же как и в Уруке, датируются по-иному. Это говорит о том, что Двуречье пережило не один потоп.

Более того, многие исследователи совершенно справедливо сомневаются в том, действительно ли Вулли нашел следы того катаклизма, который заставил шумеров делить исторические события на события, произошедшие до потопа и после него. Нет причин сомневаться в достоверности исторического события, которое позднее стали называть Всемирным потопом. Южный Ирак – это страна, где наводнения – обычное явление. Надо полагать, что одно из них и было тем самым Всемирным потопом, историю которого пересказывают вот уже в течение пяти тысяч лет. Все исторические события, происходившие до него, дошли до нас в виде довольно путаных мифов, а сам Всемирный потоп отличался от прочих событий тем, что унес несметное число человеческих жизней и причинил огромные разрушения. Возможно, однако, что случившееся одновременно с ним какое-то важное политическое событие придало этому наводнению особое значение.

Археологические раскопки до сих пор не подтвердили того факта, что такая крупная катастрофа постигла всю Вавилонию. Это говорит о том, что хотя наводнения в этой области могли быть весьма крупными, они едва ли выходили за рамки локальной катастрофы. Кроме того, возможно и совершенно иное объяснение происхождения этого «потопного» слоя в Уре.

Некоторые исследователи считают его так называемым эоловым образованием, возникшим в результате деятельности ветров и не имеющим ничего общего с потопом.

Вероятно, ближе всего к истине находится теория крупнейшего российского шумеролога и ассириолога профессора Игоря Михайловича Дьяконова. Комментируя переведенный им на русский язык «Эпос о Гильгамеше», он не рассматривает конкретные потопа и другие стихийные бедствия, постигавшие долину Междуречья, а рисует общую картину жизни древнейших земледельцев. «Оттесненные своими соседями в болотные низовья Евфрата, шумерские племена нашли здесь необыкновенно плодородную почву: даже при тех примитивных орудиях труда, какими располагали шумеры в начале III тысячелетия до н. э., с гектара снимали по 25 центнеров ячменя. Однако эта благодатная почва только тогда стала давать человеку верный и постоянный урожай, когда ему удалось обуздать стихию реки, ежегодно заливавшей низины. В некоторые годы – если половодье совпадало с ураганным ветром с Персидского залива – вода разрушала ветхие тростниковые селения шумеров и надолго затопляла и заболачивала освоенные ими поля. Впоследствии шумерская традиция делила историю своей страны на два резко отделяющихся друг от друга периода – мифическую древность «до потопа» и историческую эпоху «после потопа», иначе говоря, на время до создания в Шумере системы отводящих и оросительных каналов и бассейнов и после него».

Таким образом, речь должна идти не о каком-то конкретном потопе, а о периодических наводнениях, которые позднее слились в одно мифологическое представление о всемирном потопе, после которого начался новый период жизни жителей и государств Месопотамии. О том же, что географический кругозор шумеров был весьма узок, наглядно свидетельствует отрывок из шумерского эпоса «Энмеркар и правитель Аратты», в котором, описывая царивший некогда на земле «золотой век», поэт утверждает:

В стародавние времена земли Шубур и Хамази,
Многоязычный Шумер, великая земля божественных
законов владычества,
Ури, земля во всем изобильная,
Марту, земля, отдыхающая в мире,
Вся Вселенная, все народы в полном согласии
Прославляли Энлиля на одном языке.

«Страна Ури» – это находящиеся на севере Двуречья Аккад и Ассирия. «Земли Шубур и Хамази» – Западный Иран. «Земля Марту» – территория от реки Евфрат на запад, вплоть до Средиземного моря, включая и Аравию. Это и есть «вся земля» в представлении шумеров. В эпоху же, когда первые жители долины Тигра и Евфрата покорили эти реки, создав систему ирригации, их географический кругозор был еще уже и «всем миром» считалась территория Междуречья. Если это так, то «всемирным» мог оказаться любой потоп, любое наводнение, заливавшее низменные земли колыбели человеческой культуры.

Еще один рассказ о колоссальной катастрофе, уничтожившей человеческую цивилизацию, дошел до нас из литературного источника. Уже много столетий трагедия Атлантиды занимает ученых, поэтов, политиков, любителей-дилетантов, писателей и метафизиков. Это объясняется, конечно, тем, что история Атлантиды загадочна и драматична. Однако интерес к ней столь различных людей и их противоречивые суждения, видимо, вызваны прежде всего тем, что их стремление раскрыть эту тайну диктовалось глубоко заложенной в человеческой природе потребностью познать неизвестное. Возможно, это своего рода ностальгия, таящаяся в глубине души почти каждого человека, тоска о потерянном рае, о садах Эдема, о золотом веке, о колы-

бели рода человеческого, о древнем и воображаемом театре, где можно проиграть все желанные роли, осуществить в некоей легендарной стране, «если бы она была», все свои мечты.

Тем не менее, за всем этим стоит древняя традиция. Впервые она появляется в серьезных философских трудах Платона, признанного авторитета. То, о чем он написал, дало пищу для размышлений самым высоким умам. Поскольку эта тема выделялась на фоне скучной действительности, она позволяла мыслителям развивать свои фантазии и отождествлять с Атлантидой свои самые сокровенные мечты и идеалы. Возникали бесчисленные концепции и толкования, зачастую весьма субъективные, делались самые противоречивые выводы, которые их авторы яростно отстаивали. Таким образом возник целый цикл полемических трудов с предположениями, утверждениями, опровержениями, взаимоисключающими теориями.

Первоначальную версию, первые сведения об Атлантиде мы находим только у одного автора. Они изложены в двух диалогах Платона, в «Тимее» и «Критии», которые были задуманы как две части трилогии. Платон отвел им место за диалогом «Государство» и намеревался развивать в них основные идеи, изложенные в этом диалоге.

«Тимей» – полностью законченное произведение. Это один из величайших трудов Платона о мироздании. Второй диалог, «Критий», не завершен: он внезапно обрывается как раз на том месте, где речь идет об Атлантиде.

Имя Платона означает «широкий»: так прозвали его в юности за широту плеч и продолжали звать в зрелости за широту ума. Он происходил из знатнейшего афинского рода, предком его был Солон, великий афинский законодатель, «мудрейший из семи мудрецов». Смолodu Платон писал стихи, но однажды, когда он нес в театр только что сочиненную трагедию, услышал разговор Сократа, швырнул свою трагедию в огонь и стал самым преданным учеником великого философа. Когда афинская народная власть казнила учителя, Платон возненавидел эту демократию на всю жизнь.

В беседе с Сократом Критий излагает сказание, якобы привезенное Солоном из Египта. «Солон рассказывал, что, когда он в своих странствиях прибыл туда, его приняли с большим почетом; когда же он стал расспрашивать о древних временах сведущих среди жрецов, ему пришлось убедиться, что ни сам он, ни вообще кто-либо из эллинов, можно сказать, почти ничего об этих предметах не знает». Старый жрец пояснил причину этого: «Вы все юны умом, ибо умы ваши не сохраняют в себе никакого предания, искони переходившего из рода в род, и никакого учения, поседевшего от времени. . . Уже были и еще будут многократные и различные случаи гибели людей, и притом самые страшные – из-за огня и воды, а другие, менее значительные, – из-за тысяч других бедствий».

Благодаря особенностям природы Египта эта страна не подвергалась катастрофическим разрушениям, и ее жители сохранили в своей памяти подлинную историю человечества, неоднократно пережившего гибель и возрождение: «Какое бы славное или великое деяние или вообще замечательное событие ни произошло, будь то в нашем краю или в любой стране, о которой мы получаем известия, все это с древних времен запечатлевается в записях, которые мы храним в наших храмах; между тем у вас и прочих народов всякий раз, как только успеет выработаться письменность и все прочее, что необходимо для городской жизни, вновь и вновь в урочное время с небес низвергаются потоки, словно мор, оставляя из всех вас лишь неграмотных и неученых. И вы снова начинаете все сначала, словно только что родились, ничего не зная о том, что совершалось в древние времена в нашей стране или у вас самих». Жрец рассказывает Солону историю его собственного города: «.. перед самым большим и разрушительным наводнением то государство, что ныне известно под именем Афин, было и в делах военной доблести первым, и по совершенству всех своих законов стояло превыше сравнения; предание приписывает ему такие деяния и установления, которые прекраснее всего, что нам известно под небом».

Солон узнал, что Афины гораздо древнее египетского Саиса, в храме которого и происходила эта беседа: «... весь этот порядок и строй богиня (Афина) еще раньше ввела у вас, устроив ваше государство, а начала она с того, что отыскала для вашего рождения такое место, где под действием мягкого климата вы рождались бы разумнейшими на Земле людьми. Любя брани и любя мудрость, богиня избрала и первым заселила такой край, который обещал порождать мужей, более кого бы то ни было похожих на нее самое. И вот вы стали обитать там, обладая прекрасными законами, которые были тогда еще более совершенны, и превосходя всех людей во всех видах добродетели, как это и естественно для отпрысков и питомцев богов».

Афины, по словам старого жреца, стали центром, из которого по миру разошлось множество мудрых установлений, например разделение общества на «сословие жрецов, обособленное от всех прочих, затем сословие ремесленников, в котором каждый занимается своим ремеслом, ни во что больше не вмешиваясь, и, наконец, сословия пастухов, охотников и земледельцев». Сословие воинов занимало в афинском обществе особое место. «Его члены получали все нужное им для прожития и воспитания, но никто ничего не имел в частном владении, а все считали все общим и притом не находили возможным что-либо брать у остальных граждан сверх необходимого». Воины и жили обособленно, «имели общие жилища, помещения для общих зимних трапез и вообще все то по части домашнего хозяйства и священных предметов, что считается приличным иметь воинам в государствах с обобщенным управлением, кроме, однако, золота и серебра: ни того, ни другого они не употребляли ни под каким видом, но, блюдя середину между пышностью и убожеством, скромно обставляли свои жилища, в которых доживали до старости они сами и потомки их потомков, вечно передавая дом в неизменном виде подобным себе преемникам».

Искусство и наука также распространились по миру из Афин. Но самое главное деяние жителей древних Афин, память о котором стала сокровенным знанием египетских жрецов и которое превысило величием и доблестью все остальные, это то, что Афины положили «предел дерзости несметных воинских сил, отправлявшихся на завоевание всей Европы и Азии, а путь державших от Атлантического моря». Старый жрец рассказал, что в давние времена «через море это в те времена возможно было переправиться, ибо еще существовал остров, лежавший перед тем проливом, который называется на вашем языке Геракловыми столпами. Этот остров превышал своими размерами Ливию (Африку) и Азию, вместе взятые, и с него тогдашним путешественникам легко было перебраться на другие острова, а с островов – на весь противолежащий материк, который охватывал то море, что и впрямь заслуживает такого названия (ведь море по эту сторону упомянутого пролива являет собой всего лишь бухту с неким узким проходом в нее, тогда как море по ту сторону пролива есть море в собственном смысле слова, равно как и окружающая его земля воистину и вполне справедливо может быть названа материком). На этом-то острове, именовавшемся Атлантидой, возник великий и достойный удивления союз царей, чья власть простиралась на весь остров, на многие другие острова и на часть материка, а сверх того, по эту сторону пролива они овладели Ливией вплоть до Египта и Европой вплоть до Тиррении (Италии). И вот вся эта сплоченная мощь была брошена на то, чтобы одним ударом ввергнуть в рабство и ваши, и наши земли, и все вообще страны по эту сторону пролива. Именно тогда, Солон, государство ваше явило всему миру блистательное доказательство своей доблести и силы, всех превосходя твердостью духа и опытностью в военном деле, оно сначала встало во главе эллинов, но из-за измены союзников оказалось предоставленным самому себе, в одиночестве встретилось с крайними опасностями и все же одолело завоевателей и воздвигло победные трофеи. Тех, кто еще не был поработан, оно спасло от угрозы рабства; всех же остальных, сколько ни обитало нас по эту сторону Геракловых столпов, оно великодушно сделало свободными. Но позднее, когда пришел срок для невиданных землетрясений и наводнений, за одни ужасные сутки вся ваша воинская сила была поглощена разверзнувшейся землей; равным образом и Атлантида исчезла, погрузившись в пучину. После этого

море в тех местах стало вплоть до сего дня несудоходным и недоступным по причине обмеления, вызванного огромным количеством ила, который оставил после себя осевший остров».

Атлантида, по словам Платона, была страной Посейдона, который получил ее во владение по жребию и населил ее своими детьми, зачатыми от смертной женщины. Дети Посейдона и Клей-то (пять пар близнецов) стали править Атлантидой, поделенной между ними, «причем тому из старшей четы, кто родился первым, он отдал дом матери и окрестные владения как наибольшую и наилучшую долю и поставил его царем над остальными, а этих остальных – архонтами, каждому из которых он дал власть над многолюдным народом и обширной страной». Старший среди потомков Посейдона звался Атлант, поэтому и сам остров, и море, в котором он лежит, называется Атлантическим.

Богатство этой страны было неисчерпаемым. В основе ее благосостояния было высоко развитое земледелие, но атланты умели обрабатывать и металл. Платон говорит, что «многое ввозилось к ним из подвластных стран, но большую часть потребного для жизни давал сам остров, прежде всего любые виды ископаемых твердых и плавких металлов, и в их числе то, что ныне известно лишь по названию, а тогда существовало на деле: самородный орихалк (желтая медь), извлекавшийся из недр земли в различных местах острова. Лес в изобилии доставлял все, что нужно для работы строителям, а равно и для прокормления домашних и диких животных. Даже слонов на острове водилось великое множество, ибо корма хватало не только для всех прочих живых существ, населяющих болота, озера и реки, горы или равнины, но и для этого зверя, из всех зверей самого большого и прожорливого. Далее, все благовония, которые ныне питает земля, будь то в корнях, в травах, в древесине, в сочащихся смолах, в цветах или в плодах, – все это она рождала там и отлично взращивала. Притом же и всякий пестуемый человеком плод и злак, который мы употребляем в пищу или из которого готовим хлеб, и разного рода овощи, а равно и всякое дерево, приносящее яства, напитки или умощения, всякий непригодный для хранения и служащий для забавы и лакомства древесный плод, который мы предлагаем на закуску пресытившемуся обедом, – все это тогдашний священный остров под действием солнца порождал прекрасным, изумительным и изобильным».

Центром Атлантиды был холм, на котором были зачаты и произведены на свет сыновья Посейдона. Этот холм еще сам бог отделил от острова и огородил попеременно водными и земляными кольцами. Его потомки построили мосты через эти кольца, провели каналы, настроили дворцов и превратили свою страну в красивейшее государство. Правда, на вкус афинянина, красота Атлантиды была слишком грубой, варварской: «Всю внешнюю поверхность храма (Посейдона), кроме акротериев, они выложили серебром, акротерии же – золотом; внутри взгляду являлся потолок из слоновой кости, весь испещренный золотом, серебром и орихалком, а стены, столпы и полы сплошь были выложены орихалком. Поставили там и золотые изваяния: сам бог на колеснице, правящий шестью крылатыми конями, вокруг него – сто nereид на дельфинах (ибо люди в те времена представляли себе их число таким), а также и много статуй, пожертвованных частными лицами. Снаружи вокруг храма стояли золотые изображения жен и всех тех, кто произошел от десяти царей, а также множество прочих дорогих приношений от царей и от частных лиц этого города и тех городов, которые были ему подвластны. Алтарь по величине и отделке был соразмерен этому богатству; равным образом и царский дворец находился в надлежащей соразмерности как с величием державы, так и с убранством святилищ».

Об общественном устройстве Атлантиды Платон говорил, что права каждого из царей ограничивались большим количеством разных законов, «но важнее всего было следующее: ни один из них не должен был поднимать оружия против другого, но все обязаны были прийти на помощь, если бы кто-нибудь вознамерился свергнуть в одном из государств царский род, а также по обычаю предков сообща советоваться о войне и прочих делах, уступая верховное

главенство царям Атлантиды. Притом нельзя было казнить смертью никого из царских родичей, если в совете десяти в пользу этой меры не было подано свыше половины голосов».

Причиной конфликта Атлантиды и древних Афин, по Платону, явилось несовершенство человеческой природы (а в том, что атланты были людьми, Платон не сомневается), нарушение божественных законов, стремление к богатству и роскоши. «В продолжение многих поколений, покуда не истощилась унаследованная от бога природа, правители Атлантиды повиновались законам и жили в дружбе со сродным им божественным началом: они блюли истинный и во всем великий строй мыслей, относились к неизбежным определениям судьбы и друг к другу с разумной терпеливостью, презирая все, кроме добродетели, ни во что не ставили богатство и с легкостью почитали чуть ли не за досадное бремя груды золота и прочих сокровищ. Они не пьянели от роскоши, не теряли власти над собой и здравого рассудка под воздействием богатства, но, храня трезвость ума, отчетливо видели, что и все это обязано своим возрастанием общему согласию в соединении с добродетелью, но, когда это становится предметом забот и оказывается в чести, оно же идет прахом, а вместе с ним гибнет и добродетель. Пока они так рассуждали, а божественная природа сохраняла в них свою силу, все их достояние, вкратце нами описанное, возрастало. Но когда унаследованная от бога доля ослабла, многократно растворяясь в смертной примеси, и возобладал человеческий нрав, тогда они оказались не в состоянии долее выносить свое богатство и утратили благопристойность. Для того, кто умеет видеть, они являли собой постыдное зрелище, ибо промотали самую прекрасную из своих ценностей; но неспособным усмотреть, в чем состоит истинно счастливая жизнь, они казались прекраснее и счастливее всего как раз тогда, когда в них кипела безудержная жадность и сила.

И вот Зевс, бог богов, блюдущий законы, хорошо умея усматривать то, о чем мы говорили, помыслил о славном роде, впавшем в столь жалкую развращенность, и решил наложить на него кару, дабы он, отрезвев от беды, научился благообразию. Поэтому он созвал всех богов в славнейшую из своих обителей, утвержденную в средоточии мира, из которой можно лицезреть все причастное рождению, и обратился к собравшимся с такими словами...»

На этом текст «Крития» обрывается: Платон скоропостижно скончался, не завершив диалог. Никаких более древних источников об Атлантиде не осталось. Ни в городе Саисе, ни в других городах Египта также не удалось обнаружить тексты, говорящие об Атлантиде, и вскоре после смерти Платона его лучший ученик и величайший ученый-энциклопедист античности Аристотель заявил, что Атлантиду уничтожил тот же самый человек, который ее и создал. Иными словами, она является вымыслом Платона, а не реальной страной, некогда существовавшей в Атлантическом океане и опустившейся на его дно, сделав Атлантику несудоходной (хотя и Аристотель, и Теофраст, тоже ученик Платона, сообщают, что по ту сторону Геракловых столпов в океане имеется большое количество ила).

Однако авторитет Платона был настолько велик, а описание Атлантиды столь реалистично, что немало ученых древности сочло рассказанную в диалогах «Тимей» и «Критий» историю Атлантиды истинной. Посидоний, живший во II веке до н. э. философ-стоик, писатель и географ, много странствовавший по Европе, писал об Атлантиде в своей «Географии». Правда, текст этой книги до нас не дошел и мы знаем о ней лишь со слов другой «Географии», автором которой был Страбон, признанный крупнейшим географом античности. Сам Страбон упрекал Посидония в легковёрности, однако полагал, что история Атлантиды, рассказанная Платоном, – смесь вымысла и правды.

Неоплатоники, последователи учения Платона, естественно, считали истиной все утверждения своего учителя. А так как весь реальный мир представлялся неоплатоникам «неистинным», лишь отражением мира духа, то и вопрос об Атлантиде в том виде, в каком им занимались последователи Платона, был весьма далек от научной проблемы. Неоплатоник Лонгин считал, что Атлантида – это иллюстрация к идеям учителя. Неоплатоник Порфирий и один из первых «отцов церкви» Ориген полагали, что война атлантов с праафинянами – аллегория,

символ борьбы между духом и материей. Символом, а не былью считали историю Атлантиды и другие неоплатоники. Правда, у одного из них, Прокла, есть любопытное сообщение о том, что Крантор, один из первых комментаторов Платона, специально посещал Египет, чтобы проверить рассказ об Атлантиде у жрецов. В городе Саисе жрецы подтвердили рассказ и даже показали стелы с надписями, запечатлевшими историю Атлантиды.

Об атлантах, живущих в Ливии, то есть в Африке, около гор Атлас, сообщает «отец истории» Геродот. Диодор Сицилийский также упоминает об атлантах, обитающих на африканском побережье Атлантического океана и имеющих столицей город Керне. Согласно Диодору, государство атлантов было покорено амазонками, прибывшими с островов Горгады, лежавших в океане. Но ни Геродот, ни Диодор Сицилийский ничего не говорят об острове Атлантида и его гибели в морских водах.

С наступлением эпохи средневековья исчезают упоминания и об Атлантиде, и об атлантах, хотя по странам Западной Европы и ходили смутные слухи о таинственных островах в Атлантическом океане – в этом «Море мрака». Это не то «земля обетованная», не то «Острова блаженных», недоступные простому смертному: при приближении мореплавателей острова-призраки исчезают... Лишь с открытием Америки Атлантида вновь выплывает из мрака забвения и становится предметом споров философов, историков и географов.

На западе, за океаном, Колумб и другие мореплаватели открыли неведомые земли, населенные не только дикими племенами, но и могущественными народами с высокой культурой. Не являются ли эти народы потомками атлантов – ведь Платон говорил, что власть царей Атлантиды распространялась и на «противолежащий материк»? Быть может, Новый Свет, лежащий за Столпами Геракла, которыми, согласно традиции, считались расположенные по берегам Гибралтарского пролива скалы Абилик и Кальпа, это и есть Атлантида?

Уже в 1530 году такую мысль высказал итальянский врач, философ и поэт Джироламо Фракастро. Пять лет спустя в испанском городе Севилья вышла книга Гонсало Фернандеса де Овьедо-и-Вальдеса, посвященная «Индиям» (как называли в ту пору земли Америки), в которой они сопоставляются с платоновской Атлантидой. К такому же выводу пришел в том же 1535 году соотечественник Овьедо-и-Вальдеса Аугустин де Сарате.

В 1552 году в Сарагосе вышла «Всеобщая история Индий и завоевания Мексики», автором которой был испанский хронист Франсиско Лопес де Гомара, решительно утверждавший, что высокие культуры индейцев, завоеванных Кортесом и другими конкистадорами, являются остатками культуры атлантов. Правда, издание «Всеобщей истории Индий» было конфисковано и сожжено инквизицией. Испанский хронист Хосе де Акоста выступил против своих коллег, отождествлявших индейцев с атлантами. Епископ Диего де Ланда, много лет проживший в стране майя на полуострове Юкатан, с издевкой пишет о предположениях де Гомары... Однако идея «атлантов в Америке» продолжает жить.

Примерно в то же время, что и книга Гомары, появились «Рассуждения рыцаря сэра Хэмфри Гилберта в доказательство существования Северо-Западного прохода в Китай и Индию». По мнению сэра Хэмфри, Америка и есть та самая Атлантида, о которой писали античные авторы. А так как Атлантида, согласно Платону, остров, то и на севере Атлантики должен быть пролив, сходный с тем, что открыл на юге Магеллан. «Я считаю, что путь на северо-запад кругом Америки является наиболее подходящим для наших целей, и в этом убеждении поддерживают меня не только высказывания Платона, Аристотеля и других древних философов, но и лучшие современные географы», – писал в своих «Рассуждениях» сэр Хэмфри.

Отождествлял Америку и Атлантиду и соотечественник сэра Хэмфри, философ и ученый Френсис Бэкон, живший в конце XVI – начале XVII века. В 1689 году французский картограф Сансон поместил Атлантиду на территории Южной Америки – в Бразилии. Спустя столетие его коллега и соотечественник Р. Вогуди издал атлас, где Атлантида также отождествлялась с Бразилией.

В XIX столетии рождается новая научная дисциплина – американистика, изучающая культуры индейцев и самобытные цивилизации, существовавшие в Новом Свете до открытия Америки европейцами. Один из создателей этой науки, аббат Брассер де Бурбур, посвятивший жизнь исследованию древних цивилизаций Центральной Америки, на склоне своих дней опубликовал работы, в которых решительно заявил, что эти цивилизации – наследие атлантов. В одной из рукописей индейцев майя, Мадридской, он обнаружил карту Атлантиды, а под ней расшифровал надпись, гласящую: «пропасть воды – кипящая лава – земля колеблется – вершина – вулкан».

В 1870 году была найдена «Книга Чилам Балам», содержащая записанные латинскими буквами на языке майя пророчества и исторические сведения. В ней сторонники «Атлантиды в Америке» обнаружили текст, рассказывающий о том, как «земля сначала начала содрогаться. И упал огненный дождь, и упал пепел, и упали скалы и деревья. И Великий Змей был похищен с небес. И вот одним ударом нахлынули воды... Небеса упали, и суша утонула.

И в один миг великое разрушение закончилось. И Сеиба, Великая Матерь, поднялась среди воспоминаний о гибели мира земли».

Еще раньше, в 1836 году, был опубликован уникальный документ, записанный рисуночными знаками на бересте, – священная хроника индейцев-делававаров «Валам Олум». Но лишь спустя полвека ученый-американист Д. Бринтон доказал подлинность этого текста – слишком уж невероятной казалась специалистам возможность записать знаками-рисунками связный и длинный исторический текст. Бринтон переиздал «Валам Олум», снабдив знаки-рисунки делававарским «чтением» подлинника и переводом его на английский язык. Сторонники «американской Атлантиды» обнаружили в этой хронике упоминание о «горевшей стране Лусасаки», которая была разорвана и расколота змеей Акоменаки, «скреплявшей землю».

Огюст Ле-Плонжон, исследователь цивилизации майя, в 1900 году опубликовал перевод текста, содержащегося в одной из рукописей майя и буквально гласящего следующее: «6 года К'ан, в одиннадцатый день Мулук месяца Сак начались ужасные землетрясения, которые продолжались непрерывно до тринадцатого дня Чу эн. Их жертвой пала страна болотистых холмов, страна Му – дважды поднявшаяся, она исчезла в течение одной ночи. В результате непрерывного действия подводных вулканов материк многократно поднимался и исчезал. В конце земля расступилась и десять стран, разорванных на части, были уничтожены. Они погибли вместе с населением, которое насчитывало 64 миллиона человек, за 8060 лет до написания этой книги».

Заявление Ле-Плонжона о «поэме на языке майя» оказалось чистой фантазией. Фантастическим является и перевод текста из рукописи майя, сделанный Ле-Плонжоном, в котором говорится о «гибели страны Му». Отрывок же из Мадридской рукописи, прочтенный Брассером де Бур бур ом, на самом деле содержит не слова о вулканах и колеблющейся земле, а простые знаки календаря. Никакой карты Атлантиды в Мадридской рукописи нет, Брассера де Бур бур а ввели в заблуждение стилизованные изображения богов, людей и т. п. Неточен и перевод из «Книги Чилам Балам»: на самом деле в этой книге говорится лишь о ливнях и не упоминаются ни землетрясения, ни извержения вулканов.

«Горевшая страна Лусасаки» и «змея Акоменаки» из эпоса делававаров – также ошибки переводчика. В подлинном тексте «Валам Олум» говорится: «И все они (делававары) пошли дальше в другом направлении к Змеям (враждебное племя) на востоке. Они были глубоко опечалены и серьезны; они были слабы, мучились и дрожали. Оборванные и в лохмотьях, они убежали со Змеиного острова». На языке делававаров слово «лусасаки» означает «они пошли», а слово «акоменаки» – Змеиный остров. Остров с таким названием есть в Канаде, где и поныне живут потомки делававаров.

Таким образом, попытки отыскать письменные свидетельства гибели Атлантиды в текстах индейцев Америки не увенчались успехом, так же как и попытки найти другие веще-

ственные доказательства пребывания атлантов в Новом Свете. Впрочем, решительный удар сторонникам теории «Атлантиды в Америке» был нанесен самими атлантологами. Откуда известно, спрашивали они, что Платон описал Новый Свет под именем Атлантиды? Ведь у Платона прямо говорится, что остров Атлантида затонул, в то время как Америка цела. Да и нет никаких указаний на то, чтобы считать Атлантиду заатлантическим материком – напротив, Платон указывает в «Тимее», что остров лежал *«перед»* тем проливом, который называется Геракловыми столпами».

В 1665 году ученый-энциклопедист А. Кирхер опубликовал книгу «Подземный мир». В ней приводится карта Атлантиды, местонахождение которой обозначено островами Зеленого Мыса, Канарскими и Азорскими островами, «которые и являются как бы выдающимися вершинами гор затопленной Атлантиды». Десятилетие спустя в Швеции появился труд О. Рудбека, в котором приводится совсем иной адрес легендарной земли Атлантиды – Скандинавский полуостров. Столицей же атлантов был якобы родной город Рудбека – Упсала. Помимо «Тимея» и «Крития», Рудбек цитирует сочинения других античных авторов – Гомера и Плутарха. В «Одиссее» говорится о том, что во время своих странствий хитроумный Одиссей посетил остров Огигию. Плутарх же полагал, что Огигия эта находилась к северу от Британии. Рудбек отождествил Атлантиду с Огигией, а Огигию со Скандинавией.

В 1779 году увидели свет «Письма о Платоновых атлантах», автором которых был близкий друг Вольтера аббат Бальи. По его мнению, климат прежде был гораздо теплее, чем в XVIII веке, и остров Атлантида находился в Северном Ледовитом океане, где-то в районе нынешнего Шпицбергена. Когда началось похолодание, атланты покинули свою родину и высадились на материк, в устье Оби, где и находились Столпы Геракла. Отсюда этот «просвещенный народ, первый изобретатель наук и наставник рода человеческого», двинулся в Сибирь. Ему-то и принадлежат таинственные изваяния и другие следы неведомой культуры, найденные в Минусинской котловине, о которой сообщали исследователи Сибири XVIII века. Путь атлантов пролегал далее в Монголию, затем в Индию, Китай, Египет, Палестину – и повсюду они несли светоч знания, впервые зажженный 12 тысяч лет назад на острове Атлантида.

Однако год спустя после выхода «Писем о Платоновых атлантах» появился труд Бартолли, где доказывалось, что вся история Атлантиды и ее гибели выдумана Солоном, а затем использована Платоном. На самом деле никакой войны атланты с афинянами не вели. Воевали же Афины с персами, Платон просто «переставил» с востока на запад врагов эллинов и сочинил нравоучительную легенду.

В это же время упоминавшийся уже натуралист Жорж де Бюффон высказал предположение о том, что острова, находящиеся в южной части Атлантики, – Святой Елены и Вознесения – последние остатки платоновской Атлантиды. Тогда же соотечественник Бюффона, Кадэ, опубликовал труд, где доказывал, что осколками затонувшей страны являются острова северной, а не южной Атлантики.

Поиски Атлантиды к началу XIX века начали приобретать поистине мировой размах: от Юкатана до Монголии, от Шпицбергена до острова Святой Елены. Новая гипотеза о местонахождении Атлантиды была высказана уже на заре XIX столетия: Бори де Сен-Венсан, натуралист и географ, опубликовал в 1803 году свои «Очерки об Островах блаженных и древней Атлантиде». Он поместил

Атлантиду между 12 и 41 градусами северной широты и привел карту с приблизительными очертаниями ее восточных берегов. На карте обозначены «Геспериды», «Земля атлантов», «Земля амазонок» и «Земля горгониев». Остатками Земли атлантов Сен-Венсан считал Азорский архипелаг, Канарские острова и Мадейру, а Земли горгониев – острова Зеленого Мыса. Потомками атлантов, по его мнению, являются коренные жители Канарских островов – загадочные гуанчи.

Европейцы столкнулись с этим народом еще в XIV столетии (Канарский архипелаг был известен в античное время, однако в средние века путь к нему был забыт, и он превратился в легендарные «Острова блаженных»). С той поры и по сей день остается нерешенным вопрос о том, как не знавшие навыков мореходства их обитатели попали на Канарские острова, почему они пользовались своеобразным «языком свиста», почему, подобно древним египтянам, мумифицировали тела умерших, почему костные останки и черепа гуанчей, истребленных в результате более чем столетней кровопролитной войны к началу XVII века, удивительно похожи на останки кроманьонцев, живших на территории Западной Европы 15–30 тысяч лет назад... И, как справедливо заметил известный канарский исследователь истории и культуры своих родных островов П. Нараньо, «в настоящее время, если составить список неразгаданных тайн мира, то загадка гуанчей, видимо, окажется в нем на первом месте».

Неудивительно, что многие исследователи начиная с Бори де Сен-Венсана видели в гуанчах последних представителей исчезнувших атлантов, ибо «у них была письменность, астрономические знаки, почитание мертвых, бальзамирование умерших, общественные сооружения, любовь к пению, музыке и атлетическим упражнениям, торжественно исполнявшимся во время народных празднеств». Советский историк Б. Богаевский в 1926 году опубликовал большую статью «Атлантида и атлантская культура», в которой пришел к выводу о том, что Атлантида Платона тесно связана не только с населявшими Канарский архипелаг гуанчами, но и с древнейшей историей Северной Африки. «Становится очевидным, как много разнообразных и противоречивых легенд и сказаний могли донести волны народных преданий до тех саисских жрецов, с которыми, по словам Платона, беседовал Солон», – заключает историк.

Богаевский полагал, что в начале неолита – новокаменного века – «произошло отделение частей африканского материка, в результате чего мог образоваться остров весьма больших размеров. Новый остров лежал в «Атлантическом море» перед «Геракловыми столпами». Этот остров, размеры которого народная фантазия всегда могла преувеличить, вероятно, был Атлантидой Платона».

По мнению Богаевского, следы культуры атлантов можно найти не только у гуанчей, но и у жителей Центральной и Западной Сахары – туарегов. Ведь именно в Сахаре были найдены замечательные наскальные изображения и знаменитая «ливийская Венера» – древнее погребение царицы ливийцев («женская мумия, засыпанная драгоценностями, украшенная золотом», – как писали газеты в 1925 году после вскрытия погребения).

Через год после выхода работы Богаевского немецкий исследователь П. Борхардт поместил три статьи в журнале «Географический вестник Петтерманна», посвященном истории географических открытий. В них доказывается, что именно в Северной Африке надо искать легендарных атлантов – и тех, о которых писал Платон, и тех, кого упоминают Геродот и Диодор Сицилийский. В том же номере журнала помещена и статья А. Германна, согласно которой не воды Атлантики, а пески Сахары поглотили атлантов и их культуру.

Между городом Нефта и заливом Габес в Тунисе находится низменность Шотт-эль-Джерид. Когда-то она была дном моря, но затем море отступило и бывшее дно поглотили пески. Однако в промежутке между этими фазами в районе Шотт-эль-Джерид, по мысли Германна, сложились условия, вполне подходящие для жизни. Район Шотт-эль-Джерид является одним из самых сейсмически активных в Северной Африке. Вполне вероятно, что здесь могло произойти сильное землетрясение, в результате которого опустилась суша и обитаемую землю засыпали пески. Позднее это событие трансформировалось в предание о гибели Атлантиды.

«Африканский адрес» Атлантиды называл еще в 1883 году французский исследователь Э. Берлиу в книге «Атланты». Берлиу полагал, что Атлантида занимала пространство в Северной Африке от Туниса до Марокко и отделялась от Сахары мелководным морем. Затем это море высохло и превратилось в пояс непроходимых соленых болот. В 1920 году в Брюсселе вышла книга А. Рудо «Атлантида», где утверждалось, что столица Атлантиды находилась в

Северной Африке, в шести или семи километрах от устья реки Сус в Марокко. Шестью годами позже в Лионе была опубликована работа К. Ру, по мнению которого, несколько тысяч лет назад южнее гор Атлас простирались неглубокие вытянутые солоноватые лагуны как со стороны Атлантики, так и со стороны Средиземного моря. Северная Африка, таким образом, была полуостровом, и здесь не было пустынь. Народ атлантов создал высокую культуру на территории нынешних Туниса и Марокко. Но потом лагуны, отделявшие цветущую страну атлантов от Сахары, высохли, пески величайшей пустыни, не встречая преграды, поглотили прежде плодородные земли – и это породило впоследствии легенду об Атлантиде, только причиной ее гибели назывались уже не пески, а морские волны.

В 1933 году в сердце Сахары, в каньоне Тассили, были обнаружены многочисленные изображения слонов, носорогов, жирафов, гиппопотамов, странных человекоподобных существ со звериными мордами. Но лишь спустя три десятка лет удалось организовать научную экспедицию к месту открытия. «То, что мы нашли в лабиринте скал Тассили, превосходит всякое воображение. Мы открыли сотни и сотни росписей с десятками тысяч изображений людей и животных. Одни рисунки располагались особняком, другие представляли собой сложнейшие ансамбли, – рассказывает руководитель экспедиции профессор А. Лот в книге «В поисках фресок Тассили», – рядом с крошечными изображениями людей величиной в какие-нибудь несколько сантиметров находились и рисунки гигантской величины. На других фресках мы увидели лучников, вступивших в борьбу за обладание стадом быков, и воинов, бьющихся на палицах; стадо антилоп; людей в пирогах, преследующих бегемотов; сцены плясок, пиршеств и т. п. Короче говоря, мы очутились как бы в величайшем музее доисторического искусства».

Древнейшие памятники Тассили имеют возраст 7000 и даже 10 000 лет. Не эта ли культура, существовавшая на территории Сахары, является платоновской Атлантидой? После сенсационного открытия росписей Тассили об «Атлантиде в Сахаре» стали писать многие авторы. Лот отвечал отрицательно на вопрос, не открыл ли он в Сахаре следы платоновских атлантов, однако счел нужным заявить: «Если отбросить некоторые, далеко не всегда наивные, а порой даже просто лживые теории, то нужно признать, что в идее Платона есть немало положительного. Она побудила многих ученых к проведению серьезных исследований, обогативших океанографию, геологию, антропологию, этнологию – ограничусь пока перечнем только этих наук. Вопрос об Атлантиде сложен, и наши энтузиасты-атлантифилы должны подходить к нему с осторожностью».

Однако именно этой осторожности и не хватало этим атлантифилам, стремящимся во что бы то ни стало отыскать атлантов и Атлантиду. «Жестокая загадка, мрачная тайна Атлантиды буквально стала терзать человечество», – так писали журналисты в 20-х годах XX века, когда поток гипотез, статей и книг, связанных с поисками затонувшего материка, стал превращаться в настоящее книжное море. С 1923 года во Франции начал выходить журнал «Атлантис», посвященный поискам Атлантиды и реконструкциям цивилизации атлантов. Выпущенный в 1926 году Ж. Гаттефоссе и К. Ру библиографический указатель литературы, связанной с «Атлантидой и смежными вопросами», включал в себя 1700 названий, а с той поры число публикаций на эту тему удвоилось, если не утроилось. Атлантиду стали искать в самых различных точках земного шара, причем как на суше, так и на дне морей и океанов.

Платон говорит, что Атлантида находилась за Геракловыми столпами. Диодор Сицилийский помещает своих атлантов на африканском берегу Атлантики, а Геродот пишет, что атланты жили около гор Атлас. Современные горы Атлас находятся в Марокко. Однако в древности в сведениях античных авторов царил невероятная путаница: «Атласы» помещались в самых различных частях обитаемой земли – Ойкумены. Неудивительно, что, отыскивая следы атлантов, живших около Атласа, различные исследователи искали их в местах, удаленных друг от друга на сотни, а то и тысячи километров. Ведь под горами Атлас атлантилоги понимали: современные горы в Марокко, горный массив Ахагар (или Хоггар) в Сахаре, вулкан Этна на

Сицилии, гору Ида Критская на острове Крит, горы Пелопоннеса в Греции, гору Ида Фригийская в Малой Азии, Эльбрус на Кавказе, гору Джебель-Атала на Аравийском полуострове, горы Эфиопии.

Казалось бы, есть еще одна точка отсчета для определения координат Атлантиды – Геракловы столпы. Но кроме Гибралтарского пролива, согласно выкладкам различных атлантологов, ими могли быть «Столпы» возле залива Габес в Тунисе, на полуострове Пелопоннес в Греции, на побережье Атлантики в Марокко, в дельте Нила, в Северном море, у острова Гельголанд и в Керченском проливе, где был когда-то античный храм, посвященный Гераклу.

В начале прошлого века, ведя исследования на побережье Гвинейского залива, немецкий ученый Л. Фробениус обнаружил в западной Нигерии, в земле народа йоруба, терракотовые скульптуры и бронзовую голову бога моря Олокуна, выполненные с изумительным реализмом и мастерством. Позже здесь были найдены руины древнего города Ифэ, циклопические постройки из камня, стены которых покрывали изразцовые плиты и медные пластины. Фробениус решил, что бог моря Олокун – это Посейдон, верховный бог атлантов, а поклоняющиеся ему йоруба – потомки атлантов (тем более, что йоруба носили темно-голубые одежды, подобные одеяниям атлантов, о которых сообщал Платон). Чудесное дерево, «приносящее яства, напитки и умощения», росшее, согласно Платону, на земле Атлантиды, – это масличная пальма. Кроме того, в стране йоруба, как и «на Атлантическом острове», добывается медь и живут слоны. Религии, искусство, ремесла обитателей Ифэ и их потомков, народа йоруба, по словам Фробениуса, находят аналогию далеко на севере – в Средиземноморье и «составляют один культурный комплекс, доказывающий существование общей культуры – атлантской».

Первые памятники великой цивилизации Ифэ были обнаружены в 1910 году. Через три года в Париже профессор П. Термье, член французской Академии наук, прочитал в Океанографическом институте доклад, из которого явствовало, что Атлантида Платона покоится на дне Атлантического океана. «Хотя берега Атлантического океана и кажутся в настоящее время совершенно устойчивыми и в тысячу раз спокойнее берегов Тихого океана, – говорил Термье, – все дно Атлантического океана, по-видимому, образовалось в недавнее время; до обрушивания области Азорских островов имели место и другие провалы, обширность которых поражает самое пылкое воображение».

О том, что Атлантида находится на дне Атлантического океана, писал еще в XVII столетии А. Кирхер. «Атлантический адрес» страны атлантов отстаивали многие исследователи прошлого и нынешнего веков. Однако и среди них не было согласия в том, где же именно в Атлантике затонула Атлантида. Л. Жермен, О. Мукк и некоторые другие атлантологи полагали, что удивительное Саргассово море, своеобразное «озеро водорослей» в Атлантике, является «ключом» к решению загадки Атлантиды. Другие атлантологи помещали страну, о которой поведал Платон, в непосредственной близости от Гибралтарского пролива – в том «рукаве» Атлантического океана, который вклинивается между западным побережьем Марокко и юго-западом Пиренейского полуострова. По мнению многих атлантологов, описанию Платона лучше всего отвечает «азорский вариант», связывающий Атлантиду с Азорским архипелагом, вершинами подводной горной страны на дне Атлантики.

Однако ни «канарский», ни «азорский» варианты местонахождения погибшей страны в Атлантическом океане не удовлетворили многих атлантологов. «Загадки доисторической Англии» – так называлась вышедшая в Лондоне в 1946 году книга К. Бомона, где доказывалось, что северной частью Атлантиды была юго-западная оконечность Англии, а сама Атлантида находилась на месте суши, ушедшей на дно пролива Па-де-Кале, разделяющего

Англию и Францию. Ф. Жидон и Ф. Руссо считали, что обширная материковая отмель, примыкающая к берегам северо-западной Франции и Британских островов, бывшая сушей несколько тысяч лет назад, и есть Атлантида.

По мнению Ф. Жидона, столица Атлантиды была построена на прибрежной террасе, возникшей в результате поднятия земной коры в эпоху неолита. Метрополию окружало три кольца искусственных рвов и валов. Затем началось медленное погружение суши, объединявшей Францию, Англию и Ирландию в единый массив, и в конце концов страна атлантов вместе со столицей оказалась под водой. История ее гибели нашла отражение в мифах и преданиях различных народов, в том числе и в легенде об Атлантиде, которую – со ссылкой на Солона и египетских жрецов – и приводит в диалогах «Тимей» и «Критий» Платон.

Дно Северного моря, вне всякого сомнения, прежде было сушей. Отдельные участки побережья Англии, Германии, Голландии уходили на дно Северного моря уже в исторические времена: в эпоху Средневековья волны поглотили многие города на Рейне, море затопило низменные земли Фландрии, и лишь в XIV веке образовался залив Зейдер-Зее. А еще раньше, когда завершился ледниковый период и стал подниматься уровень Мирового океана, наступление вод на сушу могло идти гораздо быстрее. Не находилась ли Атлантида там, где ныне плещут холодные волны Северного моря?

В начале 50-х годов прошлого века Юрген Шпанут, пастор из немецкого города Борделум, выпустил книгу, в которой доказывал, что столица Атлантиды находилась в десятке километров к северо-востоку от острова Гельголанд. Причиной гибели страны атлантов было падение метеорита или даже астероида в устье реки Эдер, впадающей в Северное море неподалеку от Северо-Фризских островов, что нашло отражение в античном мифе о Фаэтоне. По мнению других исследователей, гигантский метеорит, породивший легенды о гибели Фаэтона в «стране янтаря», упал не в Северном море, а в Балтийском и оставил след в виде кратера на острове Сааремаа. Атлантиду же, как полагал атлантолог Гафер, поглотили волны Балтики в районе нынешней Куршской косы.

Большое число работ, посвященных Атлантиде, связывает ее со Средиземноморьем и древними культурами, существовавшими на берегах самого Средиземного моря и его морей – Эгейского, Тирренского, Адриатического, а также Черного и Азовского морей. Атлантиду помещали на дно залива Сирт, омывающего побережье Туниса, в западной части Средиземного моря. Страну атлантов «находили» и на дне Азовского моря, так как Геракловы столпы – это, возможно, не скалы по берегам Гибралтарского пролива, а уже упоминавшийся храм на берегу Керченского пролива, посвященный Гераклу. Француз де Саль и англичанин Фессенден связывали Атлантиду и ее гибель с древним Сарматским морем, составной частью которого были нынешние Черное и Каспийское моря. На Кавказе в это время была развита высокая культура. 12 тысяч лет назад воды Сарматского моря пробили выход к водам Средиземного и уничтожили на своем пути цивилизацию жителей Кавказа. История ее гибели и отражена в платоновской легенде об Атлантиде (а Геракловы столпы – это скалы у Босфора, при выходе из Черного моря, которые, как и скалы Абилик и Кальпа при выходе из Средиземного моря в Атлантику, во времена античности назывались Столпами Геракла).

Некоторые другие исследователи утверждают, что Атлантиду надо искать не на дне морском, а на суше, а именно – на территории Палестины. С начала XX столетия выдвигаются гипотезы о том, что под видом Атлантиды Платон описал Крит с его процветавшей некогда цивилизацией, более древней, чем классическая античная культура. Еще в середине прошлого столетия историк Д. Гронье поместил Атлантиду в самом сердце Средиземноморья, между Тунисом и Сицилией, остатком ее он считал остров Мальту. Есть сторонники и «сицилийского адреса» – ведь на острове Сицилия, как и на Мальте, открыты памятники очень древней цивилизации. Многие исследователи помещали платоновскую Атлантиду в Испанию, где существовало могучее государство Тартесс.

Выдвинутая еще в XVI столетии гипотеза об «Атлантиде в Америке» имела своих приверженцев и в XX веке. В 1925 году на поиски городов Атлантиды отправился известный исследователь

Южной Америки П. Фосетт – легенды индейцев утверждают, что в сердце тропических лесов Амазонии, в джунглях, плато Мату-Гросу, скрываются таинственные белые люди, живущие в древнем городе. Фосетт был твердо уверен, что эти легендарные люди – потомки атлантов, а город является их последним поселением на нашей планете. С той поры об экспедиции Фосетта – самого руководителя, его сына и друга сына – нет никаких достоверных известий.

«Амазонский адрес» платоновской Атлантиды указывается и в книге «Сыновья Солнца», автором которой является француз М. Омэ, преподаватель лицея. По утверждению Омэ, ему удалось отыскать в Амазонии наскальные изображения, говорящие о доисторических контактах Старого и Нового Света. Атлантиду помещали и в другом районе Южной Америки, омываемом водами не Атлантического, а Тихого океана, – в Перу, связывая с атлантами легенды индейцев о таинственных «белых пришельцах» из-за океана. Поиск затонувшей земли в Атлантике был связан и с поиском «атлантид» в Тихом и Индийском океанах – Пацифиды и Лемурии (естественно, что наряду с «атлантологией» появились «пацифидология» и «лемуроология»).

Вопрос этот встал еще в позапрошлом веке, когда только-только закладывались основы наук о Земле и наук о человеке, а дно океанов было известно намного хуже, чем видимая поверхность Луны. И в то время, когда ученые собирали факты, вели споры и совершенствовали методы исследования, которые могли бы эти споры разрешить, появились публикации, беспартийно решавшие все проблемы. Авторами этих публикаций были представители религиозных сект и мистических обществ, в первую очередь розенкрейцеры и теософы.

Общество розенкрейцеров – «Древний мистический орден Розы и Креста» – возникло в Германии в начале XVII столетия. Глава ордена (император) Х. Спенсер Льюис в свое время официально заявил о том, что «огромный континент под названием Атлантида... оказался затопленным, и это положило конец земному существованию миллионов человеческих существ».

В Атлантиду верят и теософы, которые свою задачу видят в постижении «Единого Всемирного

Божества» непознаваемого, невидимого и всеобъемлющего. Теософское общество было основано в 1875 году Еленой Блаватской в Нью-Йорке. Атлантида фигурирует в их схеме эволюции человека, согласно которой все семь человеческих рас появились в четвертую, или «атлантскую», эпоху (вслед за ней наступила пятая, или «арийская», продолжающаяся и поныне). «Сколько тысяч лет, неизвестно, но, конечно, еще до моисеевского периода, арийцы, как и семитические племена, принадлежали к одной и той же религии, к той, которая ныне существует только между адептами оккультных наук, – писала Блаватская в «Тайной доктрине», ставшей своеобразной библией теософов, – иероглифы, пирамиды, священные обряды, крокодилы, обряды, поклонение солнцу как видимому символу невидимого Божества – всю эту египетскую и халдейскую старину вы найдете в Центральной и Северной Америке, и много того же в эзотерических обрядах буддистов-мистиков».

Теософы считали, что черты сходства древнейших цивилизаций Старого Света и доколумбовой Америки неслучайны: они объясняются происхождением этих цивилизаций из одного центра – погибшей Атлантиды. Этому древнему континенту приписывались все великие изобретения: здесь впервые люди научились плавить металл, здесь они создали первый алфавит.

Мистические и оккультные сочинения, посвященные Атлантиде, не встречали поддержки не только у серьезных ученых, будь то геологи или историки, но и у всех людей, которые хотели видеть в рассказе Платона не «откровение свыше», а отражение вполне реальных событий. Ибо, как справедливо писал Н. Жиров в монографии «Атлантида», оккультное предание об этой затонувшей земле «изобилует огромным числом геологических ошибок и несуразностей» и «имеет очень мало общего с действительно научными представлениями».

Валерий Брюсов, ученый и поэт, горячо веровавший в реальность Атлантиды, так оценил один из мистических опусов: «В этой книге, как и в других сочинениях оккультистов, приходится верить автору на слово, поэтому науке пока нечего делать с их утверждениями».

С этими оценками солидарны все исследователи, будь то атлантологи или египтологи, шумерологи и т. д. Однако, приняв за истину рассказ Платона, сторонники существования Атлантиды, в какой бы район земного шара они ее ни помещали, изображают картину, весьма отличную от той картины древнейшей истории человечества, которая нарисована египтологами, хеттологами, шумерологами, американистами и представителями других дисциплин, изучающих погибшие цивилизации.

Черты сходства культур, разделенных сотнями и тысячами километров (а порой веками и тысячелетиями), были отмечены еще на заре существования археологии, этнографии и других наук, изучающих человека. «Та общность начал, которая лежит в основе разнообразнейших и удаленнейших друг от друга культур «ранней древности»: эгейской, египетской, вавилонской, этрусской, яфетидской, древнеиндусской, майяской и, может быть, также тихоокеанской и культуры южно-американских народов, не может быть объяснена вполне заимствованием одних народов у других, взаимным их влиянием и подражанием, – писал Валерий Брюсов в статье «Учители учителей», – должно искать в основе всех древнейших культур человечества некоторое единое влияние, которое одно может правдоподобно объяснить замечательные аналогии между ними. Должно искать за пределами «ранней древности» некоторый «икс», еще неведомый науке культурный мир, который первый дал толчок к развитию всех известных нам цивилизаций. Египтяне, вавилоняне, эгейцы, эллины, римляне были нашими учителями, учителями нашей, современной цивилизации. Кто же был их учителями? Кого мы можем назвать ответственным именем «учители учителей»? Традиция отвечает на этот вопрос – Атлантида!»

Действительно, если верить Платону, у атлантов существовала высокая цивилизация в ту пору, когда остальное человечество жило в каменном веке. Многие атлантологи всерьез занялись реконструкцией «атлантской пракультуры», сопоставляя цивилизации народов, по их мнению, лучше всего «сохранивших черты атлантской культуры», – древних египтян, майя Юкатана, гуанчей Канарских островов, йоруба Гвинейского побережья Африки, басков Пиренейских гор, этрусков Италии, шумеров Двуречья, инков Перу.

По мнению атлантологов, этими чертами были культ Солнца, мумифицирование трупов, иероглифическая (или даже алфавитная) письменность, точный календарь, разделявший год на 12 месяцев, приношение в жертву девушек-жриц, циклопические постройки, искусная обработка металлов, поклонение священным змеям. Легенды о Всемирном потопе, кроме Библии, зафиксированные в других древних книгах и в фольклоре многих народов мира, как считают атлантологи, говорят об одном и том же событии – катастрофической гибели Атлантиды. А мифы и предания о мудрых богах и культурных героях (бог Тот древних египтян, Эа вавилонян, Кецалькоатль индейцев Центральной Америки и т. д.), также повсеместно распространенные, на самом деле являются отражением действительных событий – высадки последних атлантов, спасавшихся от гибели, на новые земли, куда они принесли свою культуру.

В течение XIX века многие ученые возводили стройное здание сравнительно-исторического языкознания. Подобно тому, как палеонтологи восстанавливают по разрозненным костям облик вымерших животных, лингвисты провели реконструкцию праязыка, предка всех нынешних и древних индоевропейских языков: литовского и санскрита, русского и цыганского, латыни и персидского, исландского и греческого. Были найдены формулы звуковых соответствий того или иного звука в различных языках и ветвях единого «древа» индоевропейских языков, своей строгостью и точностью напоминающие формулы алгебры. На их основании в 1878 году теоретически было предсказано существование некоего звука в одном из индоевропейских языков, подобно тому как астрономы открывали новые планеты и кометы «на кончике пера»... И действительно, полвека спустя, когда удалось найти ключ к языку таинственных хет-

тов, создавших мощную державу, соперницу Египта и Вавилона на Ближнем Востоке, оказалось, что в нем существовал звук, предсказанный ранее на основании анализа структуры индоевропейских языков! Это было триумфом сравнительно-исторического языкознания. В наши дни изучены и описаны кроме индоевропейской и другие великие семьи языков: тюркская, семито-хамитская, финно-угорская и т. д. Родилась так называемая ностратическая теория, согласно которой в глубокой древности все языки Европы, за исключением баскского, большинство языков Западной, Северной и Центральной Азии и Северной Африки родственны между собой – они восходят к единому праязыку. Реконструкция этого праязыка ведется на основании законов звуковых соответствий, родство языковых семей доказано на основании теории вероятностей и математической статистики.

А как обстоит дело с доказательствами у атлантологов, реконструирующих працивилизацию атлантов, и с доказательствами реальности самой Атлантиды, о которой поведал в своих «Диалогах» Платон?

В 1882 году вышла книга И. Донелли «Атлантида, мир до потопа», сразу же ставшая бестселлером. Донелли не только давал реконструкцию культуры атлантов, но и сводил к ней происхождение всех других древних цивилизаций с их монументальным искусством, иероглифическим письмом, кастой жрецов и т. д. По мнению автора, о счастливой жизни на Атлантиде рассказывают легенды о золотом веке и рае земном, а легенда о Всемирном потопе является отражением реальной катастрофы, погубившей Атлантиду. Быть может, не пройдет и столетия, писал Донелли, как драгоценности, статуи, оружие, утварь из Атлантиды украсят лучшие музеи мира, а в библиотеках появятся переводы текстов атлантов, которые прольют новый свет на прошлое человечества и на все великие вопросы, перед которыми останавливались лучшие мыслители нашего времени.

Но пока что, признавал Донелли, не удалось найти ни одного памятника, ни одной пылинки, которая говорила бы нам о затонувшем материке. Если бы удалось отыскать хотя бы одно здание, одну статую, одну-единственную табличку с письменами атлантов, то они поразили бы человечество: ибо это была бы находка, куда как более ценная, чем все золото Перу, все памятники Египта, все глиняные книги древних библиотек Двуречья.

Столетие, указанное Донелли, прошло. За это время было названо несколько десятков «адресов» легендарного материка, как на суше, так и на дне морском. Потомками атлантов объявлялись самые различные народы Средиземноморья, Африки, Америки, Северной Европы и Передней Азии. Но все эти гипотезы так и остались гипотезами, веских доказательств в пользу того, что именно в данном регионе находилась платоновская Атлантида, не привел ни один исследователь.

В 1943 году в газете «Египетская почта» появилась статья некоего Никольса, в которой говорилось, что некто Мотт открыл Атлантиду, направляясь в столицу Багамских островов – город Нассау. Атлантида находится в районе подводной горы Торо, к востоку от Бермудских островов. Мотт учредил «империю Атлантиды» с собственным флагом небесно-голубого цвета, на фоне которого сиял золотой солнечный закат, выпустил треугольные почтовые марки и приглашал всех желающих посетить его «империю». Когда деньги с доверчивых туристов были собраны, авантюристы тотчас же скрылись.

Летом 1973 года мировую печать облетело сообщение о том, что в районе испанского порта Кадис (находящегося, кстати, «по ту сторону Геракловых столпов») обнаружены руины затонувшего города – по всей видимости, поселения атлантов... а вслед за этим открытием Атлантиды последовало ее закрытие. Оказалось, что мадам Мэксин Эшер из Калифорнии, организовавшая экспедицию, заранее сфабриковала «зарисовку руин» Атлантиды, ибо Эшер твердо была уверена, что такие руины возле Кадиса имеются – именно здесь она ощущает «самые сильные вибрации»!

Еще раньше, в конце 60-х годов, появились сообщения о загадочных сооружениях, которые обнаружили на мелководье, окружающем острова Багамского архипелага Бимини и Андрос. Но никому пока что не удалось доказать, что под водой лежит творение рук человеческих, а не природы – и тем более, что руками этими были руки атлантов, воевавших с греками за 9000 лет до Платона.

В марте 1979 года крупнейшие информационные агентства Запада распространили сенсационную весть: Атлантида найдена советскими океанологами, работавшими на борту научно-исследовательского судна «Витязь»! Вот, например, что передавало из Лиссабона агентство «Рейтер»: «Советские ученые недавно получили фотографии, которые, возможно, подтвердят существование между Португалией и островом Мадейра легендарного исчезнувшего континента Атлантида», – заявил здесь видный советский океанолог. Доктор Андрей Аксенов сообщил, что на восьми фотографиях, которые в скором времени будут переданы прессе, видны подводная гора с руинами стены и огромной лестницей».

Но, как сказал позднее сам Аксенов, первым недоразумением, которое необходимо разъяснить сразу, было сообщение о том, что «открытие» Атлантиды совершено с борта «Витязя», – на пресс-конференции, которая давалась в Лиссабоне, ученый говорил о восьми подводных фотографиях вершины горы Ампер, которые были сделаны с судна «Московский университет» задолго до соответствующей экспедиции «Витязя». И «так как у меня не было этих фотографий, еще не публиковавшихся, я ограничился указанием, что на двух из них ясно различимы остатки искусственных сооружений, по-видимому, разрушенные стены». Однако «ни в коем случае нельзя считать, что с помощью этих фотографий можно заявить, будто бы открыта Атлантида в Атлантическом океане».

Отдали дань этой теме и знаменитые писатели. 1870-й год – год выхода первого издания романа Жюль Верна «Двадцать тысяч лье под водой». Великий французский фантаст, отправив профессора Аронакса в кругосветное подводное плавание на «Наутилусе», заставил его посетить и руины затонувшей Атлантиды. Жюль Верн поместил Атлантиду к западу от острова Мадейра. В багровых отсветах подводного вулканического извержения Аронакс видит на дне Атлантического океана лес колонн – остатки дворцов и храмов столицы атлантов. Описано это так ярко, что воспринимается почти как реальность.

В 1929 году в советском журнале «Всемирный следопыт» начали печатать повесть Артура Конан Дойла «Маракотова бездна». Эта повесть многократно переиздавалась в последующие годы, но, как и в первый раз, без двух последних глав – они были признаны не соответствующими идеологическим установкам тех лет. В оригинале повесть состоит из семи глав. В ней рассказывается о погружении трех акванавтов в батисфере на дно Атлантики. Трос обрывается, они на грани гибели, но приходит спасение: на дне глубокой впадины (Маракотовой бездны) до сих пор живут уцелевшие потомки тех, кто населял затонувшую Атлантиду. «Чуждая идеология» содержалась в двух последних главах: Баалсепа, Владыка Темного Лица, угрожавший колонии атлантов, был уничтожен при помощи белой магии (Конан Дойл увлекался спиритуализмом). Конечно, это чистая фантастика, но общий интерес к проблеме Атлантиды был весьма высок – уже началась эпоха геологического изучения мест возможной локализации загадочного материка.

В первые десятилетия XX века в результате геологических исследований на побережьях и островах Атлантического океана у европейских геологов складывается представление о существовании суши на месте Атлантического океана – некоторые ученые прямо называли ее Атлантидой. Суммируя эти представления, французский геолог П. Термье в 1912 году писал, что в Атлантическом океане вероятны недавние опускания, «при которых исчезли острова и даже материка»...

Едва ли кого-либо из геологов Атлантида интересовала сама по себе, однако новые данные о рельефе дна в районе Канарского плато снова пробудили широкий интерес к удивительной истории, рассказанной Платоном.

Канарское плато находится на дне Атлантического океана, к западу от северной Африки. Особенности его подводного рельефа, изученного океанологами, позволяют предполагать, что эта область Атлантики некогда являлась сушей и испытала сравнительно недавнее погружение. В 1950-х годах известный советский геолог профессор М. Кленова, автор первого в СССР учебника морской геологии, писала: «Следы недавних опусканий в Атлантическом океане видны на всех его берегах. Значительного размера континентальная плита, погружившаяся под уровень океана, находится в окрестностях Канарских островов, Мадейры, островов Зеленого мыса. В ней видят ту Атлантиду, о катастрофическом погружении которой известно из древнегреческих источников».

Обследуя в 1970 году с гидросамолета прибрежные воды Багамских островов, известный французский археолог-аквалангист Д. Ребикоф заметил на дне океана около острова Северный Виним руины каких-то монументальных стен, сложенных из громадных блоков. Что представляют собой эти погруженные ныне на десятки метров в океан «руины»? Нельзя исключить, что они – след очень древней цивилизации, может быть, ольмекской или майя, либо имеющей отношение к Атлантиде.

Однако самое знаменательное и любопытное заключается в том, что гибель Атлантиды Платона по времени как раз совпадает с окончанием последней ледниковой эпохи на севере Европы и Америки. Из платоновских диалогов следует, что Атлантида погрузилась около 11,5 тысячи лет назад. Именно тогда на севере Европы ускорилось таяние полярных льдов четвертичного оледенения. Льды, подобные гренландским, на протяжении сотен тысяч лет покрывали Скандинавию, Кольский полуостров, Северное и Балтийское моря. Временами они продвигались к югу почти до Карпат и Альп, а на Русской равнине до широты Харькова и Воронежа. И вот за какие-то четыре-пять тысяч лет эти льды полностью исчезли.

Интереснейшие данные принесло определение возраста Гольфстрима. Его воды проникли в Северный Ледовитый океан сравнительно недавно: возраст ила и песка, принесенных этим течением в северную Атлантику, не превышает 11 тысяч лет. Значит, до этого Гольфстрима не существовало, а может быть, и не могло существовать, если значительную часть Атлантического океана тогда занимала суша – та самая Атлантида, о которой рассказывал Платон.

Сопоставив все эти удивительные совпадения, эстонский геолог и атлантолог Е. Хагемейстер предложила гипотезу, согласно которой именно погружение Атлантиды, начавшееся около 12 тысяч лет тому назад, открыло дорогу на север теплым водам Гольфстрима; они принесли тепло на север Европы и Канады и быстро уничтожили льды. Вместо суровых климатических условий длительного оледенения возникла поразительная климатическая аномалия. Ведь Санкт-Петербург и другие города северной Европы – Хельсинки, Стокгольм, Осло – расположены на 60° с. ш. Это широта южной Гренландии, северного побережья полуострова Лабрадор и Канады, Магадана, Северной Камчатки, где климат гораздо более суров, чем на севере Европы. Земля там скована вечной мерзлотой, моря большую часть года покрыты льдом, горные ледники местами спускаются к самому океану.

Причина европейской климатической аномалии – Гольфстрим, доносящий далеко на север в Баренцево море теплые воды Атлантики, нагретые в Мексиканском заливе. Зарождение же самой аномалии может быть связано именно с гибелью Атлантиды. Океанологи установили, что поступление вод Гольфстрима на север увеличилось около 3–5 тысяч лет назад. Хагемейстер считает, что такая обширная территория, как Атлантида, не могла погрузиться сразу. Начало погружения – 12 тысяч лет назад – явилось той катастрофой, слух о которой дошел до Платона. Но погружение продолжалось и позже, и лишь 3–5 тысяч лет тому назад бывший континент (или архипелаг) опустился до глубин, на которых находится ныне.

Академик В. Обручев в своих предположениях о роли Атлантиды пошел еще дальше. В 1955 году он писал: «Именно Атлантида была тем препятствием в северной части Атлантического океана, которое преграждало путь теплому течению Гольфстрима на север в Ледовитый океан. Появление этого препятствия в начале четвертичного периода вызвало оледенение вокруг Северного полюса. Погружение Атлантиды вновь освободило путь Гольфстриму на север, и его теплые воды постепенно сократили оледенение вокруг Северного полюса, тогда как вокруг Южного полюса оледенение существует до настоящего времени». Геологические процессы в Атлантике продолжают, возможно, лавы и пеплы недавних вулканических извержений и скрывают под собой останки неведомых цивилизаций, но чтобы подтвердить это, археологам недостаточно опуститься на дно Атлантического океана. Нужны необычно трудоемкие и сложные раскопки на больших глубинах. Задача пока невыполнимая.

Следов Атлантиды на морском дне найти никому не удалось. Нет никаких памятников атлантской цивилизации в музеях мира. Ни одного упоминания об Атлантиде нет в записях, оставленных жрецами Древнего Египта (а иероглифы мы научились читать более полутора веков назад, и литература египтян хорошо известна ученым). Не обнаружены сведения о затонувшем материке «по ту сторону Геракловых столпов» и в других древних источниках, будь то хроники Китая или труды античных авторов. По существу, мы располагаем одним-единственным источником – диалогами «Тимей» и «Критий» Платона. Естественно, возникает вопрос: насколько же можно доверять этим источникам?

Интересны и убедительны аргументы известного российского историка и археолога Г. Кошеленко. Платон был философом, а не историком или географом. Он не записывал преданий и легенд, как это делали, например, Геродот, Тацит и ряд других античных авторов. Диалоги «Тимей» и «Критий» образуют единый цикл с третьим диалогом – «Государство». В нем – со ссылкой на Сократа – повествуется история человека по имени Эр. Этот Эр, по национальности армянин, рассказал Сократу о том, как он погиб в бою и попал в загробный мир, а затем вновь вернулся в мир живых. Описание загробного мира дается реалистически и подробно... а в следующем диалоге, «Тимей», – со ссылкой на Солона и египетских жрецов – поведена история об Атлантиде и борьбе афинян с войсками атлантов. Наконец, третий диалог, «Критий», описывает государство атлантов, устройство их столицы, общественный строй, религию и т. д. По мнению Кошеленко, имена Сократа и Солона упомянуты неспроста: Сократ считался самым авторитетным философом Эллады, а Солон почитался за «мудрейшего из семи мудрецов». И атланты, и афинское государство, с ними воевавшее, и загробный мир описаны с одинаковой степенью «достоверности». Диалоги «Государство», «Тимей» и «Критий» взаимосвязаны, в них беседуют одни и те же лица. В «Государстве» дан своеобразный «репортаж из загробного мира», в «Тимее» – описание афинского, точнее праафинского, государства девяти тысячелетней давности, в «Критии» описана Атлантида. И все описания в равной степени реалистичны, все они ссылаются на «первоисточники» – армянина Эра и египетских жрецов, которые подкреплены авторитетами Сократа и Солона.

Мог ли на самом деле Эр путешествовать в загробный мир? На этот счет сомнений ни у кого не возникает. Данные истории и археологии говорят о том, что афинское государство, устройство которого точь-в-точь соответствует устройству идеального государства, о котором мечтал и идею которого всеми силами пропагандировал сам Платон, существовавшее, по его словам, 12 тысяч лет назад, также является выдумкой. Появление людей на территории Аттики датируется ныне VI–V тысячелетиями до н. э. И не могущественный город с величественным акрополем, а лишь стоянки людей каменного века находились в ту пору на территории будущих Афин. Многие критически мыслящие атлантологи считают, что рассказ Платона о войне с атлантами является всего лишь патриотической фантазией. Таким образом, и загробный мир, и Афины, воюющие с атлантами, – все это искусная выдумка Платона, наподобие позднейших

фантастических стран Утопии, Лилипутии и т. п. Но почему же тогда надо считать не вымыслом, а истиной описание самой Атлантиды в тех же самых платоновских «Диалогах»?

«Если сообщение о том, что Афины существовали 9 тысяч лет назад, сказка, то почему же тогда не считать сказкой такую же древность самих атлантов? – задавал резонный вопрос известный советский историк и лингвист Ю. Кнорозов. – Если описание Греции, данное в диалогах Платона, – плод фантазии, то почему же описание Атлантиды можно считать правдоподобным? Если не верить тому, что афинское войско провалилось сквозь землю, то почему нужно верить в то, что в «одну бедственную ночь» погрузилась в море Атлантида?»

И действительно, рассказу Платона об Атлантиде не верили многие его современники, начиная с величайшего ученого и философа античности Аристотеля, ученика Платона. По мнению историков античной литературы, платоновские «Диалоги» – это блестящее литературное произведение. История об Атлантиде является одним из его компонентов и служит великому философу иллюстрацией его социально-политических взглядов.

Давая описание Атлантиды, Платон приводит точные данные и цифры. Но если проанализировать их внимательно, нетрудно убедиться в том, что все численные данные – всего лишь определенные символы тех или иных качеств. Например, Платон говорит, что главный остров, на котором была расположена столица Атлантиды, имел форму четырехугольника со сторонами в 1000, 2000, 3000 и 4000 стадиев. Периметр такого четырехугольника равен 10 000 стадиев. Некоторые атлантологи на основе этих данных вычисляют площадь Атлантиды и определяют плотность населения главного острова. Размеры, приводимые Платоном, дают пропорции 1:2:3:4, сумма чисел которых равна 10. Это типичный образчик мистики чисел, которой увлекались Пифагор, Платон и другие античные философы (число 10 почиталось ими совершенным и священным, тем более, что в данном случае оно образовано суммой четырех первых, «начальных» чисел).

В IV веке до н. э. существовал ряд проектов «идеального» полиса, то есть города-государства, и один из самых грандиозных и детально проработанных – проект, изложенный Платоном в диалоге «Государство». Суть его, по мнению автора, определяется принципом «справедливость». Платон исходит из того, что для полиса необходимы три функции: 1) обеспечение материальных потребностей; 2) защита целостности полиса; 3) управление. Наличие этих трех функций – объективная реальность, и поэтому для выполнения каждой из них в полисе должна существовать специфическая, изолированная от других группа жителей, в чем и будет заключаться справедливость.

Та группа, которая обеспечивает материальные потребности полиса (земледельцы, ремесленники, отчасти купцы), обрисована Платоном очень общо, что естественно в его проекте, где эта группа существует только для обеспечения материальных потребностей двух высших слоев. Следующей группой являются воины («стражи»). Их единственная цель – сохранение целостности государства и поддержание установленного строя. Они не заняты производительным трудом, все их время посвящено тренировкам как физическим, так и нравственным – упражнениям в добродетели. У них нет собственности, все, что им нужно, предоставляется первой социальной группой. Трапезы у них общие, семья как институт в их среде запрещена. Среди воинов есть и мужчины и женщины, равные в своих правах и обязанностях. Общение с существом противоположного пола – награда наиболее отличившимся. Пары для продолжения рода подбираются правителями с точки зрения сохранения «породы». Дети не знают родителей и воспитываются всем коллективом воинов. Жизнь воинов в общем, несмотря на то, что они принадлежат к высшему слою, сурова и в идеале лишена всяких корыстных и эгоистических побуждений.

Высшим сословием «идеального» полиса являются правители-философы – бывшие воины, особенно продвинувшиеся в постижении мудрости и достигшие преклонного возраста. Цель этой группы – поддержание стабильности установленного порядка посредством воспи-

тания всех членов общины, и особенно молодежи, в духе неуклонного выполнения своих жизненных функций. Это мозг «идеального» полиса, руками которого служат воины. Правители-философы подчиняются тем же строгим нормам в быту, что и воины-стражи.

Эта картина идеального социального строя для Платона и многих его современников не была утопической. Сам Платон два раза путешествовал в Сицилию, надеясь с помощью тиранов города Сиракузы (тогда самый крупный греческий город в Сицилии и на юге Италии, то есть в том регионе, который сами греки называли Великой Грецией) воплотить в реальность свой план переустройства общества. Аристотель в своей «Политике» много внимания уделяет критике проекта Платона, главным образом с точки зрения его практической неосуществимости.

Если взглянуть теперь под этим углом зрения на диалоги «Тимей» и «Критий», то становится очевидным, что оба они, в сущности, посвящены защите и развитию тех принципов, которые Платон выдвигал в «Государстве» («Тимей» – частично, «Критий» – полностью). Хорошо видно, что в сюжетах, посвященных Атлантиде, не она занимает важнейшее место, а древние Афины. Псевдоисторические сюжеты этих двух диалогов определяются следующим фактором: в древних Афинах существовал тот строй, который Платон пропагандировал как идеальный. Афины в союзе с Египтом (и другими народами и государствами) вели жестокую «тотальную» войну с Атлантидой и, несмотря на всю мощь последней, благодаря доблести афинян (а доблесть – следствие того строя, который тогда существовал в городе) разбили пришельцев. Функция Атлантиды в диалогах Платона ясна и определена: это противовес идеальному городу глубокой древности, воплощение всего отрицательного, всего того, что решительно осуждается Платоном как источник моральной деградации общества.

Служебная роль этих диалогов ясна: в них философ действительно стремится доказать, что в древних Афинах, отделенных от его современников 9000 лет, существовал тот самый идеальный строй, который он пропагандировал. Прежде всего говорится, что законы, которые существовали в древнейших Афинах, были «прекраснее всего, что нам известно под небом». При этом Платон отмечает, что эти афинские установления очень похожи на египетские, но (в угоду афинскому патриотизму) заявляет, что богиня Афина дала египтянам законы на тысячу лет позднее, чем гражданам Афин. Затем идет расшифровка этих «прекраснейших» законов. Первое, на что обращается внимание, – это четкая сословная структура, деление общества на несколько изолированных социальных групп. Платон говорит о сословии жрецов, сословии ремесленников, сословиях пастухов, охотников и земледельцев. Наконец, особо говорится о воинском сословии, которое «отделено от прочих, и членам его закон предписывает не заботиться ни о чем, кроме войны». Уже этот самый беглый взгляд дает нам возможность обнаружить поразительное сходство между проектом устройства «идеального» полиса, как он представлен в «Государстве», и установлениями, которые приписывает Платон древнейшим афинянам.

Платону нужно было доказательство того, что проектируемый им государственный строй осуществим, и он смело сконструировал древнейшую историю Афин, сделав своих предков теми идеальными гражданами, которыми можно и нужно гордиться. Подобный подход к прошлому для греческой общественной мысли того времени – явление не исключительное. Отдаленное прошлое было известно плохо, и для нужд текущей политической борьбы ораторы и писатели смело вторгались в него, черпая там аргументы для полемики с противниками. Свойственный античному обществу традиционализм, уважение к прошлому, искреннее убеждение в том, что в прошлом все было лучше, делал такого рода экскурсы в историю неизбежными.

Платон, таким образом, заново творит практически из ничего древнейшую историю родного города, чтобы представить ее в виде аргумента в пользу пропаганды своих идей. Афиняне считали себя главными спасителями Эллады от завоевателей-персов в годы греко-персидских войн. Эта роль Афин стала аксиомой для каждого афинянина. И вот в картине далекого про-

шлого, рисуемой Платоном, Афины – организатор и глава союза народов, борющихся с вражеским нашествием. Только персы пришли с востока, а эти древнейшие враги, атланты, – с запада. В афинской политике V–IV веков до н. э. Египет занимал особое место. Он был частью персидской державы Ахеменидов, но постоянно восставал против чужеземного владычества. Афины, преследуя свои интересы, неоднократно поддерживали борьбу египтян против персов. И у Платона эти конкретные реалии его времени также переносятся в глубокое прошлое (союз Афин и Египта в борьбе с Атлантидой, сходство политической и социальной структуры и т. д.).

Теперь можно попытаться определить место Атлантиды Платона в той общей картине далекого прошлого, которую рисует великий философ. Атлантида – противник Афин, и этим определяется все. В Атлантиде воплощено все, что Платон считает пагубным для человеческого общества. И хотя некоторые исследователи называют миф об Атлантиде утопией, правильнее было бы назвать его антиутопией. Во-первых, эта страна – владение Посейдона, бога моря. Атлантида – морская держава, она раскинулась на островах, основа ее мощи – флот, она ведет широкую морскую торговлю. Для Платона море – враждебная стихия. Море – это синоним развития торговли, а торговля предполагает стремление к наживе, барышу, одним словом, ко всему тому, что исконно враждебно замкнутому земледельческому быту. «Идеальный» же полис Платона – сугубо земледельческая страна, отгораживающаяся от моря.

Атлантида – страна богатства и роскоши, а это, с точки зрения Платона (да и почти всех греческих мыслителей того времени), пагубно для общества и человека. Человек должен довольствоваться немногим; простое, скромное существование, лишённое излишеств, – идеал человеческого общежития. «Ничего слишком» – это принцип и античного искусства, и общественной мысли того времени. Атлантида, по мысли Платона, имела право на существование только до тех пор, пока жители ее ни во что не ставили свои богатства. Как только последние завладели их душами, страна была обречена.

Атлантида – монархическое государство, что для афинянина уже само по себе зло. Кроме того, в рассказе Платона присутствует еще одна чрезвычайно показательная деталь: «каждый из десяти царей в своей области и в своем государстве имел власть над людьми и над большей частью законов, тем что мог карать и казнить любого, кого пожелает». Из дальнейшего рассказа выясняется, что единственные законы, которые стояли над царем, – это законы, регулировавшие взаимоотношения царей. Чтобы понять не только мысли, но и чувства, заложенные в этой короткой фразе, надо помнить отношение греков к закону. Для грека того времени «закон» – высшая ценность: единственным оправданием монархической власти служило лишь то, что царь был не самовластен, а свято соблюдал законоположения. Здесь же картина для гражданина греческого полиса просто ужасная: не только царь, но еще и самовластный царь, стоящий над законом.

Наконец, Атлантида – страна-агрессор, начавшая несправедливую, захватническую войну. Для Платона войны, ведущиеся не для защиты границ родины и строя, а для захвата чужого, – абсолютное зло, и этим воплощенным злом являются атланты, которых сокрушили афиняне, носители светлого начала.

Таким образом, если взглянуть на Атлантиду с этой точки зрения, мы должны признать, что большая часть информации, содержащейся в диалогах, имеет не реально-историческое, а лишь идейно-литературное происхождение. Тем самым ставится под сомнение существование Атлантиды, во всяком случае, большая часть всех тех подробностей ее истории и культуры, о которых говорит Платон.

И еще одно очень важное обстоятельство: Платон не боится лжи, если она, как он считает, приносит пользу. В «Государстве» он прямо говорит об этом, указывая на пользу даже очевидной лжи, ее «уподобления истине», раз уж «мы не знаем, как это все было на самом деле в древности». Платон в этом отношении совсем не одинок. Представление об относительности правды и лжи, об их утилитарном характере было широко распространено в Греции. Геродот

писал: «Где ложь неизбежна, там смело нужно лгать...» Платон, создавая свой миф об Атлантиде, стремился, как он считал, к высокой цели, а в таком случае для него ложь прощительна.

Большинство авторов, писавших об этой проблеме, с чистым сердцем принимают ту версию передачи сведений об Атлантиде (от египетских жрецов Солону), которую нам сообщает Платон. При этом как-то пытаются объяснить сравнительно мелкие неточности традиции (девять тысяч лет, например), забывая об основном – о том, что такая передача была в принципе невозможна.

Согласно рассказу Платона, исторические события, происшедшие в Восточном Средиземноморье: поход атлантов, борьба с этим нашествием народов Средиземноморья, в частности Афин и Египта, поражение атлантов, наконец, гибель афинского войска и Атлантиды в результате природного катаклизма – все это было зафиксировано египетскими жрецами, а затем сообщено Солону во время его путешествия по Египту. Описание этих событий вплетено в общую канву рассказа о древней истории человечества. Записанный Солоном рассказ был привезен в Афины, там его читал Критий и, в свою очередь, передал содержание рассказа участникам двух философских бесед.

Такова схема, которую охотно принимают все сторонники реального существования Атлантиды и подлинности рассказа Платона. Однако как соотносится эта схема с исторической реальностью? Ее сторонники воспринимают путешествие Солона в Египет как поездку ученого для работы в иностранном университете. Однако нет ничего более невероятного, чем описанные действия жрецов. Реальная картина контактов древних культур (и их носителей) была намного сложнее. Нельзя понимать ее как свободный обмен идеями и вообще культурными достижениями. Почти для всех культур древности была характерна известная ксенофобия (неприятие иностранцев). Особенно свойственна была эта черта египетской культуре. Ксенофобия египтян нашла отражение и в античной культуре, где появились образы двух египетских царей, отправлявших на казнь всех чужеземцев, попадавших в Египет. Хотя в тот период, когда совершалось это путешествие, Египет и несколько приоткрыл двери для чужеземцев в силу военной и экономической необходимости, однако полной свободой передвижения они не пользовались, контакты их с местным населением всячески стремились затруднить. Кроме того, следует учесть и отвращение египетских жрецов к чужеземцам. Можно предположить, что в лучшем случае контакты Солона ограничивались разговорами с жрецами низших рангов, которым вряд ли была известна какая-либо серьезная информация, но, вероятнее всего, эти контакты не выходили за рамки общения с греческим и полугреческим населением Навкратиса – греческого города в Египте. Вряд ли было возможно получить у этих людей историческую информацию об Атлантиде.

Широко известно, что египтяне мало знали о Европе и почти не интересовались этим миром. История Египта отражалась в династийных хрониках, география имела прикладное значение. Замкнутость, ориентация культуры на самое себя, малое внимание к окружающему миру всегда оставались характерными особенностями культуры древнего Египта. Этим утверждением совсем не принижается египетская культура. Гораздо важнее иной вопрос: почему именно к Египту, египетской традиции обращался Платон? Отношение греков к Египту было сложным. Интерес к нему они испытывали еще начиная с времен Гомера. Египет для греков – страна, которую трудно понять, с очень странными обычаями. Египет всегда рассматривался ими не как могущественная политическая держава, а как страна, хранящая особые знания. Геродот, как бы суммируя отношение греков к Египту, так определял причину особого интереса к этой стране: 1) «нравы и обычаи египтян почти во всех отношениях противоположны нравам и обычаям других народов», 2) целый ряд греческих философских и научных учений заимствован у египтян (например, «вообще, почти все имена эллинских богов происходят из Египта», «эти и еще много других обычаев, о которых я также упомяну, эллины заимствовали

у египтян» и т. д.). Даже законы Солона, по мнению Геродота, были заимствованы у египетского царя Амасиса.

Интерес Геродота и многих других греческих интеллектуалов к египетским обычаям, истории и особенно религии естествен и закономерен. В египетской религии греков привлекали широко распространенное мнение о мудрости египетских жрецов, таинственный и древний ритуал, необыкновенное разнообразие и причудливый внешний вид божеств, пышность и богатство храмов. Огромное впечатление на греков производили организованность жреческой касты и то влияние, которым она пользовалась.

Так что причина того, что передатчиками традиции об Атлантиде Платон сделал египетских жрецов, становится совершенно отчетливой. Всеобщая уверенность в глубокой древности египетской культуры, знаниях тайн египетскими жрецами – те аргументы, которые должны были придать особую правдивость его рассказу, хотя Платон и не смог удержать своего эллинского и афинского патриотизма и представил все-таки афинян старшими братьями египтян, получившими божественную мудрость (правда, позднее утраченную) на тысячу лет раньше.

Есть еще одно интересное предположение: Платон имел какую-то информацию о Греции эпохи бронзового века, то есть о Греции II тысячелетия до н. э. Эта информация была им соответствующим образом отпрепарирована, приведена в соответствие с его концепцией и в таком виде опубликована.

Для того чтобы должным образом оценить этот вывод, нужно представить себе, а что же действительно греки классической эпохи знали о Греции II тысячелетия. Именно сами греки, а не мы, поскольку благодаря археологическим раскопкам и дешифровке древних письменностей наши знания об этом историческом периоде в некоторых отношениях явно превосходят знания современников Платона. Для грека классической эпохи эти источники включали в основном следующее: поэмы Гомера, различные циклы мифов, а также местные предания. Все эти источники весьма сложны и трудны для понимания. Мифы дошли до нас и в переработанном виде, и в различных компиляциях (типа «Мифологической библиотеки» Аполлодора); различные местные предания, связанные с генеалогиями древних правящих домов, лучше всего представил нам Павсаний. Общую (хотя и чрезвычайно краткую) картину истории Эллады дал Фукидид в начальных разделах своей «Истории». Чрезвычайно труден вопрос о том, в какой мере эпос Гомера отражает действительную картину жизни Греции времен троянского похода, как сочетаются в его замечательных поэмах идеи, образы и реалии, восходящие к далекому прошлому. Один из виднейших исследователей истории древней Греции М. Финли считал, что греки эпохи Гомера знали, что во II тысячелетии до н. э. в Греции существовали государства, в которых правили цари; эти государства вели войны, правители их жили в роскоши, и это практически все, что было известно.

«Если бы собрать все версии об Атлантиде, такой сборник стал бы неоценимым историческим вкладом в науку о человеческом безумии и фантазии», – сказал еще в прошлом столетии переводчик и комментатор Платона Ф. Сумезиль. Число этих фантастических версий в наши дни значительно увеличилось... И в то же время археологи, этнографы, фольклористы, историки, философы и представители наук о Земле, тщательно анализируя предания, делая поправку на призму мифа, сквозь которую преломлялись события действительности, не оставляют надежды найти самый последний, самый весомый аргумент, который подтвердит истинность древних легенд.

Древнейшая цивилизация

© М. П. Згурская, А. Н. Корсун, Н. Е. Лавриненко, 2010

Индию до сих пор считают одним из регионов, где происходил процесс «очеловечивания» обезьяны. Поэтому можно сказать, что Индия – одно из немногих мест на земном шаре, которые могут претендовать на звание «колыбели» человечества.

Древнейшие поселения Индии располагались на севере – в долине Инда (Соан, *совр.* Пакистан) и близ Мадраса. Первобытные люди селились в пещерах, которые находили у речных долин и в предгорьях.

Климат этих мест был наиболее благоприятен для человека, а животный мир – очень богат и давал много пищи. Поэтому неудивительно, что именно в долине Инда появилась одна из древнейших цивилизаций, самые известные города которой носят названия Хараппа и Мохенджо-Даро.

Как это часто бывает в истории, самые обыденные события приводят к великим открытиям.

В 1853 г. при строительстве участка железной дороги, соединяющей Карачи и Лахор, под одним из холмов был открыт древний город, названный по близлежащему поселению – Хараппа. Предположения о том, что под этим холмом находится город, появились гораздо раньше: отдельные предметы, которые местные жители находили и показывали англичанам, были обнаружены на этом холме еще в 1820 г. В числе тех первых случайных находок были каменные прямоугольные печати, которые и сейчас являются своеобразной визитной карточкой хараппской цивилизации.

Самую знаменитую из этих печатей с надписью на неизвестном языке обнаружил в 1875 году английский археолог А. Каннинхэм. Он нашел ее в долине Инда в 1875 году. Каннинхэм не смог расшифровать надпись при помощи известных ему образцов индийских письменностей. А значит, как справедливо предположил ученый, печать могла принадлежать к более раннему, еще не известному науке периоду индийской истории. Находка Каннинхэма стала настоящей сенсацией, ведь ранее считалось, что цивилизацию в Индию принесли арийские племена, а некоторые исследователи полагали, что именно Индия была прародиной ариев.

Но, несмотря на интерес ученых, первые полномасштабные археологические раскопки в Хараппе начались лишь в 1921 г., когда был исследован древний город. К сожалению, до этого в Хараппе успели «поработать» строители железной дороги – часть холма была скрыта, а камни и кирпичи древнего поселения были использованы для железнодорожной насыпи.

Еще более удивительна история открытия второй (или первой?) столицы хараппской цивилизации города Мохенджо-Даро. Поскольку в других древних поселениях долины Инда находки были единичными и случайными, долгое время после открытия Хараппы считалось, что этот город был столицей большого, но малонаселенного района. Однако много веков индийцы рассказывали легенды о том, что где-то в долине Инда стоял древний храм – древнейший из всех индийских храмов. Поклонялись в этом храме, согласно мифам, древнейшему индийскому божеству – Старому Шиве. Англичане, да и многие индийцы считали эту легенду вымыслом, ведь легенды каждой индийской долины утверждают, что именно в их местности стоит древнейший храм Индии и каждый такой храм был построен непосредственно древнейшим божеством, а все остальные были возведены уже как копии их Великого Храма. Однако легенды о храме Старого Шивы вызывали интерес у искателей сокровищ. Дело в том, что в древности по долине Инда проходила граница княжеств северных магараджей. В окружавших долину Инда горах, согласно преданиям, было немало сокровищ, которые оседали в подва-

лах храма Старого Шивы. Немало англичан и индийцев бросились на поиски, надеясь найти сокровища древнего храма.

Удача улыбнулась в 1922 году двум индусам – Р. Сахни и Р. Банарджи, – которые выбрали в качестве объекта раскопок предполагаемого храма Старого Шивы один из холмов в долине Инда. Почему их заинтересовал именно этот холм, а не, скажем, соседний? Дело в том, что именно этот холм с древности носил загадочное название Холм Мертвых (Мохенджо-Даро). Местные крестьяне часто находили на этом холме человеческие кости. И действительно, рассуждали Сахни и Банарджи, Холм Мертвых – наилучшее место для древнего храма, посвященного богу смерти и разрушения.

С тех пор прошло почти 90 лет, и трудно сказать, были ли Сахни и Банарджи честными археологами или гробокопателями, отправившимися за древними сокровищами. Во все времена чисто научный интерес исследователя часто соседствует с вполне прагматичной жадностью обогащения. Редкий археолог удержится от соблазна положить один из найденных им предметов в свой карман, что уж говорить о тех случаях, когда раскопки сопровождают легенды о несметных сокровищах.

Вскоре после начала раскопок Сахни и Банарджи обнаружили под слоем земли постройки из обожженного кирпича. находка усилила их веру в то, что вскоре горы золота, хранящиеся в подземельях храма, попадут к ним в руки. Но улыбка удачи часто бывает двусмысленной. День за днем рабочие продолжали раскопки, одна за другой появлялись из небытия древние постройки, была обнаружена прекрасно сохранившаяся цитадель, жилые дома и культовые здания. Только вот храма Старого Шивы нигде не было. А значит, не было и сокровищ. Да и найденные в Мохенджо-Даро драгоценности никак не соответствовали легендарным горам золота. Однако для истории эти раскопки дали неоценимый результат. Выяснилось, что Хараппа была не единственным городом долины Инда. Это стимулировало поиски других городов. К тому же открытые в Мохенджо-Даро постройки пролили свет на жизнь древних индийцев.

Поскольку почти 50 лет Хараппа была единственным городом этой цивилизации, о котором знали ученые, то и всю цивилизацию называли хараппской. Это название сохранилось и сегодня, также ее именуют «протоиндийской» или «индской».

Как же появилась хараппская цивилизация?

На этот счет есть немало гипотез. Обычно, когда речь заходит о возникновении цивилизации, гипотезы ученых группируются вокруг двух противоположных позиций: цивилизация привнесена извне, или же цивилизация возникла на этой территории.

В XIX веке, когда другие, более ранние, поселения в долине Инда были неизвестны ученым, сложилось мнение, что хараппская цивилизация была привнесена извне. Именно так думал археолог Р. Гейне-Гельдерн, считавший, что цивилизация на Инде возникла внезапно. Однако впоследствии, когда были открыты другие более ранние города в долине Инда, мнение ученых изменилось. Если раньше историки предполагали, что Хараппа была возведена древними ариями, которые отсюда совершили свой победоносный поход в Европу, то с течением времени накопился ряд фактов, указывавших на то, что жители Хараппы были не ариями, а дравидами. Представление об Индии как о прародине ариев было поставлено под сомнение.

Но, несмотря на множество доказательств дравидского происхождения хараппской цивилизации, эта гипотеза и сейчас вызывает много возражений. И прежде всего у самих индийских историков, которые склонны преуменьшать достижения Хараппы – ведь сейчас дравиды относятся к самым отсталым народностям Индии³.



Карта Индии с обозначением границ хараппской цивилизации

Вскоре после открытия великой шумерской цивилизации в низовьях Тигра и Евфрата (современный Ирак) возникла гипотеза о том, что Хараппа – торговая колония шумеров или поселение эмигрантов, вынужденных по каким-то причинам покинуть Месопотамию.

³ Такими их видели и английские колонизаторы. Вспомним, что дравид – житель Андаманских островов – был выведен в повести Артура Конан-Дойля «Знак четырех» в качестве дикаря, помощника главного злодея.

У шумерской гипотезы до сих пор есть много сторонников. Дело в том, что классическая хараппская цивилизация значительно моложе шумерской. Шумеры появляются в Месопотамии в конце IV тыс. до н. э., а классическая цивилизация в долине Инда – в первой половине III тысячелетия до н. э., таким образом, как считают сторонники шумерской гипотезы, возможно заимствование древними индийцами культуры из Месопотамии.

На причастность шумеров к созданию хараппской цивилизации, по мнению ряда исследователей, указывает обычай строить дома из кирпича-сырца. Действительно, в ранний период Хараппы основным строительным материалом, как и в Шумере, был необожженный кирпич. Однако позже жители Хараппы стали строить дома из обожженного кирпича, поскольку в долине Инда около трети года (с июля по октябрь) почти непрерывно идут дожди, а постройки из кирпича-сырца были недолговечными.

Такая отличительная особенность архитектуры ранней Хараппы, как применение кирпича-сырца, безусловно может свидетельствовать о том, что загадочные строители городов в долине Инда пришли из районов с более сухим климатом, но почему же именно из Шумера?

Есть и еще один «архитектурный» аргумент: хараппцы и шумеры строили дома схожей планировки. Но планировка индийских и шумерских жилищ имеет много общего с архитектурными формами других культур, развивавшихся в жарком климате, например древнеегипетской и месоамериканской, а значит, такое сходство не может указывать на генетическое родство индийской и шумерской цивилизаций.

Некоторые исследователи находили нечто общее между шумерскими и хараппскими иероглифами, однако прочесть хараппские тексты по правилам шумерского языка не удалось. Это говорит о том, что хараппская письменность самобытна и уникальна. Странно было бы, если бы шумеры (если предположить, что именно они построили Хараппу и Мохенджо-Даро), прибыв в Индию, отказались от знакомой им письменности и изобрели кардинально иную систему письма.

Еще одним признаком, который якобы указывал на шумерское происхождение древнеиндийской цивилизации, долгое время служили прямоугольные печати, вырезанные из мягких пород камня. Эти печати – «визитная карточка» и наиболее опознаваемый атрибут хараппской цивилизации – часто находили в шумерских городах. Поэтому одно время археологи считали такие печати шумерскими. Лишь позднее, когда было обнаружено множество аналогичных печатей в долине Инда, стало очевидно их автохтонное происхождение. А как же тогда быть с находками в шумерских городах? Неужели они – плод подделки или бессовестной фальсификации? Конечно нет! Они просто свидетельствуют о широких торговых связях между Индией и Шумером в то далекое время. Найденные в Шумере прямоугольные печати были, вероятно, случайно обронены индийскими купцами, привозившими в Месопотамию слоновую кость и другие товары. Вот так утерянные вещи стали загадкой, над которой долгие годы ломали головы ученые мужи.



Образец печати, найденный на территории харапского поселения

Но науке известны шумерские мотивы на печатях, найденных в долине Инда. Изображение на одной из харапских печатей очень напоминает мифологический мотив, известный по шумерскому «Эпосу о Гильгамеше». В одном из мифов месопотамский герой обуздывает двух львов. На индийской печати мы видим героя (или бога?), побеждающего двух тигров. Аналогия здесь проглядывает настолько явственно, что некоторые историки даже считали эту печать доказательством индийского происхождения шумеров. Однако на территории Индии мотив поединка героя или божества с двумя животными практически нигде больше не встречается, поэтому, скорее всего, речь идет о случайном заимствовании или личной печати человека, который в силу неизвестных причин прибыл из Месопотамии в Индию и там в память о родине заказал себе печать с таким сюжетом.

А вот настоящие шумерские цилиндрические печати крайне редко встречаются в индийских городах. Это говорит о том, что индийские торговцы были намного более умелыми мореходами, чем шумеры, – они чаще посещали Месопотамию, чем их деловые партнеры долину Инда.

Конечно, харапская цивилизация не была создана шумерами. Тем не менее, есть одно обстоятельство, которое нельзя не принимать во внимание: по данным антропологов, в облике

жителей городов долин Инда несомненно присутствуют ближневосточные черты. Это объясняется миграцией не шумеров, а других жителей Ближнего Востока – представителей культур переднеазиатского неолита. Что же заставило этих людей покинуть те благодатные края, откуда они были родом?

Переход к производящему хозяйству привел к значительному росту численности населения. Если раньше племена охотников сталкивались в битве не на жизнь, а на смерть за право охоты на одно стадо, то сейчас степи из охотничьих угодий превратились в поля злаков. Одна и та же территория могла прокормить в десять раз больше земледельцев и скотоводов, чем охотников и собирателей. Но поскольку плодородие распаханых участков быстро падало, люди постепенно стали переселяться на новые земли. Обычно одно поселение древних земледельцев существовало в течение 30–40 лет, т. е. срока жизни одного-двух поколений. Когда окрестные поля переставали приносить урожай, поселение покидали и переходили на новое место. Постепенно люди стали расселяться из первоначального района заселения в лесистые зоны. Там приходилось вырубать и выжигать девственные леса. Часто такие созданные человеком лесные пожары занимали намного большую территорию, чем было необходимо для полей.

Такое использование земли привело к экологической катастрофе. После уничтожения лесов оставались пустоши. Вместе с лесами уходила влага, и бывшие лесные участки становились степями, а затем и пустынями. Этот процесс ученые называют аридизацией климата. Люди стали спускаться в долины крупных рек, которые не только поили посевы, но и приносили плодородный грунт (лесс), ежегодно удобрявший поля. Обработка земли в долинах рек требовала от человека больших усилий, поэтому отдельные семьи стали объединяться в племена, а сами поселения стали постоянными. Теперь люди не переходили с места на место, а, обосновавшись в одном месте, жили там в течение многих поколений. Для защиты от соседей и приходивших из соседних степей переселенцев возводились крепостные стены. Формировалось жречество, основной функцией которого была магическая поддержка благополучия людей, обеспечение плодородия земли и скота. Складывалось и чиновничество, руководившее коллективными работами (ирригацией, расчисткой новых участков) и распределением запасов зерна и другой пищи.

Историки подсчитали, что средняя скорость расселения земледельческих племен составляла примерно 1 км в год. Они расселялись с Ближнего Востока на запад и север – через Анатолию (территория современной Турции) на Балканы, в долину Дуная и далее вплоть до Днестра и Рейна; в восточном направлении – через современный Иран – они вышли к Каспийскому морю, потом прошли через Западный Афганистан и вышли на территорию Пакистана. По дороге они смешивались с местными племенами, в результате чего и приобрели дравидские черты. Но, продвигаясь вперед, они выдавливали с занятых территорий местные племена дравидов. Эти дравидские племена заселили долину Инда и основали там поселения, которые позже превратились в города. Но потомки переселенцев с Ближнего Востока, приобретающие по дороге все большую примесь дравидской крови, тоже добрались в конце концов до долины Инда, пройдя Синд и Белуджистан.

Как же развивались поселения в долине Инда? Открытое индийским археологом Н. Маджумдаром в 1934 году и исследованное затем французским историком Ж.-М. Казалем поселение Амри позволяет проследить основные ступени развития хараппской цивилизации.

В самый ранний период мы видим небольшое поселение. Амрийцы этого времени обитали в легких тростниковых хижинах, совершенно не напоминающих монументальную архитектуру Хараппы и Мохенджо-Даро. Однако с течением времени постройки становятся более сложными, появляются многокомнатные дома. Выделяются особые помещения для скота и для хранения припасов. Стены домов обмазывают глиной, позднее дома стали строить из кирпича-сырца, сформированного из смеси глины и соломы. Эти дома могли существовать в течение жизни одного-двух поколений, когда же дом ветшал, его ломали, а на его месте

строили новый. Такая архитектура не требовала больших затрат сил, времени и средств. Намного больше усилий, умений и сноровки требовалось в ремеслах, ведь IV тыс. до н. э. – это время, когда зарождающиеся цивилизации (индийская, ближневосточная, египетская, китайская) достигают больших успехов в ремеслах.

Одним из важнейших ремесел является металлургия. Изготовление более прочных орудий труда и оружия обеспечивает преимущество одной цивилизации над другой, делает ее более успешной и богатой. В ранний период существования Амри металлургия еще только зарождается. Первым в истории методом обработки металлов былаковка золотых и медных самородков. В результате получались украшения, которые очень ценились.

Вслед за этим появляется литье, позволявшее переплавлять металлический лом. Металл в то время был очень дорог, поэтому металлические изделия многократно переплавлялись. Это создает немало загадок для археологов нашего времени. Археологи, к сожалению, находят только самые поздние изделия ремесленников культуры амри. Скорее всего, самые древние металлические изделия были переплавлены. В руки ученых попадают изделия того времени, когда металлургия была достаточно развита и люди могли позволить себе выбросить сломанное металлическое украшение или орудие труда.

Вся керамика раннего времени лепилась вручную, гончарный круг тогда еще не был изобретен. Такая керамика содержит в себе много посторонних примесей (соломы, речного песка, толченых «бракованных» или битых сосудов), обжиг ее неравномерен, потому что люди того времени еще не научились поддерживать необходимую температуру в печах все время, необходимое для обжига.

Изобретение гончарного круга сделало керамическое производство массовым – за один день гончар мог вылепить значительно большее число сосудов. Улучшается качество теста, из которого лепят посуду, оно тщательнее вымешано, улучшается и обжиг посуды. Более изысканными становятся формы сосудов, появляется различие между более грубой «кухонной» посудой, предназначенной для приготовления пищи и хранения запасов, и более тонкой «столовой», используемой для приема пищи. Вместо горшков и мисок универсального предназначения появляется много видов посуды. В керамическом производстве также возникают новые операции. Теперь после обжига посуду подвергают лощению, в результате которого поверхность сосуда становится гладкой и ровной. Такую керамику археологи называют лощеной. Лощение посуды имеет корни в другом ремесле – обработке камня. В самые ранние века существования амрийской культуры, когда керамика была еще не очень популярна, сосуды вытачивались из мягких пород камня, например из гематита или алебаstra.





Посуда и статуэтка царя, найденные на территории Мохенджо-Даро

Получившиеся заготовки долго и тщательно полировали все более тонкими абразивами. А когда керамика получила широкое распространение и достигла высокого качества, гончары стали полировать (лощить) свои изделия, подражая сосудам из полированного камня.

После лощения на керамику одной или (реже) несколькими красками наносили рисунки. Наиболее распространенные мотивы – натуралистические и стилизованные изображения животных, людей, растений, орнаментальные узоры. Такую керамику ученые называют расписной. Расписная керамика свойственна многим культурам этого времени, но каждой из них присущи особые излюбленные мотивы, поэтому расписную керамику долины Инда невозможно спутать с египетской, балканской или корейской. Керамика служит для археолога важным материалом, позволяющим судить об исторических процессах, происходивших в то время, от которого не осталось письменных свидетельств. Постепенное превращение амрийской керамики в хараппскую служит для историков надежным доказательством преемственности традиций в долине Инда в те времена.

Археологические раскопки нижних (самых древних) слоев Хараппы показали, что город, давший свое имя всей цивилизации долины Инда, был построен на месте меньшего по размерам поселения амрийской культуры.

Интересно, что аналогичное поселение, открытое под Мохенджо-Даро, содержит керамику, свойственную Белуджистану. Основываясь на этом, можно сказать, что в формировании древнеиндийской цивилизации кроме местных племен приняли участие и переселенцы из Белуджистана (потомки переселенцев с Ближнего Востока, смешавшиеся с дравидами), которые бежали от наступления пустыни.

Наиболее показательным поселением в северном Белуджистане является Кили – Гуль – Мохаммед (начало IV тыс. до н. э., долина реки Квета, современный Пакистан). Здешние жители возводили дома из сырцового кирпича. Значительное большинство костей, обнаруженных на этом и других поселениях Белуджистана, принадлежат домашним овцам и козам. Это говорит о том, что скотоводство было одним из главных занятий жителей этого поселения, тогда как охота практически не имела никакого хозяйственного значения, а была лишь соревнованием молодых людей в смелости, ловкости и храбрости. Медных изделий здесь не обнаружили. Орудия труда и оружие жители северного Белуджистана изготавливали из различных пород камня, причем не только из кремня и обсидиана, но и из таких полудрагоценных камней, как халцедон и яшма.

Расположенное в непосредственной близости с Киль-Гуль-Мохаммед другое поселение, названное Дамб-Саадат, датируется XXVII–XXIII вв. до н. э., а значит, культуры северного Белуджистана были непосредственными предшественниками хараппской цивилизации. Прекращение жизни в этом и других поселениях в Белуджистане также связано с наступлением пустыни. Гонимые голодом жители этих поселений переселились в долину Инда, где, слившись с местным населением, и создали древнейшую цивилизацию. В частности, именно из Белуджистана была принесена в долину Инда традиция изготовления терракотовых статуэток.

Необходимость защиты от новых волн мигрантов сыграла важную роль в формировании городской цивилизации. Потомки прежних переселенцев и потомки аборигенов вместе должны были защищать свой город от пришельцев. Это требовало создания системы городского управления, выделения ученых, которые планировали застройку городских кварталов и крепостных стен, наличия чиновников, которые контролировали строительство и поддержание построек в надлежащем виде. Создавались городские склады, где находились запасы зерна и других припасов на случай длительной осады. По мере роста численности населения необходимо было осваивать новые земли – вырубать тропические леса, распахивать целину. Это тоже консолидировало жителей городов в единое целое.

Постепенно хараппская цивилизация разрасталась, максимальная площадь, занимаемая ею, составляла более 1100 км с севера на юг и более 1600 км с запада на восток. Общая же площадь, контролируемая этой цивилизацией, превышает 1,3 млн км², это примерно равно площади такой крупной европейской страны, как Франция. Сегодня на этой территории открыто и исследовано более тысячи городов.

Вероятнее всего, спасаясь от постоянных волн мигрантов из Синда и Белуджистана и в поисках более спокойных мест, хараппцы пересекли невысокий водораздел между Индом и Гангом и поселились в верховьях Ганга и его основного притока Джамны. Впрочем, возможно, что двигал переселенцами и торгово-исследовательский интерес: Ганг и Джамна вели к неизвестным еще племенам к Востоку, а значит, там, в новых землях, можно было бы выторговать много товаров. Если бы хараппская цивилизация не погибла, то, возможно, обосновавшись в низовьях Ганга, хараппцы установили бы морскую торговлю с Китаем. Новейшие открытия археологов в Дакке (Бангладеш) свидетельствуют о том, что хараппцы построили свой город в самом устье Ганга, а значит, могли торговать с Бирмой и Индокитаем.

Хараппцы расселялись и в другом направлении – в южном. Дело в том, что к западу от долины Инда расположены засушливые плоскогорья Синда и Белуджистана, к северу – бесплодные и холодные предгорья Гималаев, поэтому южное и западное направления – единственно возможные пути распространения этой цивилизации. Хараппцы расселились на Катхияварском полуострове и в устье реки Нарбада. Пытаясь обезопасить себя от переселенцев с запада, хараппцы основали несколько поселений в районе современного города Аллахабада (Пакистан).

Когда существовала харапская цивилизация?

В первой половине XX века ученые знали лишь косвенные методы датировки. Так, например, один из основоположников харапской археологии англичанин Дж. Маршалл датировал цивилизацию в долине Инда 3250–2750 гг. до н. э. Он исходил из аналогии с другими великими цивилизациями Старого Света – египетской и месопотамской. Однако в последующие годы появились сомнения в такой датировке, ее стали считать излишне древней.

Каковы же были аргументы, заставившие ученых пересмотреть предположение о столь почтенном возрасте цивилизации долины Инда? Историки обратили внимание, что индийские печати, обнаруженные в городах Месопотамии, относятся к значительно более позднему времени – XXIV–XVIII вв. до н. э. Но что же на самом деле показывают эти цифры? Отнюдь не дату возникновения индийской цивилизации, а лишь время, когда харапские купцы установили прочные торговые контакты с Месопотамией. Помимо печатей, существуют и другие доказательства таких торговых контактов, например договор, датированный 1923 г. до н. э., между жителем Месопотамии и харапцем. Харапзец «подписался», приложив свою печать к глиняной табличке с договором.

На хронологию существования древнеиндийской цивилизации пролила свет еще одна находка. В верхних (самых поздних) слоях города Харappy были обнаружены фаянсовые бусы, привезенные в долину Инда с Крита. Такие бусы были хорошо известны археологам и датировались они XVI в. до н. э.

Однако наиболее точным и достоверным методом датировки стал открытый в 1948 г. радиоуглеродный метод. Он основан на удивительном физическом открытии. Углерод, составляющий основу органических соединений, присутствует в виде нескольких изотопов – стабильных ^{12}C и ^{13}C и радиоактивного ^{14}C . Последний постоянно образуется из стабильных изотопов под влиянием радиации. Живые организмы получают этот изотоп из окружающей среды, благодаря чему в течение жизни в организме постоянно поддерживается постоянное количество радиоактивного углерода. После смерти организма поступление изотопов ^{14}C прекращается, а имеющиеся изотопы ^{14}C распадаются: за 5568 ± 30 лет распадается половина ^{14}C .

Вот что придумали ученые. Поскольку содержание ^{14}C в окружающей среде всегда величина постоянная, то, посчитав количество изотопов, которые остались в опытном образце остатков золы, взятом из очага на древнем поселении, можно определить, как давно этот огонь был зажжен. Так же можно датировать и другие органические остатки – кости, ткани, зерна злаков.

Для определения возраста фрагмент опытного образца сжигается в особой печи, а получившийся при этом газ пропускают через некоторый аналог счетчика Гейгера. Сравнив количество изотопов ^{14}C в образце с известными нормами, можно датировать образец с погрешностью в 70–300 лет, в зависимости от древности образца.

Метод этот, безусловно, несовершенен, поскольку контакт образца с более молодыми или радиоактивными объектами может значительно его «омолодить». Так, например, исследование травы, сорванной в день анализа, показало, что ее возраст – несколько миллионов лет. Это произошло из-за того, что трава была сорвана на газоне вблизи автотрассы с постоянным сильным движением и оказалась сильно загрязнена «ископаемым» углеродом из выхлопных газов (сгоревших нефтепродуктов). Однако за 60 лет, которые прошли с тех пор, как в 1948 году были проведены первые опыты по датировке археологических материалов по ^{14}C , ученые научились страховать от возможных ошибок и получать достоверные результаты.

Радиоуглеродный анализ образцов, взятых в городах харапской цивилизации, подтверждает даты, на которые указывают печати и бусы. Анализ образцов из Калибангана и Мохен-

джо-Даро показывает, что хараппская цивилизация появилась около 2900 г. до н. э., период ее расцвета приходится приблизительно на 2300 г. до н. э., а период упадка или «заката» начинается около 1750 г. до н. э. Кроме того, благодаря радиоуглеродному методу удалось частично восстановить картину гибели этой древней цивилизации. Выяснилось, что первыми погибли крупные центры в долине Инда, в то время как на юге, на Катхияварском полуострове, жизнь не только не прекратилась, но, наоборот, часть беженцев нашла приют в здешних городах, например в Лотхале.

Хараппские города

Слово «цивилизация» происходит от латинского «civis», что означает «город». А что же делает город городом? В наше время все города учтены, у каждого есть свое название, и если какое-то поселение хочет стать городом, то это утверждают особым законом парламента. А что же происходило в древности, в те времена, когда парламентов еще не было? Почему ученые считают то или иное поселение городом, хотя даже их названия нам неизвестны?

Археологи и историки называют городом поселение, которое соответствует нескольким критериям. Прежде всего, в городе должны быть монументальные постройки. В городах долины Инда имелось много таких зданий.

Другой важный признак – наличие городской инфраструктуры. Человек, живущий в современном городе, мало задумывается о том, какие усилия прикладывает множество людей для жизнеобеспечения города. Хараппские города имели административные и общественные здания, дороги, систему водоснабжения, канализации и оттока дождевых вод.

Третий признак города – наличие кварталов ремесленников. В таком случае можно говорить, что жители города кормятся не плодами земли, а своим трудом создают товары, которые затем обмениваются на продукты. Конечно, вокруг городов могут быть поля и огороды, но все-таки основное занятие жителей – не сельское хозяйство, а ремесло. Ремесленники должны были где-то продавать или обменивать свой товар, поэтому города очень быстро становились торговыми центрами. Изделия хараппских мастеров славились далеко за пределами долины Инда. В то же время рацион горожан зависел от подвоза продуктов не только из окрестных деревень, но и из других регионов Азии.

Есть еще один и, наверное, самый существенный в древности признак города. В русском слове «город» мы находим тот же корень, что и в слове «ограда». Действительно, самый важный элемент города – это крепостная стена, которая ограждает его от окружающего мира и защищает жителей от нападений. Возможно, современному человеку наличие крепостной стены покажется необязательным, но в древности это было очень важно. Археологи делят поселения древних людей на неукрепленные («селища») и укрепленные («городища») как раз по этому признаку – наличию городских укреплений. Именно крепостная стена способствует целостности города, охраняет жизнь и обеспечивает благополучие жителей.

«Урук огражденный» – с гордостью за свой город писал безымянный автор месопотамского «Эпоса о Гильгамеше», и не кому-нибудь, а самому Гильгамешу – «на две трети богу, на одну треть человеку» – приписывали возведение «ограды», крепостной стены вокруг его родного города. А вот выдающиеся умы хараппской цивилизации, которые спроектировали эти величественные города, остаются неведомы нашим современникам. И тем не менее, мы можем быть уверены, что жители воздали должные почести создателям своих городов, может быть, даже назвали их богами.

На данный момент археологам известно более 200 поселений хараппской цивилизации. И лишь немногие из них не имели крепостных стен. От кого же защищались жители древнеиндийских городов? Ведь и городские стены, и цитадель, характерная для городов долины Инда, свидетельствуют о том, что они подвергались серьезной военной опасности.

Придя в долину Инда и обустроившись на новом плодородном месте, люди вынуждены были обороняться от новых волн переселенцев, которые надеялись получить пропитание в этом благодатном крае. А возможно, города хараппской цивилизации воевали и между собой. То же самое происходило и в Египте, и на Ближнем Востоке. Спустившиеся с засушливых плоскогорий Ливийской пустыни египтяне оборонялись от ливийских племен, которые шли вслед за ними. Богатые города Сиро-Палестины и Междуречья сдерживали натиск племен, приходивших с Иранского нагорья, из Сирийской пустыни и с Аравийского полуострова. Когда

силы защитников иссякали, захватчики обосновывались в богатых городах, но вскоре, в свою очередь, были вынуждены бороться с новой волной переселенцев. Не жажда наживы гнала этих переселенцев: позади, в сухих степях, полупустынях и пустынях, их ждали неурожай, означавшие голодную смерть. Поэтому они шли вперед – на копья и стрелы жителей богатых городов. Зато победитель получал самый ценный приз – жизнь.

Все города хараппской цивилизации строились по единому плану, и все кварталы города и крепостные стены возводили практически одновременно. Это тем более удивительно, что почти все города возникали не на новом месте, а поверх существовавших ранее поселений.

В западной части располагался «верхний город», или цитадель, где находились городские власти, а в восточной – «нижний город», в котором находились жилые кварталы.

Ради безопасности правителей и знати, сохранения святынь государства сообщение между верхним и нижним городом было ограничено. Так, в Калибангане обнаружено только два прохода, которые соединяли нижний город с цитаделью. В Хараппе вдоль края цитадели была проложена широкая дорога, которая, как предполагают ученые, предназначалась для особых религиозных процессий, с тем чтобы не пускать большие толпы верующих в сердце города.

Жилая часть городов имела форму прямоугольника, прямоугольными были и городские кварталы. Кварталы отделялись друг от друга широкими улицами. Улицы были сориентированы точно по сторонам света – они вели с севера на юг и с запада на восток. Некоторые исследователи предполагают, что такая планировка была вызвана гигиеническими целями: будто бы именно в этих направлениях «дули ветры, выгоняя застоявшийся душный воздух и отлично вентилируя улицы». Такое предположение весьма сомнительно. Ветры никогда не дуют строго с севера на юг или с юга на север. К тому же все хараппские города были построены по одному и тому же плану, а в мире нет двух городов, в которых одни и те же ветры дуют с одинаковой частотой.

Есть другое объяснение. В Индии широко распространено изображение четырехчастной мандалы. Это прямоугольник или круг, крестообразно разделенный на 4 равных сегмента. Такие мандалы служат для индийцев символической моделью мира. Они схематично, но в то же время образно, выражают наиболее важные философские понятия. Даже в наше время мы делим пространство и время аналогичным образом – на 4 стороны света и на 4 времени суток, причем стороны света связаны с видимым движением Солнца по небу в течение дня. Аналогичные мандалы существовали и в хараппское время. Древним людям было свойственно представлять земной город как отражение Небесного Града. Похоже, что и хараппцы старались придать планировке своих городов черты Небесного Града, как они его себе представляли.

Центральные улицы городов пересекались под прямым углом с более мелкими улицами. Внутриквартальные улицы были значительно уже, и некоторые были настолько узки, что на них с трудом бы разминулись два человека. Самые широкие улицы были в Мохенджо-Даро. Они достигали 10 м в ширину. Вдоль улиц, особенно главных, располагались лавки торговцев и мастерские ремесленников.

Цитадель возводили на высокой платформе из обожженного кирпича, поэтому она возвышалась над нижним городом. Она была укреплена мощными стенами и башнями. В ней располагались различные культовые, административные и хозяйственные постройки, а также жилища жрецов, правителя и знати.

Почему цитадель располагалась в западной части? На этот вопрос нет однозначного ответа, но историки выдвинули несколько гипотез. По самой распространенной из них, именно в цитадели горожане могли найти убежище в случае разливов Инда. Другая версия утверждает, что цитадель выполняла прежде всего оборонительные функции. Города долины Инда постоянно подвергались нападениям со стороны переселенцев с запада и северо-запада, поэтому именно хорошо укрепленная цитадель первой встречала нападение и могла защитить жителей лучше, нежели станы нижнего города. Более того, возвышенное положение позволяло заме-

тить приближение противника задолго до того, как он окажется у стен города. Возможно, что истинная причина представляет собой соединение обеих версий: цитадель могла одновременно защищать и от нападений, и от наводнений.

Как мы уже говорили, в качестве строительного материала в амрийское и раннехараппское время применялся кирпич-сырец. Затем все большее значение стал приобретать обожженный кирпич. Однако обжиг кирпича был процессом дорогостоящим и трудоемким. Ведь для этого необходимо было заготовить древесину, пережечь ее в древесный уголь и лишь затем проводить обжиг в специальной печи. В крупных городах недостатка в рабочих руках, по-видимому, не было, а вот в небольших провинциальных городках, таких как Калибанган, из обожженного кирпича строили лишь небольшие ритуально значимые постройки, а для обычных использовался кирпич-сырец. Поэтому можно предположить, что хараппцы строили свои города из обожженного кирпича не только потому, что это прочный строительный материал, но еще и потому, что он выполнял важные ритуальные функции.

Крупнейшие города долины Инда были расположены вблизи предгорий, поэтому намного дешевле было бы доставлять прочный камень для постройки крепостных стен, чем в большом количестве обжигать глину. Каменные крепости широко известны практически во всех цивилизациях Старого и Нового Света, тогда как крепости долины Инда построены из кирпича. Значит, на первый план в данном случае выходят именно религиозные, а не фортификационные потребности. Видимо, хараппцы задолго до ариев верили в очистительную силу огня, поэтому постройки из кирпича, побывавшего в огне и изменившего в огне свои свойства, были, по мнению хараппцев, ритуально чистыми.

Мышление представителей древних цивилизаций было целостным, в то далекое время еще не разделяли практический и религиозный смыслы действий. Стены города, построенные из ритуально чистого материала, должны были защищать не только физически, но и на магическом уровне – ведь чужеземцы-захватчики не исполняли религиозных предписаний, а значит, были культово нечистыми. Чистый материал должен был отвергнуть нечистых... Может быть, такой взгляд на мир покажется современному человеку излишне наивным: ведь в конце концов хараппская цивилизация погибла. Но не будем судить строго людей, населявших нашу планету в древности. Они создавали свой мир, совершенно не заботясь о том, как они будут выглядеть в глазах далеких потомков, и старались сделать его удобным и уютным.

Города цивилизации долины Инда имели разный статус⁴. Мистическим центром, как предполагают ученые, был Мохенджо-Даро. Этот город был самым большим – он занимал площадь 2,5 км², а его население, по разным оценкам, составляло от 35 до 100 тыс. человек. Комплекс культовых сооружений в Мохенджо-Даро позволяет увидеть в нем нечто вроде религиозной столицы.

Дело в том, что археологи обнаружили в цитадели Мохенджо-Даро огромный бассейн. Свежую воду в него подавали из особого колодца. По мнению большинства исследователей, бассейн предназначался для ритуальных омовений. В основе религиозной философии протоиндийской цивилизации скорее всего лежали представления о ритуальной чистоте и нечистоте. Вода очищала тело так же, как огонь кирпич. Поэтому обязательным ритуалом, который должен был предшествовать служению божеству или божествам, было омовение тела.

Подобные бассейны существовали и в других городах долины Инда, но их размеры были гораздо меньше. Бассейн в Мохенджо-Даро имеет 12 м в длину и 7 м в ширину. Его глубина 2,5 м. Над бассейном располагался второй этаж, построенный из дерева и потому не сохранившийся, единственное, что сохранилось, – ведущие наверх лестницы. Предположительно, на

⁴ С точностью судить о взаимоотношениях между отдельными городами цивилизации долины Инда ученые пока не могут. Предположительно, города как воевали друг с другом, так и образовывали между собой временные или постоянные союзы. Ясность в этот вопрос, как надеются специалисты, поможет внести расшифровка древнеиндийской письменности.

втором этаже совершались религиозные обряды для немногих посвященных, которые прошли ритуальное очищение. Близ бассейна археологи раскопали зал для собраний, крышу которого поддерживало несколько рядов деревянных колонн. И крыша, и колонны также не сохранились – они сгорели во время пожара. Некоторые историки предполагают, что этот загадочный зал был чем-то наподобие «крытого рынка», но это вряд ли возможно, поскольку представляется сомнительным, чтобы и торговцы, и покупатели специально поднимались в цитадель для совершения сделок. Намного логичнее предположить, что рынок, или точнее несколько рынков, располагался в нижней, жилой части города.

Культовые сооружения в хараппских городах были не только в цитадели, но и в нижнем городе. Одно из таких зданий с остатками каменной скульптуры раскопал английский археолог М. Уилер в Мохенджо-Даро. Возможно, что это был храм для людей, которые по каким-либо причинам не могли участвовать в ритуалах в цитадели. Это большое здание на массивной платформе имело несколько этажей. Верхние этажи, построенные из дерева, не сохранились, но на их существование указывает кирпичная лестница.



Раскопки в Мохенджо-Даро

Древние индийцы вообще любили многоэтажные сооружения. Самые большие жилые дома в городах имели три этажа. Они перекрывались плоскими крышами. Крыши покрывали утрамбованным илом, поскольку он прекрасно держит дождевую воду даже в самые сильные ливни. Крыши были оборудованы очень тщательно, на них был устроен парапет и глиняные водосточные желоба. Стены нижнего этажа строили из обожженного и необожженного кирпича, а верхние этажи делали практически полностью деревянными, и, возможно, они представляли собой открытые веранды. Верхние этажи практически не сохранились, но опять-таки хорошо известны ведущие на них кирпичные лестницы.

В некоторых удаленных районах при постройке домов использовали камень. Камень, в отличие от кирпича, применялся только в архитектуре жилищ, поскольку не имел такого культового значения, как обожженный кирпич. Кроме того, возможно, в каменных домах жили люди, принадлежащие к иной нации или даже расе.

Окон в домах не было, а свет и воздух проникали через небольшие отверстия в верхней части стен. Внутридомовые и наружные двери также были деревянными. Дома состояли из

5–9 комнат, а максимальная площадь, занимаемая первым этажом дома, достигала 355 м². Поскольку верхние этажи домов не сохранились, их планировка восстанавливается учеными очень приблизительно, а потому затруднительно сказать, какова же была общая площадь всех комнат в таком доме.

Вокруг дома располагались хозяйственные постройки. Перед домом был широкий двор, в котором содержали коз, овец и индийских «горбатых» коров (зебу). Здесь же, во дворе, находилась открытая кухня с одним или несколькими очагами для приготовления пищи. Рядом с кухней под крытым навесом стояли большие сосуды для хранения зерна и масла. Поблизости находилась и особая печь, предназначенная для выпечки хлеба. Такие печи очень похожи на те, в которых и по сей день выпекают хлеб в Средней Азии и на Кавказе.

Домашними животными, охранявшими благосостояние хараппцев, были собаки и кошки. Кошки оберегали запасы зерновых от мелких грызунов, а собаки стерегли дома. Еще одно животное, которое одомашнили хараппцы, – слон. Слоны помогали строить дома и крепостные укрепления, расчищать новые участки лесной целины. Если собаки и кошки, по-видимому, считались животными «низшими», то к слону относились с благоговейным почтением. Известно, что в индийском пантеоне был слоновоголовый бог Ганеша. Есть все основания считать его доарийским (хараппским) божеством. В историческое время слонов использовали не только в хозяйственных, но и в военных целях: слон со стрелками на спине был своего рода «живым танком». К сожалению, мы не знаем, использовали ли хараппцы слонов в боевых действиях.

Среди хозяйственных построек примечательны общественные амбары. Хранившееся в них зерно, вероятнее всего, было некоторым неприкосновенным запасом на случай нападения или неурожая, а также предназначалось для жречества и знати. В Хараппе общественные амбары располагались близ реки, к северу от цитадели. Рядом были обнаружены особые каменные платформы, предназначенные для молотбы. Предполагается, что снопы зерна переправляли из дальних деревень по реке и уже в городе их обмолачивали. В щелях каменной платформы археологи нашли сохранившиеся колоски пшеницы и ячменя.

Неподалеку от площадок для обмолота располагались два ряда барачков – небольших однокомнатных строений. Аналогичные постройки были обнаружены и в Мохенджо-Даро. Ученые высказали несколько различных предположений о том, кем были обитатели этих барачков. Возможно, это были обедневшие ремесленники. По другой версии – сезонные рабочие, которые привозили зерно из своих деревень. По третьей – государственные рабы. Поскольку эти постройки представляли собой обособленные дома, можно предположить, что жившие в них люди все-таки обладали личной свободой, хотя и выполняли определенные повинности. Также возможно, что это были беженцы из засушливых степей Белуджистана и Синда, которые согласились на тяжелые работы за право оставаться в городе и получать пищу. Нельзя исключить, что это были военнопленные, захваченные во время нападений на город переселенцев с запада. К сожалению, мы не сможем ничего сказать об этом достоверно до тех пор, пока не расшифрована древнеиндийская письменность.

Существование больших городов в жарком тропическом климате невозможно без удобной и тщательно продуманной системы водоснабжения и канализации. Мы уже говорили о том, что в религиозной системе хараппцев важную роль занимали ритуальные омовения, приносившие и гигиеническую пользу. В каждом городе имелись свои бассейны и колодцы, предназначенные для ритуальных омовений. В них всегда была свежая проточная вода. А кроме таких культовых сооружений существовала и система светских городских коммуникаций. Во дворе практически каждого дома был выкопан колодец для питьевой воды, а на улицах были и общественные колодцы. В домах хараппцы строили ваннные комнаты с душем, туалеты. Вода из служб вытекала в уличную, а затем и в городскую канализацию.

В долине Инда была самая продуманная система канализации во всем древнем мире. На каждой улице жилых кварталов хараппских городов имелись особые отстойники, в которые по канавам стекали нечистоты. Из этих отстойников грязная вода попадала в каналы, а по ним текла за пределы городов, в реку. Каналы были выложены обожженными кирпичами и перекрывались такими же кирпичами или каменными плитами, что обеспечивало не только ритуальную, то и физическую чистоту городов.

Вокруг города, границы которого были четко очерчены крепостной стеной, располагался пригород. Как и в современных городах, пригород не был чем-то единым, а состоял из нескольких поселений. Возможно, в каких-то из них жили люди, которые по какой-то причине не могли поселиться в пределах городской черты. Может быть, это были иноплеменники, спустившиеся с гор Синда и Белуджистана, которые не имели права войти в построенный из ритуально чистого материала город. А может быть, это были потомки покоренных хараппцами племен? Жаль, что мы этого никогда не узнаем...

В пригороде практически каждого города располагался морской или речной порт. Возможно, это связано с представлениями о ритуальной нечистоте чужеземцев или людей, прибывших из дальних стран. Вспомним, что совсем недавно почти в каждом порту была карантинная бухта, в которой корабли и их команды выдерживали в течение 40 дней (само слово карантин происходит от французского «quarante» – «40»). Безусловно, существование такого карантина было вызвано медицинскими и гигиеническими соображениями, в отличие от хараппского, причины которого имели религиозный характер.

Был и целый город-порт, причем торговый. Он назывался Лотхал (Саураштра). Его окружала массивная каменная стена, защищавшая не только от нашествий врагов, но и от наводнений. Расположение в низовьях Инда делало Лотхал очень уязвимым, поэтому все жилые здания в этом городе строились на специальных массивных платформах.

В восточной части города археологи обнаружили верфь (218x37 м), соединенную длинными каналами с рекой, впадавшей в море. Длина одного из каналов, прослеженного археологами от порта до впадения в реку, превышала 2,5 км. В советское время было свойственно преуменьшать значение торговли по сравнению с производством и сельским хозяйством, поэтому ученые пытались представить этот канал как ирригационный (такое мнение даже попало в Большую Советскую Энциклопедию – статья «Хараппская цивилизация»), однако нам представляется, что это мнение неверно. Спутать ирригационный канал с судоходным практически невозможно: они начинают ветвиться уже у самого порта. Кроме того, ирригационные каналы никогда не заканчиваются в городах портовыми складами, а самое главное, в русле ирригационных каналов никогда не встречаются в большом количестве каменные якоря. Такое положение защищало город и порт от нападений со стороны моря, от штормов и прочих погодных катаклизмов.

В Лотхале было много ремесленных мастерских, которые изготавливали товары на продажу. Улицы этого города были значительно уже, чем улицы культового центра протоиндийской цивилизации Мохенджо-Даро. Так, ширина главных улиц составляла всего 4–6 м, а ширина внутриквартальных переулков редко достигала 2 метров.

Быт и занятия хараппцев

Что же ели жители Хараппы и других древних городов долины Инда? Археологам известно, что древние земледельцы этой цивилизации выращивали пшеницу двух сортов, просо, ячмень, кунжут, бобы. Первыми в истории жители долины Инда стали выращивать сахарный тростник. А вот зерна риса нигде обнаружены не были. Однако в городах Саураштры, таких как Лотхал и Рангпур, была найдена рисовая шелуха, а это означает, что по крайней мере в этой более дождливой области индийской цивилизации рис культивировали.

Возделывание риса существенно отличается от возделывания пшеницы, ячменя и других злаков Старого Света, поскольку рис требует особой ирригации. Народы Месопотамии и других соседних с Хараппой стран, кроме, пожалуй, Китая, не знали риса. Некоторые исследователи даже задавались вопросом, а не является ли возделывание риса важным моментом в решении вопроса о местном или пришлом происхождении хараппской цивилизации. Однако Хараппа и земледельческие поселения Китая в то время были отделены не просто тысячами километров, но и сложными природными условиями – высокими горами Тибета, сухими пустынями, – которые делали миграцию народа «рисоводов» невозможной. Кроме того, в Индии того времени не известно ни одного монголоидного черепа, а значит, нет ни одного реально существующего факта, указывающего на то, что хараппцы пришли из Китая.

Жители долины Инда умели выпекать хлеб и варили каши из пшеницы, ячменя или бобовых. К такому гарниру обычно добавлялись мясные блюда из одомашненных животных – овцы, козы, индийской «горбатой» коровы (зебу) и курицы. В качестве десерта на хараппском столе были фрукты и ягоды: финики, манго, сливы, абрикосы, персики, вишни, алыча, терн, айва, миндаль, виноград, клубника, гранат, инжир, плоды сахарной пальмы, орех. В качестве приправ использовались различные соусы и подливы из горчицы, лука и других индийских пряностей. Особой популярностью пользовались у хараппцев плоды лотоса, которые, согласно древним трактатам, считались омолаживающим и поднимающим потенцию средством.

Что же носили древние индийцы 4–5 тысяч лет назад? Найденные в Мохенджо – Даро небольшие кусочки хлопчатобумажной ткани говорят нам о том, что они выращивали хлопчатник. А значит, их одежды были очень удобными для этого влажного и жаркого климата.

Важнейшими ремеслами Древней Индии были также металлургия, керамика и ювелирное дело. Металлурги научились добывать медную руду. Железа хараппцы не знали. Технология добычи железной руды будет открыта лишь спустя 500 лет после гибели хараппской цивилизации. Отсутствие оловянных руд привело к тому, что в Индии хараппского времени не было и настоящей бронзы. Те изделия, которые часто называют «бронзовыми» даже в солидных научных изданиях, на самом деле медные. Для упрочнения меди в расплав добавляли минералы, содержащие никель и мышьяк, поэтому такую бронзу называют «мышьяковой». Понятно, что производство такой бронзы представляло большую опасность и для самих металлургов, и для окружающих их людей. Поскольку металлургические цеха не были вынесены за пределы городов, все жители вдыхали ядовитые испарения мышьяка.

Древними индийцами были освоены такие сложные технологические операции, как плавка, литье и ковка металла. При этом они умели делать не только орудия труда и оружие, но и настоящие произведения искусства, такие как, например, знаменитая бронзовая фигурка танцовщицы. Очень высокого уровня достигло изготовление металлических сосудов. Их делали из меди, золота и серебра.

Столь совершенные изделия получались благодаря тому, что хараппскими ремесленниками была открыта технология «потерянного воска». Вначале мастер лепил модель из воска, потом обмазывал ее глиной, оставляя сверху отверстие. Затем он обжигал глиняную обмазку в печи таким образом, что воск вытапливался, а занимаемое им место образовывало фигур-

ную пустоту, в которую мастер заливал расплавленный металл. Когда металл остывал, керамическую форму разбивали и вынимали почти готовую вещь – ее нужно было лишь слегка зачистить. Конечно же, получившиеся в результате такого литья изделия были совершенно уникальны, ведь ни одна восковая модель не походила в точности на другую, и богатый заказчик мог быть полностью уверен, что он является обладателем уникальной вещи. С помощью технологии «потерянного воска» мастера отливали предметы не только из меди, но и из драгоценных металлов.

Другим важным материалом был камень. Из камня делали сосуды, бусы, подвески. Как же добывали камень в глубокой древности? Ведь в распоряжении людей не было прочных орудий – ни стального долота, ни отбойного молотка. Оказывается, добыча камня возможна и при использовании примитивных орудий труда. Требовались лишь сметка и проникательность. Древние индийцы извлекали камень из горной породы таким способом: сначала перед скалой разводили костер, потом скалу поливали холодной водой. От резкого перепада температур скала трескалась, и тогда в трещины забивали деревянные колья. Колья тоже поливали водой. Дерево впитывало воду, расширялось, и от скалы откалывались огромные глыбы. Они были очень большими, но все же обрабатывать их – отсекал пустую породу от полезной – было легче. Отсеченные куски ценного камня везли в специальные мастерские, где ремесленники превращали их в разные предметы. Одна такая мастерская снабжала изделиями из камня поселения на многие километры в округе. Интересно, что описанным способом хараппцы умудрялись добывать даже очень твердые породы камня – кремень и обсидиан, а ведь эти минералы тверже бронзы.

Жители долины Инда были искусны в прядении и ткачестве. Во время раскопок археологи во многих домах обнаружили пряслица. Это говорит нам о том, что прядением и ткачеством хараппцы занимались на дому, и местные мастерицы похвалялись друг перед другом, соревнуясь в своем ремесле.

До сих пор остается загадкой, знали хараппцы шелк или же нет. Остатки шелковых тканей или хотя бы ниток обнаружены не были, но шелк известен в послехараппских поселениях на Катхияварском полуострове и в центральной Индии. Судя по тому, что обитатели этих поселений жили в маленьких домах, напоминающих своей круглой и овальной формой жилища кочевников, они лишь недавно перешли от кочевого образа жизни к оседлому. А значит, вряд ли к моменту своего появления в здешних краях умели делать шелковые ткани. Поэтому есть вероятность, что изготовление шелка было позаимствовано ими у предшественников – хараппской культуры.

Керамика, в отличие от общедоступных занятий – прядения и ткачества, – была занятием мастеров. По всей стране была распространена керамика одного типа, которую невозможно спутать с керамикой других культур. Посуду, которая после обжига в специальных печах приобретала красноватый цвет, украшали геометрическими и растительными узорами преимущественно черной краской.

Особым ремеслом было изготовление терракотовых фигурок. Терракота представляет собой разновидность керамики, изготавливаемой не из обычной, а из цветной глины, благодаря чему полученные изделия приобретают различные оттенки – от черного и красно-коричневого до светло-кремового. Терракотовые фигурки хараппской цивилизации интересны не только искусствоведам, но и историкам, поскольку они могут рассказать многое о том, как жили хараппцы. Древние мастера передавали даже орнаментальные узоры на одежде мужчин и женщин. Наряды, которые мы можем видеть на хараппских статуэтках, свидетельствуют, что жители протоиндийской цивилизации носили практически то же, что и индийцы времен завоевания Индии англичанами, а именно: сари и дхоти – широкие отрезки хлопкового полотна, которые несколько раз особым образом оборачиваются вокруг тела.

Терракотовые модели домов позволяют нам увидеть, как выглядели жилища хараппцев, ведь почти все дома были уничтожены завоевателями или же разрушились от времени, и до нас дошли в лучшем случае фундаменты некогда величественных построек. В одном из слоев Мохенджо-Даро, относящемся к доарийскому времени, обнаружена глиняная модель двухколесной повозки. Традиционно считается, что колесный транспорт изобрели арии. Однако возможно, что первенство и в этом изобретении принадлежит хараппцам.

Поскольку хараппская письменность до сих пор достоверно не расшифрована, социальная структура хараппского общества остается загадкой. Археологи открыли в цитаделях Мохенджо-Даро, Хараппы и Калибангана дворцы правителей и административные учреждения городских властей. О наличии административного аппарата косвенно свидетельствуют и хорошо налаженные работы по строительству жилых кварталов и крепостей, а также системы водоснабжения и канализации. Общественные амбары, открытые в различных городах долины Инда, указывают на наличие целой группы чиновников, ведавших распределением общественных запасов, однако каким образом распределялись эти запасы, для нас остается загадкой. В пользу существования особых социальных групп чиновников и ученых говорит и то, что многие стороны жизни хараппской цивилизации были строго унифицированы – существовала единая система мер и весов, общая письменность, общая система городской планировки и городских коммуникаций.

Дворцы в городах долины Инда скрывают много тайн. И действительно, был ли в каждом городе свой царь или же все дворцы были сезонными резиденциями верховного царя. Климат Индии таков, что в нем четко выделяются три сезона – лето, зима и сезон дождей. В каждом из дворцов верховный царь мог жить один сезон. А если царей было несколько? В каких отношениях находились правящие династии Мохенджо-Даро, Хараппы и Калибангана? И были ли это династии? Может быть, после смерти прежнего правителя народ избирал себе нового царя путем испытания претендентов на силу, ловкость и выносливость, как это происходило у народов Европы? А может быть, это были не царские дворцы, а резиденции верховных жрецов и вся система власти в цивилизации долины Инда была теократической? В таком случае строительство цитадели из обожженного кирпича (т. е. ритуально чистого материала), значительно возвышающейся над нижним городом, должно было означать и возвышение жречества как посредников между миром небесных богов и миром людей.

Предположительно, в каждом городе, помимо правителя, существовал и городской совет. Но его роль до сих пор остается неизвестной. Любопытное, но совершенно недоказуемое предположение высказал французский археолог Ж.-М. Казаль. В крупных городах, таких как Хараппа и Мохенджо-Даро, заметно имущественное расслоение: двух-трехэтажные дома и царские дворцы в этих городах соседствуют с однокомнатными лачугами. А в небольших городах, таких как Калибанган и Лотхал, такого имущественного расслоения не обнаружено. Напротив, в небольших городах, например в Калибангане, здания мало различаются по размерам и убранству, а дворец правителя не очень отличается от домов рядовых жителей. Значит, предположил Ж.-М. Казаль, на территории хараппской цивилизации относительно мирно уживалось два типа социального устройства: авторитарная власть в столичных городах и либеральные общины небольших городов.

Существовало ли в протоиндийской цивилизации рабство? Советские ученые по аналогии с месопотамским и египетскими обществами III–II тыс. до н. э. предположили, что в хараппском обществе тоже были рабы и рабовладельцы. Однако доказать это предположение невозможно, пока не будут прочитаны хараппские тексты. Тот же

Ж.-М. Казаль выдвинул еще одну гипотезу. Он выделил миниатюрные печатки с простым и очень кратким текстом в особую группу и предположил, что они представляют собой «удостоверения личности» рабов или наемных работников. Но поскольку мы не можем прочитать написанный на этих табличках текст, то невозможно и сказать, прав Ж.-М. Казаль или же

выдвинутая им гипотеза беспочвенна. Еще одна любопытная гипотеза была высказана английским археологом Д. Гордоном. Он утверждал, что терракотовые фигурки людей в круглых шапках, сидящих на корточках и сжимающих руками колени, изображают рабов. Аналогичные изображения рабов известны и в Месопотамии, и в Древнем Египте, но возможна ли такая параллель? Да, действительно, приток рабов из числа захваченных в плен мигрантов возможен, но был ли он в действительности?

Различие в размерах домов в нижнем городе однозначно говорит об имущественном расслоении жителей городов, но каким образом происходило такое расслоение? Становились ли богачами торговцы, ремесленники, воины и охотники, или же привилегированным слоем были только жрецы? Какие священные предметы служили символами власти и богатства для жителей долины Инда? Кто владел земельными наделами и садами – отдельные семьи, родовые общины, жрецы, жреческие корпорации, цари городов, городской совет или же верховный царь? И была ли земля вообще ценностью в этой цивилизации?

Что представляли собой деревни в округе городов? Как выяснилось, они поставляли снопы в города, где снопы обмолачивали. Зерно хранили в общественных зернохранилищах, но были ли эти крестьяне хараппцами, или же они были местным населением, которое покорили и обложили налогами хараппцы?

Проживали ли жители Хараппы, Мохенджо-Даро и других поселений в своих городах почти всю свою жизнь, или же они обитали в окрестных деревнях, а в свои дома в городах появлялись лишь на ежегодные праздники и по другим светским потребностям? Возможно, города хараппцев были лишь культовыми столицами, в которых собиралось все население окрестных поселений только в особые календарные даты, подобно затерянным в джунглях городам майя.

Поскольку в хараппском обществе можно обнаружить некоторые социальные группы – торговцев, жрецов, ремесленников, воинов, чиновников, а, возможно, также земледельцев и рабов, то некоторые ученые утверждают, что уже в протоиндийской цивилизации зародилась система каст.

К сожалению, ни эти, ни другие гипотезы на современном уровне знания невозможно ни доказать, ни опровергнуть. Все поставленные вопросы так и остаются без ответа... Письменность древней цивилизации надежно хранит свои тайны.

Как уже отмечалось, одной из самых сильных сторон протоиндийской цивилизации была торговля, которая велась как морским, так и сухопутным путем. Торговля в долине Инда была распространена с древнейших времен. В одном из слоев Мохенджо-Даро, относящемся к доарийскому времени, обнаружена глиняная модель двухколесной повозки. Аналогичные повозки известны по всему Ближнему и Среднему Востоку исторического времени и носят название «арба». Такие же повозки использовали хараппские торговцы в своих сухопутных поездках. Как показали раскопки советского археолога В. М. Массона в Алтын-Тепе, хараппские торговцы доходили до Каспийского моря. Их путь пролегал через Белуджистан и Афганистан в Южную Туркмению, в то время представлявшую собой благодатный край плодородных степей и долин. Туда хараппские торговцы вывозили ремесленные изделия, а оттуда везли зерно, скот, а также пищевые продукты, поскольку весьма сомнительно, чтобы долина Инда могла прокормить такое значительное население, ведь только в одном Мохенджо-Даро, по некоторым оценкам, проживало 100 тысяч человек⁵

В Лотхале была обнаружена терракотовая модель корабля, с углублением для мачты. Таким образом, можно говорить, что хараппцы ходили под парусом, используя сезонные изменения ветров.

⁵ Зависимость от импорта продовольствия из Южной Туркмении могла стать одной из причин упадка культуры долины Инда: нашествие арийских племен, шедших вдоль Каспия в Иран и разрушивших богатые поселения Туркмении, привело к голоду в долине Инда.

Один из важных маршрутов хараппских торговцев пролегал во внутренние районы Южной Индии, где находились места добычи золота и серебра. Торговцы морем шли вдоль западного берега полуострова Индостан, а затем высаживались на берег и двигались к серебряным рудникам и золотоносным рекам сухопутным путем.

Исследования хараппских городов в долине Ганга еще только начинаются, поэтому пока трудно оценить значение восточной торговли протоиндийской цивилизации. Но уже сейчас можно уверенно говорить о том, что хараппские торговцы проникли в Бенгальский залив.

Самой важной и хорошо документированной является для историков торговля с Месопотамией. В месопотамских источниках есть три загадочные страны, которые не поддаются однозначной идентификации – Дильмун, Маган и Мелухха. Из этих стран приходили торговые корабли, груженные разными диковинками, например слоновой костью. Договоры, которые заключали жители Месопотамии, обозначают страны Маган и Мелухха как расположенные где-то далеко за Дильмуном.

Страна Мелухха почти достоверно отождествляется с протоиндийской цивилизацией. А вот локализация страны Маган остается тайной. Некоторые историки считают, что это Белуджистан. Другие полагают, что и Маган, и Мелухха – это различные города долины Инда (например, Лот-хал, морской порт, и Мохенджо-Даро, культовая столица). Иногда считают, что и Дильмун – тоже название одного из индийских городов (например, Лотхала, в таком случае Маган, и Мелухха – два крупнейших города долины Инда – Хараппа и Мохенджо-Даро). Но поскольку Дильмун иногда описывается в шумерских текстах как древняя прародина шумеров, то большинство исследователей считает, что Дильмун – это Бахрейн. Там около 40 лет назад были обнаружены поселения культуры, очень похожей на шумерскую. Бахрейн был перевалочным пунктом на пути из Хараппы в Шумер и назад.

В Двуречье археологами найдено много хараппских изделий – бусы, печати, морские раковины, ткани. Список товаров, привозимых из Мелуххи, согласно документам, еще более богат и разнообразен: полудрагоценные камни (халцедон, сердолик, лазурит), медь, золото и серебро, эбеновое и мангровое деревья, тростник, павлины, петухи, искусно инкрустированная мебель и многое другое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.